

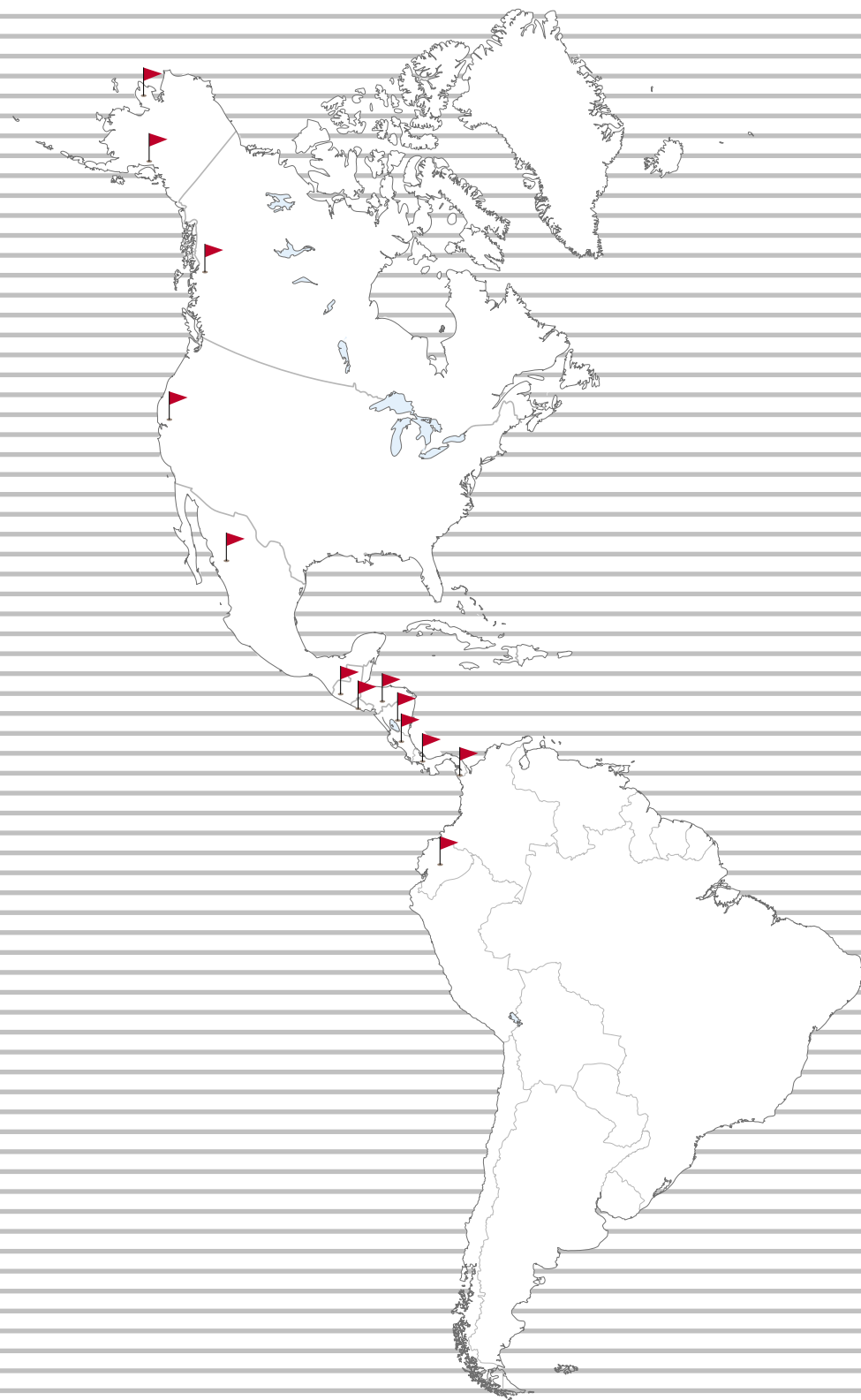
Камиль Зиганшин

ОТ АЛЯСКИ ДО ЭКВАДОРА

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
«ОГНЕННЫЙ ПОЯС ЗЕМЛИ»

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН || ОТ АЛЯСКИ ДО ЭКВАДОРА

от АЛЯСКИ до ЭКВАДОРА

По следам экспедиции
Русского географического общества
«ОГНЕННЫЙ ПОЯС ЗЕМЛИ»

СО ДЕР ЖА НИЕ

**АЛЯСКА —
НЕ АМЕРИКА**
стр. 12

1

**ВПЕРЁД,
В КАНАДУ!**
стр. 46

2

**США. ВУЛКАН
БЕЙКЕР**
стр. 62

3

**БУЭНОС
ТАРДЕС,
МЕКСИКА!**
стр. 80

4

**СЛУЧАЙ
В ГОНДУРАСЕ**
стр. 132

7

**ЗДРАВСТВУЙ,
ПАНАМА!**
стр. 150

10

**ЧП
В ГВАТЕМАЛЕ**
стр. 106

5

НИКАРАГУА
стр. 136

8

**ЭКВАДОР —
ЭКВАТОР**
стр. 158

11

САЛЬВАДОР
стр. 126

6

КОСТА-РИКА
стр. 140

9

ЭПИЛОГ
стр. 170

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

это словосочетание обладает магической силой. Люди всегда с большим уважением относились и относятся к тем, кто совершал подобные путешествия. Но, спрашивая себя: «А смог бы я пройти кругосветку?» — практически все отвечают: «Нет! Это невозможно!»

Кому-то не хватает здоровья, кто-то боится потерять семью или работу, у кого-то не хватает средств. То есть главная причина — в наших страхах. Только освободившись от них и дав волю своему воображению, мы делаем первый шаг к тому, чтобы позволить себе мечтать. А когда мечта завладевает тобой так, что ни о чём ином думать не можешь, то судьба непременно предоставляет шанс. У меня так и получилось. В конце 2010 года узнал, что Русское географическое общество организует кругосветную экспедицию «Огненный пояс Земли». Пройшёл собеседование — и был включён в её состав в качестве летописца.

С какой целью Русское географическое общество организовало эту экспедицию?

Первопричиной явился рост вулканической активности и реальная возможность извержения супервулканов. Супервулканы — это самая деструктивная сила на нашей планете. Они имеют огромные размеры и мощь, в десять тысяч раз превосходящую силу извержения обычного вулкана. Взрыв супервулкана (именно взрыв, а не извержение) влечёт за собой катастрофические изменения условий жизни на всей планете.

Последняя подобная катастрофа — извержение вулкана Тоба — случилась на Суматре 75 тысяч лет назад. Миллиарды кубических метров пепла попали в атмосферу, и солнечные лучи долго не могли пробить его толщу. Произошло длительное глобальное понижение температуры на 19–21 градус. В результате этого в разы сократилась численность животных, а часть видов вообще вымерла. Не меньшие потери понёс и растительный мир.

В отличие от обычных вулканов, имеющих форму конуса, супервулканы представляют собой огромные впадины на земной поверхности, называемые кальдерами. При классическом извержении лава поднимается по жерлу и, заполнив кратер, изливается наружу. В супервулканах же магма заперта в гигантских подземных резервуарах. Скапливаясь в них, она начинает давить на земную кору. Это продолжается в течение сотен тысяч лет. Когда давление достигает критической отметки, происходит взрыв чудовищной силы, в результате которого гибнут целые континенты. Таких спящих «монстров» на земле несколько.

Один из самых «созревших» находится в Йеллоустонском парке в США. В настоящее время резервуар под его кальдерой заполняется магмой с угрожающей скоростью. Поскольку период между взрывами этого супервулкана находится в вилке 600–700 тысяч лет, а последнее извержение произошло 640 тысяч лет назад, земля живёт в преддверии очередного катаклизма.

Тогда огромное давление, нагнетаемое в течение столь длительного периода, прорвёт земную оболочку, и магма будет выброшена в атмосферу на высоту около пятидесяти километров. В радиусе тысячи километров вся жизнь погибнет за нескольких часов. Но не надо думать, что пострадает только Северная Америка. Если температура понизится на расчётные 19–21 градус, в обоих полушариях лёд покроет обширные территории и они станут непригодны для жизни.

Идея обследования вулканов тихоокеанского пояса — самых беспокойных на нашей планете — была выдвинута краснодарским геоморфологом, опытным путешественником, чемпионом России по спортивному туризму Константином Мержоевым. Ему и выделили грант для выполнения программы, рассчитанной на 900 дней. Она предусматривала обследование семидесяти вулканов, разбросанных по витиеватому побережью Тихого океана. Протяжённость маршрута — 70 тысяч километров.

Среди основных задач экспедиции следует выделить три.

1. Научная — получить одномоментный срез состояния вулканов тихоокеанского пояса, оценить степень их активности.
2. Спортивная — совершить первое в истории непрерывное кругосветное путешествие «поперёк» земли, то есть не по параллели, а по меридиану, используя самые разные средства передвижения: снегоход с санями, лыжи, автомобиль, велосипед, катамаран и... свои ноги.
3. Медицинская — наблюдение за изменениями физического и психического состояния малочисленной группы людей при длительных нагрузках.

Представляю членов нашей некурящей и практически непьющей группы. О предводителе и идейном вдохновителе, сокрушающем своей энергией все преграды, **КОНСТАНТИНЕ МЕРЖОЕВЕ** [44 года] я уже упоминал, теперь коротко об остальных.

Рачительный завхоз и обаятельный балагур с лидерскими задатками **АЛЕКСЕЙ КАЗАЧЕНКО** [25 лет]

Не знающий ни минуты отдыха хронометрист, красавец, обладатель лучезарной, располагающей с первого взгляда улыбки **НИКОЛАЙ КОВАЛЕНКО** [25 лет]

Толковый специалист в области медицины **АНДРЕЙ КОЛОДКИН** [25 лет]

Похожий на былинного богатыря заведующий снаряжением — **ИЛЬЯ СЕМЁНОВ** [24 года]

И единственный очкарик пенсионного возраста с писательскими наклонностями — **АВТОР ЭТИХ СТРОК**

«МОСКВА → АНКОРИДЖ*» 20 ЧАСОВ В ВОЗДУХЕ!

Три месяца предстартовых хлопот пролетели как одна неделя. 19 февраля мы вылетели из Москвы на Аляску**, в город Анкоридж, откуда отправимся на снегоходах к мысу Принца Уэльского — исходной точке кругосветки.

В солнечной, по-южному тёплой Атлантике приземлились с опережением на 1 час 10 минут. Этот подарок оказался весьма кстати: из-за наплыва пассажиров паспортный контроль, таможенный досмотр и проход металлодетекторов заняли довольно много времени. Прилети мы по расписанию — вряд ли успели бы на свой рейс в Солт-Лейк-Сити.

А этот город встретил дождём, пронизывающим ветром и отсветами кровавого заката. Зато Анкоридж — конечная точка перелётов — порадовал звёздным небом и привычным двадцатиградусным морозом, согретым теплом дружеских объятий соотечественников — Виктора Семёнова и Василия Данилюка. Они помогли загрузить багаж в машину и повезли нас сквозь чернильную тьму безлунной ночи в гостиницу.

В общей сложности в пути мы пробыли ровно сутки. Из них 20 часов в воздухе! Прыжок через двенадцать часовых поясов завершён! Перед сном я долго изучал сквозь трёхслойное оконное стекло непривычную карту созвездий, а отыскав любимую Большую Медведицу с высоко задранной ручкой ковша, успокоился и... присоединился к храпящему рядом Илье.

* Американцы произносят – Энкридж, но мне русская транскрипция кажется мелодичней.

** Аляска в переводе с алеутского языка – «китовое изобилие».

АЛЯСКА — НЕ АМЕРИКА

Аляска — самый крупный штат США, площадь — 1519 тыс. кв. км, население — 700 тыс. человек, столица штата — Джуно.

1

АНКОРИДЖ — НЕОФИЦИАЛЬНАЯ СТОЛИЦА АЛЯСКИ

С утра отправились в турне по магазинам: закупать провиант, снегоходы и недостающее снаряжение. Анкоридж представлял собой одно- и двухэтажный блин, широко размазанный по пойме (долине) реки Матануска, с несколькими торчащими «небоскрёбами» из стекла и бетона посерединке. Город с трёх сторон подпирают пилообразные отроги гор, а с четвёртой (с запада) ограничивает залив Кука. Численность населения — 300 тысяч человек, но пешеходов на улицах почти нет — все на колёсах. Как правило, на грузопассажирских внедорожниках «форд», «шевроле», «тойота» немислимых размеров и с полуметровым дорожным просветом. На некоторых установлены подвесные ножи для очистки пути от снега. Получается вездеход в квадрате! Легковых машин средней величины мало, а малогабаритные — вообще в диковинку. Не любят их американцы.

Почти все автомобили с GPS-навигаторами: водитель набирает адрес и рулит, следуя голосовым подсказкам — «две мили прямо, через 200 футов направо...». Некоторые настолько привыкли к ним, что без навигатора плутают даже в своём районе. Цена на бензин повыше нашей: 3,6–4 доллара за галлон (галлон — 3,8 литра).

Половина улиц с односторонним движением. В этом, помимо плюсов, немало и минусов — для того чтобы заехать, к примеру, в соседний двор, водитель вынужден делать приличный крюк. В итоге число машин на улицах как бы удваивается. Дороги и тротуары, несмотря на обилие снега, чисто выскоблены. Ходить и ездить по ним — одно удовольствие. Удивило то, что для пешеходов зелёный свет горит всего 6–8 секунд. Но, надо отдать должное водителям, ни один из них не тронется, пока пешеход не освободит проезд.

Что ещё бросилось в глаза? Люди, невзирая на мороз, одеваются довольно легкомысленно: трикотажная курточка, непокрытая голова. Одна крупногабаритная тётя прошествовала мимо нас в тоненькой кофточке, в короткой юбке и в штиблетах на босу ногу. Нос посинел, а она улыбается — ей хорошо. Наша команда, облачённая в пуховики, рассчитанные на пятидесятиградусный мороз, вызвала у местных снисходительные улыбки.

Застройка улиц смешанная: стиль кантри соседствует с городской архитектурой. Старых зданий мало — в 1964 году город был до основания разрушен Великим Аляскинским землетрясением с магнитудой в 9,2 балла! Деревьев много, правда совсем молодых, — похоже, что озеленением занялись недавно. На улицах и в скверах — вырезанные из стволов деревьев фигуры индейцев, птиц, зверей. Глухие стены домов отданы под красочные картины профессиональных художников. Практически во всех холлах гостиниц, торговых центрах гостей встречают необычные швейцары — чучела гризли. Один из них (с острова Кадьяк) был высотой не менее трёх метров — на такого с рогатиной не пойдёшь! Виктор Семёнов утверждал, что на Аляске медведи весом в полтонны не редкость. (Наши камчатские не меньше.)

Фойе украшены рогами сохатых. Тоже, кстати, внушительных размеров. В толще иных «лопат» искусно вырезаны объёмные сюжеты из жизни аборигенов, горно-таёжные пейзажи. В магазинах изобилие экзотических сувениров из меха и клыков морских животных, сделанных руками алеутских и эскимосских мастеров.

Аптек почти нет. Видел всего одну. Ассортимент медикаментов скудный, а цены заоблачные — на порядок выше наших. Так что болеть в Америке накладно.

Пешеходы, как правило, здороваются. Даже когда идёшь мимо офиса, в окно обязательно помашут рукой. Большинство женщин курит. Бросается в глаза то, что все они широко и густо подводят глаза чёрным карандашом.

Русских довольно много. Жизнь у них складывается по-разному. Кто-то вписался в американскую систему и счастлив. Кто-то только и думает, как бы поднакопить денег и вернуться на родину.

Порт в Анкоридже занимает громадную территорию. Разделённые проездами площадки заставлены тысячами ярко окрашенных контейнеров. Мимо них то и дело проползают длиннющие эшелоны с сырой нефтью. Тянут их от побережья Северного Ледовитого океана, сотрясая окрестности чудовищными гудками, сразу четыре жёлтых локомотива: иначе им не одолеть многочисленные горные перевалы.

С закупкой съестных припасов возникли неожиданные сложности — нужных натуральных продуктов (тушёнки, сухарей, круп и т. п.) в магазинах не было. Всё какие-то суррогаты в красивой упаковке. (Привезти с собой

провиант мы не могли — на американской таможне всё съестное конфисковывают.) Неприятно удивил хлеб — он тут вообще никакой: ни запаха, ни вкуса. Жжёшь какую-то пресную, вязкую, по вкусу похожую на бумагу массу.

23 февраля перед утренней пробежкой Костя поздравил нас с Днём защитника Отечества. По этому случаю распили четверть яблочного сока (кстати, это один из немногих американских продуктов, не вызвавший нареканий). Наш ежедневный тренировочный маршрут охватывал периметр порта с выходом на смотровую площадку возле устья реки Матануска. Поскольку уровень воды в заливе за зиму упал метра на два, припай вдоль берега обвалился, образовав непроходимые, смёрзшиеся торосы. Мимо них с шорохом ползли бесконечной лентой льдины. Стало понятно, отчего у причалов нет судов — залив плотно забит этим подвижным месивом. Открытые окна воды просматривались лишь на выходе из залива Кука, километрах в пяти от порта. Проплывающий лёд довольно грязный. Видимо, из-за городских стоков.

На севере проступала нечёткая громада Аляскинского хребта. Перед ним тянулись кряжи пониже. Их заснеженные пики, тронутые первыми лучами солнца, на глазах разгорались нежным пурпуром...

Уже третий день рыщем вместе с опекающими нас соотечественниками по городу и его окрестностям в поисках снегоходов. Казалось бы, что может быть проще покупки снегохода в промороженной Аляске?! Нам все карты спутали международные ежегодные гонки «Айдитарод Трэйл» на снегоходах и упряжках, стартующие недели через две из окрестностей Анкориджа до городка Ном, что на берегу Берингова пролива (протяжённость трассы 1868 км). Из-за них вся техника забронирована, а если продаётся, то по космическим ценам.

Чем больше общаемся с местными русскими, тем откровенней они становятся в своих высказываниях об американском образе жизни. И к нам постепенно приходит понимание, что не всё тут так радужно, как показалось вначале. Из их слов следовало, что, да, здесь красиво, удобно, но вся система настроена на то, чтобы человек непрерывно вертелся, работал на пределе, лишь только расслабился — она выбрасывает его на обочину. В последние годы многие разорились, особенно те, кто набрал кредиты. А уж если заболел, то это катастрофа для семейного бюджета.

Сегодня Василий Данилюк (немногословный, добрейшей души крепыш лет сорока пяти) пригласил нас на рыбалку. Желание изъявили все, но Костя отпустил только двоих, менее занятых, — меня и нашего доктора Андрея. Через полчаса подъехали к озеру (а их тут не счесть). Сильный ветер с шипением гнал по голому льду вихрастую позёмку. Съехав на изъеденную трещинами стекловидную броню, встали под защитой лесистого островка. Он прекрасно защищал от ветра. Здесь, в тиши, на солнце, Василий, обутый в огромные надувные ботинки из двухслойной резины

с войлочными вкладышами (в такой обуви никакой мороз не страшен), за пять минут надырявил механизированным буром в полуметровом льду с десятков лунок. Размотал леску до нужной длины, насадил на каждый крючок по кусочку креветки и опустил в таинственно чернеющий кружок воды. Не успела наживка достичь дна, как Василий подсёк и вытащил серебристую форель. Прикинул — маловата! Отпустил подрастать. И был вознаграждён: пошёл крупняк.

У меня же ни одной поклёвки. Я направился было к другой лунке, как из-за острова вырулил громадный полицейский джип. Из него вышел одетый в бронежилет, обвешанный на-

ручниками, рацией, фонарями и оружием бритоголовый верзила. Просветив нас пронзительным взглядом, он решительно направился ко мне и потребовал паспорт. Изучив его, тоном, не терпящим возражений, объявил:

— Вам рыбачить нельзя!

И, пробубнив на ходу ещё что-то, уехал. (К стоявшему с фотоаппаратом Андрею он даже не подошёл.) Василий перевёл: «Рыбачить на Аляске имеет право только тот, кто прожил здесь не меньше года». Нельзя так нельзя. С полчаса мы с азартом наблюдали, как Василий таскал рыбу. Горка на льду быстро росла. Я не устоял, решил проверить, есть ли наживка на моей удочке. Вытянул леску — крючок голый. Насадив новый аппетитный кусочек креветки, бросил обратно. И в тот же миг окрестности сотряс рёв сирены. Обернулись — из леса прямо на нас спрыгнул на лёд, весь в клубах снега, знакомый джип. Он весь в переливистом сиянии красных и синих огней: не машина, а новогодняя ёлка. Подлетев ко мне, джип встал как вкопанный. Дверь распахнулась, и из кабины выскочил взбешённый блюститель порядка.

— Вы нарушили! Паспорт! — прокричал он с таким торжествующим видом, что можно было подумать, будто в этот момент им предотвращено самое страшное в истории Америки преступление.

Получив паспорт, он сел в машину и надолго склонился над ноутбуком. Стою, терпеливо жду. Наконец стекло слегка опускается, «голова» спрашивает мой рост, вес и начинает заполнять бумаги. Я хотел подойти и попытаться разжалобить его покаянным видом, но, как только сделал шаг, бритоголовый рявкнул: «Стоять!» В итоге — штраф 200 долларов! Я ужасно расстроился — это же приличные, особенно когда в дороге (да ещё за границей), деньги, и про себя сразу решил: платить не буду. Василий, зная привычный ход мыслей среднестатистического россиянина, предупредил:

— Камиль, служака, похоже, вредный. Обязательно проконтролирует оплату — они получают процент от штрафа. Если увидит, что деньги не поступили, объявит в розыск. Тогда на границе могут надеть наручники и отправить в тюрьму за неподчинение властям.

Никогда не хотел в Штаты, а теперь и подавно — отбили охоту на всю жизнь! И дело не в штрафе (факт нарушения налицо), а в неадекватной агрессивности упивающегося безграничной властью полицейского. Надо же! Полчаса высматривал в бинокль: рыбачит, не рыбачит. Неужели ему больше нечем заняться? Да уж! Что-то неуютно русскому в Америке! Даже на Аляске нет воли.

В один из дней после обеда нас пригласили на богослужение в местную церковь. Отец Сергей встретил необычайно крепким для его тщедушного сложения рукопожатием. Неприятный, я бы даже сказал, отталкивающий облик священника (плешивая голова, острый нос, маленькие глазки) не располагал, но во время проповеди он до такой степени восхитил меня, что я перестал обращать внимание на его внешность. Всего в церкви собралось человек сорок. Простые, понятные слова отца Сергея глубоко проникали в их сердца. Вселяли в них благодать и счастье. Приятно было наблюдать, как прямо на глазах светлели, преображались лица прихожан.

В песнопении небольшого хора звучала такая любовь к Богу, что я и сам невольно воспарил душой. По завершении службы отец Сергей представил нашу команду и попросил Костю рассказать прихожанам о маршруте экспедиции, её целях.

От услышанного люди пришли в изумление. «Как вы решились на такое?!» — восклицали одни. «На вулканах столько опасностей!» — предупреждали другие. После чего все принялись дружно молиться за успех нашей небывалой затеи. Затем спустились в нижний зал — трапезную, где угостились приготовленной самим батюшкой картошкой, тушёной с мясом карибу.

Мне, как россиянину, очень хотелось понять, кто в Америке успешнее в бизнесе: русские или американцы? И я спросил об этом у отца Сергея.

— Бесспорно, русские. Мы ведь привыкли к трудностям и чужаемся кредитов. Заработанное стараемся в дело вкладывать, а не проматывать на Гавайях. Разные, конечно, есть люди, но в основном — наши молодцы.

Тут нужно добавить, что на Аляске большинство русских — верующие, и практически никто не пьёт. Интересно, что и алеуты, и эскимосы в большинстве православные. Этому в немалой степени способствовало то, что пришедшие сюда с промышленниками русские монахи уже в конце 18 века перевели Библию и Евангелие на их языки, разработав для этого и соответствующую азбуку (до прихода русских у аборигенов не было письменности). И до сих пор в обиходе коренного населения немало русских слов (собака, платок, зелье, срам...). Индейцы же по-прежнему крепко держатся своих обычаев и верований.

Встали, как всегда, в 6 часов. Перед завтраком вместо традиционной пробежки Костя дал команду испытать в реальных условиях купленные вчера две трёхместные палатки. Одевшись потеплее, вышли во двор отеля. Расчистили при свете налобных фонариков от снега площадку и развернули ярко-оранжевые полусферы. Потом набились в одну из них и, рассевшись по периметру, стали оживлённо обсуждать достоинства и недостатки наших будущих жилищ, вспоминая смешные случаи из походной жизни. Особенно много их хранилось в памяти командора. При этом он так артистично всё изображал, что мы то и дело покатывались от хохота. В самый разгар очередного представления снаружи на нас посыпались гневные тирады. Несмотря на скудость познаний в английском, мы поняли: требуют освободить принадлежащую отелю территорию от палаток. В случае неподчинения обещают вызвать полицию. Чтобы не испытывать судьбу, стали поочерёдно вылезать наружу. Сотрудники отеля, увидев знакомые пуховики, залепленные красочными эмблемами Русского географического общества и экспедиции «Огненный пояс Земли», о которой в Анкоридже уже знал каждый второй, сначала смутились, а потом рассмеялись и... стали просить разрешения сфотографироваться с нами на фоне палаток.

АЛЯСКА — НЕ АМЕРИКА

Гип-гип-ура! Наконец нашли два подходящих, способных выдержать многокилометровую гонку через горы и заваленную снегом тайгу, снегохода мощностью по 150 л. с. Они хоть и бывшие в употреблении, но заводятся и тянут как новые. Завтра установим на санях дышла, полозья, прикрепим к снегоходам фаркопы, погрузимся, и после обеда в путь! Настроение сразу изменилось. Охваченные предстартовым возбуждением, все повеселели. Так происходит всякий раз, когда собираешься в незнакомые места, а сейчас особенно, потому как край этот — волнующая воображение россиянина Аляска. Да, чуть не забыл: утром Анкоридж очередной раз потрянуло. Да так, что стёкла задребезжали. Огненный пояс не дремлет!

Ужинали у Виктора. Он живёт почти в центре Василлы, городка, расположенного в 75 километрах от Анкориджа. Это имя он получил в память о благочинном попе Василии, служившем в этих местах в 19 веке.

Василла — необычное поселение. Прежде ничего подобного я не видел. Представьте обширную (километров двадцать в диаметре) котловину, покрытую девственной тайгой. Среди деревьев и бродящих тут и там сохатых выглядят дома, стоящие друг от друга на расстоянии 100–200 метров. Фасадами все они смотрят на лесные дороги, которые именуются улицами. Лишь в центре здания стоят достаточно плотно, и Василла становится похожа на город в привычном понимании этого слова. При численности населения 20 тысяч в городке двадцать футбольных полей, три открытые хоккейные площадки, два закрытых и два открытых бассейна.

Оказывается, Аляска — единственный штат, где во время кризиса 2008 года экономика не только не снизила обороты, а, напротив,

“

Оля, жена Виктора, щедрая, открытая женщина из многодетной, в 18 человек (!), семьи, весь вечер потчевала нас русскими блюдами: наваристыми щами, пельменями, картошкой, солёными помидорами, селёдкой, а также пирогами и — вместо привычной для нас водки — напитком из брусники с добавлением клюквы, калины. Хозяева интересовались обстановкой в России, последними новостями. Услышать их из уст краснодарцев им было приятно вдвойне — Виктор сам родом из этого края. Нас же интересовало, чем живут люди на Аляске, почему из тёплого штата Вашингтон он со всей семьёй, а у него шестеро детей (у Василия Данилюка ещё больше — семеро), переехал на край света.

стала расти. Показательно, что во Флориде стоимость домов упала в пять раз, на Гавайских островах в три, а на Аляске, наоборот, даже чуть поднялась. Одна из причин этого явления: каждый, кто живёт здесь (включая детей), ежегодно получает северную надбавку (они её называют «дивиденды») в размере от 1300 до 3300 долларов (в зависимости от экономических показателей штата). Так, например, семья Виктора в прошлом году получила 26400 долларов. А коренные жители получают ещё и солидную ренту от нефтяников. (Под твёрдой, как камень, вечной мерзлотой сосредоточены главные богатства Аляски — огромные запасы нефти.)

Каждый, кто прожил на Аляске более года, может приобрести лицензию на отстрел одного лося и двух карибу. В ней указано, где и в какие сроки можно охотиться. Кроме того, даётся разрешение (пермит) на ловлю красной рыбы (здесь её называют сэлман, кинг-сэлман, сэлман-рэд, сэлман-сильвер) — 15 голов на главу семейства и по 10 на каждого члена семьи. Ловить разрешается только в определённых реках. Эта норма действует для одной речки. Столько же можно добыть ещё на двух других, открытых для промысла. Стоит этот годовой пермит 200 долларов. Мойву же разрешается ловить без ограничения. Так создаются условия для притока населения в этот богатый, но по-прежнему малолюдный край.

Нарушения правил охоты редки — штрафы и сроки за незаконный отстрел или отлов таковы, что на всю жизнь отбивают желание браконьерить. К примеру, за лося год тюрьмы гарантирован.

Для эскимосов, алеутов и индейцев промысловые нормы ещё выше. Белые американцы как бы искупают свою вину за уничтожение большей части коренного населения при захвате самых лучших земель в период колонизации. В этом «деле» их английские предки были ненасытны и чрезвычайно жестоки (кроме банального отстрела прибегали даже к умышленному заражению оспой).

Недаром, когда прославленный вождь индейцев Сидящий Бык, выступая в сенате США, заявил: «Белые люди не выполнили ни одного договора, заключённого с индейцами», никто не смог его опровергнуть.

До сих пор бытует представление, что скальпы — это изобретение индейцев. На самом деле обычай скальпирования привезли в Америку как раз европейские переселенцы. Английское правительство даже платило за каждый скальп индейца в 18 веке по 100 фунтов стерлингов! А за скальп вождя племени 200 фунтов стерлингов — немалые деньги даже в наше время.

Рассказывая об этом, Виктор посетовал, что нефтяники, дабы сократить расходы на выплату ренты (часть земель ещё принадлежит индейцам племён тлинкитов, атабаски и хайда), потихоньку спаивают их.

На Аляске любой взрослый может, как и во времена колонизации, разгуливать по улицам с кольцом или револьвером на бедре (мы, правда, таких не видели). Не разрешается заходить с оружием только в общественные учреждения. Василий Данилюк как-то открыл свой оружейный сейф — так там оказался целый арсенал нарезных карабинов, пистолетов и боеприпасов к ним.

Для нас было неожиданностью узнать, что американцы очень ревниво относятся к успехам коллег, особенно к успехам подчинённых. Если работник приехал на работу на более дорогой машине, чем у босса, то тот на него займёт большой зуб. В случае если босс женщина, то сотруднице лучше не одеваться богаче её.

Дороги здесь — сказка! Ни одной ямки, ни одного бугорка, хотя случаются и морозы под сорок, и снег лежит 7–8 месяцев. (Вспомните причитания наших дорожников о том, что в России невозможно иметь хорошие автотрассы из-за стужи, вспучивающей асфальт.) Секрет предельно прост — компания, выигравшая подряд на строительство дороги, ремонт в течение гарантийного срока производит за свой счёт. Поэтому выгодней сразу строить с солидным запасом прочности.

Инфляция тоже есть. Так, например, если в 2000 году один галлон бензина стоил 1 доллар, то сейчас около 4 долларов. А вот цены на медицинские услуги просто умопомрачительные. Одни сутки в больнице стоят 3500 долларов в Василле и 5500 в Анкоридже. Кого-то выручает страховка, но не все имеют возможность оплачивать её (в месяц надо платить порядка 400 долларов за взрослого и 200 за ребёнка). Понятия декретных денег вообще не существует, как и самого декретного отпуска — женщина работает до последнего дня, и за роды придётся заплатить 15–16 тысяч долларов! Максимум, на что идёт администрация, — предоставляет роженице недельный неоплачиваемый отпуск. В то же время поражает трогательное внимание к инвалидам и старикам. Вот такие парадоксы!

Американцы с детства приучены к честности, соблюдению установленных правил. Законодательство так устроено, что даже за незначительный проступок можешь угодить за решётку лет на десять. И хотя в тюрьмах условия содержания хорошие, терять свободу никому не хочется. Ещё американцы приучены информировать полицию

В Америке высокие налоги на недвижимость. За дом площадью 200 м² он составляет 3400 долларов в год. А вот цены на продукты сопоставимы с нашими. Для сравнения: 1 кг картошки стоит 0,8 доллара, 1 кг лука — 1 доллар, 1 кг мяса — 7–10 долларов, 1 кг колбасы — от 10 до 20 долларов, хлеб — от 2 до 6 долларов. Газ на отопление квартиры площадью 70 м² обойдётся в 110 долларов в месяц, а затраты на электроэнергию — 80. Один акр земли (0,4 га) под строительство дома стоит 25–30 тысяч долларов. Аренда авто — 40 долларов плюс доплата за пробег (100 миль — 30 долларов).

В самом Анкоридже сейчас проживает 10 тысяч россиян. Многие полицейские владеют минимальным словарным запасом для общения с ними. Вообще, интерес к России на Аляске большой. В двух школах даже изучают русский язык. Меня, почитателя старолюбцев, в особенности порадовало то, что в штате здравствует немало староверских общин. Некоторые существуют ещё со времён царствования Екатерины Великой. Больше всего их на островах.

о любых нарушениях или подозрительных ситуациях. Если, например, к соседу приехали незнакомые люди на крутой машине, то кто-нибудь обязательно запишет номер, сфотографирует и сообщит дежурному. Это у них один из способов борьбы с нарушением законов (в первую очередь с сокрытием доходов). Всё, что говоришь, американцы воспринимают буквально. Если скажете, что мёд вырабатывают из снега, то, скорее всего, вам поверят. В общем, шутить с ними опасно, ибо можете попасть в неловкое положение.

Уровень образования до сих пор, невзирая на все старания наших реформаторов, уступает российскому. Представьте — в нижних штатах многие даже не знают о существовании Аляски. Приехавшие из нашей страны семиклассники по знаниям не уступают одиннадцатиклассникам. (В США 12-летняя средняя школа.) Разница настолько велика, а нравы в американских школах столь низко пали, что часть русских (они на Аляске практически все верующие, и для них распущенность неприемлема) обучают детей сами по специально издаваемым для родителей учебникам. В школу они ходят только для тестирования.

Технический прогресс достигается путём привлечения в страну лучших мозгов из других стран, благо долларов — море. (Печатают их американцы в неограниченном количестве — бумаги не жалко.) Как кто-то верно подметил: технический прогресс США обеспечили русские, а финансовый — евреи. Сами американцы не предприимчивы. Но если человек способный, трудолюбивый, то система позволяет занять достойное место в жизни без участия «волосатой руки».

Живущие здесь наши соотечественники очень переживают, болеют за Россию и радуются каждой позитивной информации с этнической родины. Всего в США проживает около двух миллионов русских. Особенно много их в Нью-Йорке (в основном русские евреи), Калифорнии и Аляске. Тут надо пояснить — русскими американцы называют не только россиян, но и всех, кто приехал из стран бывшего СССР. На Аляске к русским относятся заметно лучше, чем в других штатах (видимо, действует историческая память).

Несмотря на уговоры хозяев остаться и переночевать в тепле, а завтра ещё и попариться в бане у соседа — Василия Бондарева, мы вернулись в отведённую нам Василием Данилюком лёгкую, неотапливаемую постройку. Этой ночью опробуем, наконец, спальники, сшитые по спецзаказу из гусяного пуха. Забегая вперёд, скажу — они нас разочаровали: фирма «BASKO» гарантировала комфортный сон при 50-градусном морозе, а на практике зябли уже при минус двадцати.

Когда развернули пенки и расстелили спальные мешки, Костя объявил, что с этой ночи переходим на походный режим. Это значит, что дежурный встаёт затемно — в 6 часов — и готовит завтрак, в 7 часов общий подъём и завтрак. После него хронометрист Николай Коваленко с помощью портативной метеостанции производит измерения температуры, влажности воздуха, давления, скорости ветра, точки росы и заносит данные в журнал. Андрей Колодкин, наш доктор, тестирует каждого и снимает динамические показатели. Остальные сворачивают лагерь, и в дорогу... пока, правда, по магазинам.

Эта ночёвка мне запомнилась на всю жизнь в связи с одним курьёзом. Под утро, когда мороз особенно силён, я почувствовал, как что-то мягкое щекочет ухо. Пока сквозь дрему соображал, снится это или происходит наяву, кто-то начал покусывать мочку. Тут меня охватил животный страх, я стал спешно освобождать руку, чтобы поймать наглеца, но он, чувствительно швыркнув коготками по коже лица, перепрыгнул на спальник и был таков. По всей видимости, это была мышка: решила погреться, а заодно и перекусить.

ДОЛГОЖДАННЫЙ СТАРТ

Утром под наблюдением трёх лосей, стоящих на краю подступающей прямо к дому Василия Данилюка тайги, загрузили на широкую платформу снегоходы и сани. (Платформу пригнал Василий Бондарев.) Расселись по машинам и поехали к озеру Биг-Лейк. По обочинам ещё несколько раз видели сохатых, флегматично обкусывающих кончики веток. Сказка! Когда мы доживём до такой идиллии?

Съехав на лёд, прицепили к снегоходам сани, загрузили в них снаряжение, провиант, канистры с бензином и помчались по укатанному собачьими упряжками тракту меж высоких стен густого, по большей части хвойного леса в глубь промороженной насквозь Аляски. Провожатые махали вслед шапками до тех пор, пока наш караван не скрылся за деревьями. В такие минуты радостное

24

ожидание — что там впереди? — всегда немного омрачает грусть от расставания с людьми, ставшими почти родными.

Не могу удержаться и не выразить восхищение и бесконечную благодарность живущим здесь соотечественникам. Все они, бросив дела, целыми днями носились с нами по городу и его окрестностям. Вели переговоры, яростно торговались ради того, чтобы сэкономить наши финансы, а вечерами вели с нами душевные беседы, щедро делились своим опытом. Глубоко верующие, они живут, придерживаясь принципа: «От дел своих человек осудится. От дел своих человек оправдается».

Жёсткий график вынуждал нас уже со старта держать максимальную скорость. Поэтому в санях трясло так, что казалось, ещё немного — и позвоночник рассыпется на части, а голова оторвётся. Особенно сильно било на участках с неровным рельефом. А на крутых виражах требовалось огромное усилие, чтобы не вылететь из саней.

На столообразных возвышенностях с крупноствольным лесом и марях с чахлым и редким ельником тряска ослабевала, зато возрастала скорость, и обжигающий ветер пронизывал насквозь. Пальцы даже в двойных перчатках ломило от стужи. При этом снежной крупки из-под гусениц мобайлов летело столько, что вскоре из заполненных снегом саней торчали лишь наши капюшоны.

Погода по-прежнему балует: ясно, мороз умеренный. А в долине Юкона по утрам, говорят, за тридцать. Снег на марях и южных скло-

25

нах оплавлен солнцем и блестит, как полированная сталь. Трудно-объяснимое для минусовой температуры явление. Возможно, это следствие неожиданных оттепелей, а может, особенностей солнечной радиации в приполярной зоне.

Навстречу попались две собачьи упряжки. В каждой по шесть пар хасок. На лапах «башмачки» из плотной ткани — чтобы собаки не резали лапы о края ломкого наста. Бегут резво, но наши снегоходы раз в пять быстрее. Зато собакам на сутки достаточно одного килограмма рыбы или мяса (всего на упряжку — 10–12 кг). А снегоходы сжигают по 40–50 литров бензина в день, и это не предел. Да и ломается техника. С другой стороны, на снегоходе в день можно пройти до 400 километров, а на упряжке обычно не более 120. Правда, иные рекордсмены умудряются одолеть и 180.

Вскоре вслед за упряжками промчались три «Сканди». Водители на ходу поприветствовали нас поднятыми крагами. Лиц за натянутыми на голову балаклавами и громадными очками не разглядеть.

Через километров пятьдесят над тёмно-зелёной лентой леса проклюнулись заснеженные зубцы, сияющие на солнце девственной белизной. Вырастая на глазах, они превратились во внушительный горный массив, тянущийся с юга на север. После унылой монотонности равнины этот величественный хаос остроглавых пиков произвёл на меня особенно сильное впечатление. Вдали, на севере, проступала сквозь голубую дымку грозная конусовидная громада

Мак-Кинли — самая высокая гора континента (6194 м). Дирекция национального парка обещала открыть доступ к ней не ранее третьей декады апреля, возможно, даже в мае, — всё зависит от того, какой будет весна. Обидно. Мы не можем так долго ждать.

Обогнув отрог с юга, останавливаемся на ночёвку у входа в ущелье, по дну которого подо льдом течёт речка Скветна. Засыпанные снегом «саночки» (я в их числе) счастливы: наконец-то можно перевести дух, восстановить утраченные от рёва двигателя слух, от выхлопных газов — обоняние, но главное — дать отдых измученным постоянным напряжением мышцам и разболтавшимся позвонкам. У водителей другая проблема — никак не могут унять мелкую дрожь в руках.

— Ты что, Илья, кур воровал? — смеётся Лёха, выдавая ему гречку и масло.

— У тебя, похоже, все мозги в санях выбило! Какие куры? — ворчит не понявший шуток Илья.

— Руки трясутся, точно кур воровал, — настаивает Лёха.

— Хватит прикалываться! Кашу давай! — сердится голодный Костя.

«Стол» накрыли под открытым небом. Остывший воздух пощипывал нос. Чёрная бездна мерцала жемчужными зёрнышками звёзд. Ковш Большой Медведицы, опершись дном на вершину горы, подливал чернил в и без того непроглядную тьму. Но лишь только из-за тучки, прижатой к горизонту, выплыл двурогий месяц, всё вокруг преобразилось, ожило.

Моё дежурство. Встал в 6 часов. Чтобы не проспать, ближе к утру каждые 15 минут включал в спальнике фонарик — смотрел время. Надевая куртку, коснулся туго натянутого капронового потолка. Меня тут же окатил поток жгучих кристалликов — от дыхания палатка изнутри покрылась толстым слоем инея. С трудом затолкав ноги в промёрзшие трёхслойные сапоги, вылез на мороз.

После вчерашней тренировки горелку раскопегарил быстро, и к семи часам в затишке между санями аппетитно задымилась овсяная каша. Следом поспело какао. Мёрзлый хлеб отогревал на крышках котелков.

Завтракая, то и дело потираем нос и щёки — одобренный ветром мороз чувствительно кусается. Упаковав палатки, спальники, кухню, выезжаем ровно в восемь. Наши трудяги снегоходы ведут себя изумительно: заводятся с пол-оборота и тянут как взбесившиеся жеребцы. Это вселяет уверенность, что до Уэйлса доберёмся. Главное, чтобы бензина хватало до посёлков, где можно пополнить запасы топлива. Их, к сожалению, немного: Николай, Офир, Руби, Галина (последние два на Юконе) и Ном на берегу Тихого океана.

Тело после вчерашней тряски болит так, будто меня всю ночь пинали кирзовыми сапогами, но после новых порций «массажа» боль ослабла. Едущий впереди Костя, хоть и старался перед ухабами сбавлять скорость, гнал на пределе, умудряясь при этом не перехо-

дить грань, за которой может последовать кульбит и прочие неприятности.

На одном из затяжных тягунов от снегохода Ильи повалил пар — закипел тосол. Сняв крышку, увидели, что пружина термостата перекошена. Пока ремонтировали, мимо проехали два американца. Каждый, притормаживая возле нас, спрашивал, не нужна ли помощь. Традиционная для Севера готовность помочь! В таких безлюдных и суровых краях без неё не выжить.

Снежный покров довольно глубокий (около метра), но по здешним меркам нынешняя зима из числа малоснежных. Искрящаяся на солнце перина продырявлена лунками ночевавших под снегом куропаток, испещрена следами-траншеями лосей, оленей, волков, рысей, росомех (последние, благодаря густой меховой опушке на лапах, почти не проваливаются). Но больше всех наследили зайцы. Под поваленными стволами осин пухлявая попуна истоптана сплошь. Там их столовые — кормятся горьковатой, сочной корой. Успел разглядеть даже парную соболиную строчку. А я-то считал, что соболь только в России водится.

К ЮКОНУ

Солнце отправляется в свою опочивальню с каждым днём всё позже, а встаёт всё раньше. Следуя его примеру, и мы выехали с небольшим опережением графика — в 7 часов 45 минут. Переваливая через пологие седловины из одной пади в другую, на удивление быстро достигли селения Николай. (Так приятно, что и здесь русский след!) Морозно, ни ветерка. Откуда-то сверху медленно сыплются блёстки. Крыши, стены домов в инее, будто посеребрённые. Дым из труб подпирает небесный свод белыми прямыми столбами.

Чтобы не рисковать, решили подзаправить изрядно опустевшие канистры, но не тут-то было — все в ожидании скорого прохождения гонок на собачьих упряжках и снегоходах. У трассы уже сложены тюки спрессованной соломы (каюры застилают ею снег, чтобы собаки во время отдыха или ночёвки не мёрзли); установлены громадные железные печи для разогрева воды, рядом — поленицы дров.

Еле уговорили поделиться своими запасами местного авторитета — он отлил нам двадцать галлонов. Помогли обаяние и напористость нашего командора.

Участок до селения Офир выбил из нас остатки способности воспринимать окружающий мир. Разжившись ещё 25 галлонами бензина, заночевали в паре километров от посёлка.

Выехав утром на развилку, долго обсуждали, куда ехать. Левая ветвь вела на юг, в сторону Тихого океана, правая — на север, к главной, прославленной Джеком Лондоном водной артерии Аляски — суровому и хмурому Юкону. И хотя первый вариант укорачивал путь, мы всё же выбрали второй: желание увидеть овенный легендами Юкон пересилило здравый смысл. Дорога до реки пролегла по лесистому водоразделу. Тайга на Аляске хоть и угрюмая, но чрезвычайно богата зверьём. Мы то и дело видели табунки

карибу, одиночных, уже комолых сохатых. Несмотря на надсадный рёв техники, животные подпускали к себе довольно близко. Освободят дорогу и встанут, спокойно ожидая, когда проедем.

Снег перед нашим караваном то и дело взрывали искристые султаны — это, оглушительно хлопая крыльями, вылетали из своих спален куропатки. Их на фоне снега практически не видно — оперение совершенно белое.

Чем ближе к полярному кругу, тем глубже снежный покров. Особенно глубок он в распадках и котловинах — намело ветрами. На водоразделе его заметно меньше. Наверное, поэтому по гребням увалов так много парноко-

пытных. Как-то, выворачивая из-за туполобого утёса, чуть не врезались в лосиху. Увязая по брюхо в рассыпчатом снегу, она едва успела освободить дорогу. Тяжело дыша, повернула голову и посмотрела на нас с укоризной: мол, поосторожнее, ребята!

ПО ЮКОНУ

Село Руби, вытянувшееся по правому берегу реки Юкон, оказалось довольно большим и благоустроенным. Население смешанное. Преобладают алеуты и эскимосы (они по большей части полнотелы, медлительны), есть и индейцы атабаски и тлинкиты (эти худощавы, резковаты и менее дружелюбны, к тому же многие пьют).

Здесь наконец заправили под завязку и баки, и канистры. Мы, а в особенности водители снежных мустангов, были счастливы. Чтобы не искушать себя соблазном заночевать в тепле обустроенной «жилухи», Костя сразу поддал газу, и караван помчался по обрывистому берегу мимо занесённых снегом домов. Лагерь разбили у высокого скалистого мыса, обрамлённого остроконечными елями. Солнце скрылось как раз в тот момент, когда мы установили палатки. Но обугленный горизонт ещё долго тлел в огне заката.

Утром, благодаря хрустальной прозрачности воздуха, удалось обозреть с вершины лысого утёса расширяющуюся вдаль на десятки километров пойму Юкона. По бокам и впереди, насколько доставал взор, волновался тёмно-зелёный, уходящий за горизонт ковёр, изрезанный извилинами притоков, стариц и густо испятнанный белыми кружочками озёр. По нему величаво и торжественно плыли рваные тени облаков. Я не смог удержаться от восторга и завопил: «Ого-го! Ого-го!» — но белое беспредельное пространство поглотило мой крик.

Следующий посёлок Галина приятно удивил городским лоском. Здесь живут преимущественно эскимосы. Рядом с берегом намыта взлётно-посадочная полоса, стоят три самолёта, неподалёку самый почитаемый нами объект — АЗС. Дозаправившись бензином

“

Утром, благодаря хрустальной прозрачности воздуха, удалось обозреть с вершины мыса расширяющуюся вдаль на десятки километров пойму Юкона. По бокам и впереди, насколько доставал взор, волновался тёмно-зелёный, уходящий за горизонт ковёр, изрезанный извилинами притоков, стариц и густо испятнанный белыми кружочками озёр. По нему величаво и торжественно плыли рваные тени облаков. Я не смог удержаться от восторга и завопил: «Ого-го! Ого-го!» — но белое беспредельное пространство поглотило мой крик.

и прикупив хлеба, продолжили путь по накатанному мобайлами и саями снежному тракту.

Закованный в лёд Юкон, беспрестанно собирая притоки, продолжал раздаваться вширь. Горы отступили, их очертания смягчились. Там, где река прорезала очередную холмистую гряду, скалистые берега вздымались на 100–120 метров. С последней сглаженной цепи открылась унылая панорама: покрытая снегом пустыня, оживляемая одинокими ёлочками-монахинями, обнажёнными лиственницами, тонконогими берёзками. Все они какие-то сутулые и корявые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом удерживаясь корнями за мягкую, сейчас заиндевевшую, моховую подушку. Но не будь этих отважных первопроходцев, некому было бы готовить почву для наступления высокоствольных лесов.

Снега всё глубже. Лоси уже еле ходят — проваливаются по грудь. Сделают несколько шагов и останавливаются, чтобы отдышаться.

К ТИХОМУ ОКЕАНУ

На сани взираю с ужасом и ненавистью одновременно — с ними ассоциируются боль и постоянное физическое напряжение: чуть расслабился на вираже или яме и летишь на плотно накатанный снег.

Сегодня добрались до «перекрёстка» — места соединения северной и южной веток тракта. Слившись, он покидает долину Юкона и устремляется напрямик к Тихому океану. Лес практически исчез. Если и встречается, то небольшими куртинками. Совершенно лысые, накрытые белыми холстинами, кряжи кажутся безжизненными, но строчки и ямистые траншеи выдают присутствие зверей: зайцев, горных баранов, песцов, овцебыков. Есть даже сохатые. Правда, непонятно, чем они тут питаются.

От мороза и резкого ветра, сбивающего дыхание, из глаз постоянно текут слёзы. Они замерзают на усах, бороде, стягивают рот. Меховая опушка капюшона, брови, ресницы сплошь в искристом куржаке.

Достигнув морского побережья и проехав вдоль него километров шестьдесят, встали на ночёвку. Не успели обустроиться, как

при ясном небе на нас с гор обрушилась клубящимся валом пурга. Она как будто караулила нашу группу — нагрянула сразу, лишь только освободили от снега площадку и принялись разворачивать палатки.

Сильнейший ветер, сгоняя с отрогов густые замесы снега, на глазах заносил расчищенный для лагеря круг. Его напор был столь силен, что нам, дабы не упасть, приходилось держаться друг за друга.

Видя, что дело принимает чрезвычайный оборот, Константин дал команду

строить ветрозащитную стенку. Вот гдегодились две складные лопаты! Николай с Алексеем нарезали из спрессованного снега плотные, увесистые кирпичи, а все остальные укладывали их друг на друга с наветренной стороны. Снегоходы и сани поставили для ослабления натиска перед возведённой стеной. Но даже под такой защитой каждую палатку приходилось натягивать вчетвером — трепещущее полотнище вырывалось из рук, пляшущие на ветру дуги никак не хотели заходить в сетчатые проушины.

Ужин готовили внутри палатки, подпирая спинами рвущиеся от яростных порывов капроновые скаты. От заправленной бензином горелки вскоре стало трудно дышать. Приходилось периодически приоткрывать полог и запускать свежий воздух, одобренный вихрями снега.

Разбушевавшийся буран то выл голодным волком, то по-разбойничьи свистел, то стонал, как раненый медведь. Ночь тянулась бесконечно... В голове каждого крутились тревожные мысли, невольно проигрывались худшие варианты. Но к утру ветер выдохся, подул. С трудом выбравшись наружу, принялись откапывать палатки — из снега торчали лишь оранжевые макушки. К счастью, обещанный сорокаградусный мороз миновал эти места. Наш метеоролог Николай Коваленко, ежедневно фиксируя всевозможные параметры портативной метеостанцией, ни разу не зафиксировал температуру ниже 32 градусов. Сегодня — минус 21. Сказывается близость океана. В континентальной части всегда значительно холоднее. Ветер при порывах достигал 25 м/с, но всё же это не вчерашний, сбивающий с ног, ураган, хотя тоже продувал до костей.

Пронёсшаяся пурга покрыла тракт жёсткими полуметровыми гребнями. Скорость движения сильно упала, но, как только мы преодолели узкий просвет между двух хребтов, высота намётов пошла на убыль, а через километр они и вовсе исчезли. Дорога снова стала чистой, плотно укатанной.

Костя, вдохновлённый попутным ветром, гнал наш ревущий, стреляющий комьями снега табун по выстуженной пустыне с такой скоростью, что тела сидящих в санях окончательно утратили чувствительность, а изредка зарождающиеся в их головах мысли бесследно вылетали на первой же колдобине.

Сейчас, оживляя в памяти всю эту сумасшедшую эпопею и сопровождавшее её сверхъестественное напряжение, прихожу к парадоксальному выводу: именно в подобных «сюжетах» и заключена особая поэзия и романтика экспедиционной жизни. Дома, сидя в мягком уютном кресле, как раз о них чаще всего и вспоминаешь. Но уже с удовольствием и улыбкой.

* Полуостров был назван в честь Уильяма Генри Сьюарда, Государственного секретаря США. Именно он выкупил Аляску в 1867 году за 7,2 млн долларов. Что интересно, в то время эта сделка не встретила одобрения американцев, называвших эту территорию «Русской Моржовией». По уровню развития инфраструктуры (одних церквей — однанадцать, заправочных станций — три), количеству домов Ном смело можно назвать городом. Тем более что численность населения в настоящее время перевалила за пять тысяч. Здесь даже есть свой памятник — собаке хаски. Возле центральной гостиницы стоит «Столб Мира». На нём указатели: «Лондон — 4376 миль», «Россия — 164 мили».

ОТ НОМА ДО МЫСА ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО

База первых золотоискателей — Ном — по северным меркам довольно большой посёлок. Своим появлением он обязан золотой лихорадке, охватившей Аляску, точнее — полуостров Сьюард*, в самом конце 19 века, когда в ручье Энвил-Крик шведы обнаружили несколько золотых самородков. За два года эта полоса арктической пустыни (ближайшее дерево находится в 120 км от города) ожила. Именно тогда число жителей было рекордным — 20 тысяч человек. Новое рождение, точнее сказать, возрождение последовало во времена Второй мировой войны, когда через Ном по ленд-лизу шла в Советский Союз военная техника, в основном самолёты.

Тут нам сразу улыбнулась удача, или, как говорят старатели, подвалил фарт. Первый встреченный нами житель городка оказался эскимосом, сносно говорящим по-русски. Звали его Ила (почти Илья). Узнав, что мы совершаем кругосветное путешествие и завтра отправляемся на мыс Принца Уэльского, он стал уговаривать Костю переночевать в его доме — хоть и на полу, но в тепле. Ему очень хотелось пообщаться с русскими из загадочной России. Командор, видя, как загорелись надеждой наши глаза, смиростивился: отступил от железного правила ночевать только в палатках. Пока ехали к дому Илы, навстречу попались человек шесть. Почти все шли шатающейся походкой. Увидев нас, они выкрикивали какие-то непонятные приветствия. Мы вопросительно поглядели на Илу.

— Пьяные! Есть такая проблема, — покачал он головой. — Зато у нас нет преступности, и вы можете спокойно спать с открытой дверью.

Войдя в дом, мы, к разочарованию любознательного эскимоса, не раздеваясь, повалились на расстеленные пенки — настолько вымотались. На прозвучавший через час клич дежурившего Кости: «Подъём! Ужин готов!» — никто, кроме Лёхи и хозяина, не отреагировал. Я, оказывается, до того был разбит немилосердной тряской в санях, что выделял носом рулады похлеще Ильи, а он уж известный в нашей команде храпун. Утром ребята долго потешались надо мной. Даже присвоили звание «Лучший храпун Аляски».

***

До посёлка Уэйлс добирались, несмотря на безупречно ровный накат вдоль всей трассы, почти двое суток. Илья так увлёкся соревнованием с командором в скорости, что, когда тосол в очередной раз закипел, не сразу заглушил двигатель, и в итоге его заклинило. Случилось это где-то на середине пути. Безуспешно провозившись до вечера на морозе и ветру, вынуждены были заночевать. Утром решили, что Костя отвезёт Лёху и Колю со всем грузом в Уэйлс и возвратится за нами. Пока завтракали, собирались, перекладывали груз в одни сани, со стороны Номы подъехал вездеход. Он вёз почту и продукты в Уэйлс. Заключи-

ли с водителем взаимовыгодную сделку: он подвозит нас до посёлка, а мы отдаём ему снегоход на запчасти. Затолкав неисправную машину и сани с грузом в кузов, я, Андрей и Лёха разместились на чём пришлось там же. Костя с Колей поехали на исправном снегоходе за нами.

В кузове трясло меньше, чем в санях, и мы имели возможность полюбоваться северными пейзажами. Время от времени переводя взор на проём дороги, высматривали знаменитый мыс: именно у его подножия обосновался посёлок Уэйлс. Несколько раз ошибочно принимали за него выныривавшие отроги. Наконец показался седоватый горб, упёршийся в бескрайнее ледовое поле Берингова пролива. Первым разглядел его Андрей. Пересиливая грохот гусениц, он прокричал: «Мыс! Ура, ура, мыс!» Лёха, глянув на GPS, кивнул: точно!

Самый западный населённый пункт Северной и Южной Америки встретил нас лаем собак и улыбками розовощёкой ребятни. В их карих глазах сквозило жадное любопытство. Удивило количество детей на дороге. Потом сообразили — детвора шла из школы.

Посёлок представлял собой одну улицу с тремя десятками одноэтажных строений, в которых проживает 156 эскимосов. Дома на метровых сваях. Стены, обращённые к Берингову проливу, заложены до крыши снежными блоками. Тут нет иных укрытий от стихий, кроме длинных и низких домов. Условия для жизни из-за сложной погодной обстановки здесь очень тяжёлые, но ни у кого и мысли нет покинуть этот голый, скалистый, открытый всем ветрам мыс. Живут эскимосы охотой

на моржей, белых медведей, рыбалкой. В межсезонье ловят сетками, привязанными к концам длинных шестов, морских птиц прямо на лету. Алкоголь запрещён: эскимосы быстро привыкают к нему.

Вдоль улицы опоры ЛЭП — электричеством обеспечивает собственная дизельная электростанция. Туалетов нет — оправляются в плотные полиэтиленовые мешки, которые выносят к дороге, на мороз. Потом их собирают и увозят на вездеходе подальше от посёлка.

Из дома напротив вышли две женщины. Шагают, слегка раскачиваясь и весело чему-то смеясь. На ногах белые меховые унты, из-под отороченного капюшона выбиваются длинные, цвета воронова крыла волосы. Увидев нас, они замолкли и прошли, настороженно поглядывая. Эта перемена красноречивей слов свидетельствовала о том, что мало они видели от белых поступков, вызывающих уважение и доверие.

Когда мы прощались с водителем, к нам подбежал молодой эскимос и, повторяя одну и ту же фразу, стал тыкать в сторону единственного двухэтажного здания. Оказывается, хозяин этого внушительного строения американец Дэн (он здесь единственный белый — все остальные эскимосы, правда, утратившие язык предков) выкупил этот полуостров и теперь собирает с каждого приезжего дань — 100 долларов. Развивая свой экзотический бизнес-проект, землевладелец построил гостиницу и сдаёт одно койко-место за 100 долларов за ночь. Наше появление сулило Дэну хорошие барыши, но Костя, чтобы не платить, приказал

разбить лагерь прямо на льду Берингова пролива, между заваленных снегом торо-сов. До захода солнца оставалось ещё часа два. Мы не удержались — полезли на самую высокую точку мыса Принца Уэльского: гранитного горба, являющегося частью доледникового сухопутного перешейка, соединяющего Аляску с Чукоткой, Северную Америку с Азией.

Залитый нежной позолотой заката оледеневший снежный покров, звонко похрустывая под ногами, с каждым шагом истончался. Ближе к макушке он вообще исчез — сдуло ветрами, иссушило солнцем. Каменные струпья покрывала лишь льдистая корка. Чтобы не упасть, последние метры шли, поддерживая друг друга.

Вершина мыса отмечена туром, сложенным из угловатого плитняка, и торчащим из него небольшим крестом из двух дощечек — совсем уж скромно для столь знакового географического объекта. Как-никак — самая западная точка континента!

На нашем мысе Дежнёва — самой восточной точке евразийского материка — всё намного солидней: шестнадцатиметровая четырёхгранная башня с бронзовым бюстом Семёна Дежнёва и чугунной плитой: «Семён Иванович Дежнёв, 1605–1672», рядом лиственный крест.

Удивительно сходство названий посёлков, стоящих у подножья этих мысов: Уэлен у нас и Уэйлс у американцев. Можно сказать, родные братья. Ничего удивительного: Россия и Америка здесь близки друг к другу так же, как Москва и Истра.

Неподалёку от неказистого тура чернели иглообразные останцы, обрамлённые грудой камней. Согбенные временем и ветрами, «костлявые» скалы напоминали одряхлевших старцев. Неслучайно эскимосы называют их «Три старухи». Со стороны пролива они покрыты красиво сверкающей в лучах солнца ледяной глазурью. В одном кармашке между обломками одиноко торчит чудом уцелевшая, изувеченная стужей лиственница.

Закатный свет, разливаясь по западной части небесного свода, попутно окрашивал пурпуром торосистые льды Берингова пролива, возвышающиеся над ними американский остров Малый Диомид (самая западная точка Северной Америки) и российский Большой Диомид (самая восточная точка Азии). Их разделяет узкий пролив шириной 1200 метров, по которому, кроме государственной границы, проходит линия перемены даты. Чуть дальше проступает сквозь синеватую дымку мыс Дежнёва. (Редкий случай — ширина пролива 86 км!) Воздух заполняли мельчайшие кристаллики льда. Они летали, кружились, вспыхивая розовыми блёстками в прощальных лучах завершившего трудовую вахту светила. И такая тишина царил вокруг, что казалось, слышно, как перешёптываются между собой окаменевшие «старухи».

Как ни хотелось подольше насладиться покоем и скупыми, хрупкими красотами Севера, подступающие сумерки и усиливающийся мороз побуждали к спуску. Но прежде следовало установить флаги России и РГО на столь знаковой точке. Увлёкшись этим ответственным делом, мы не сразу заметили, что из-за гряды скал за нами внимательно наблюдают заросшие шерстью, свисавшей густыми космами до самой земли, овцебыки. Их угрожающие позы и угрюмое выражение морд красноречиво свидетельствовали о нежелательности нашего присутствия на принадлежащей им территории. Благо-разумно обойдя стадо стороной, мы поспешили в лагерь.

Вот и тучи на горизонте почернели, лишь нижний край над Чукоткой охвачен закатным пожаром: хотя солнце скрылось, они, подсвеченные снизу, всё ещё горят оранжевой ленточкой. Сглаженные зубцы российских берегов, за которыми скрылось солнце, обуглились.

Перед сном вышли полюбоваться уже ночной панорамой — когда ещё бываешь на этом краешке земли! На чёрном небосводе густо мерцали ярко начищенные звёзды. Медовая, растущая луна, покитавшись между ними, убежала за горизонт догонять подружку. Сразу стало темно — хоть глаз выколи. Зато из открывшихся тайников выпала уйма новых звёзд. Следом по искристому бархату пробежал бледный сноп света, и почти сразу заиграли зеленовато-сиреневые сполохи, похожие на складки гигантского занавеса, покачиваемого ветром. Его извивы то сходились, то расходились, разгораясь всё ярче и ярче. Эти волнообразные колебания сопровождались идущими из неведомых глубин шорохами и свистом переменной тональности. Когда сполохи охватили половину свода, они внезапно погасли, и небо вновь стало угольно-искристым, но через непродолжительную паузу опять радужно заиграло причудливо закрученными лентами и выющимися языками холодного пламени. Илья стоял, покачиваясь, словно дирижёр, взмахивая руками.

Не успели мы налюбоваться этой феерией, как небо погасло. Через минутку, на этот раз совсем ненадолго, оно озарилось бьющими из тьмы серебристыми зарницами и потухло. Но мы ещё долго стояли среди наступившего безмолвия под впечатлением незабываемого представления, имя которому северное сияние. Что интересно, Илья всё это время покачивался, устремив отрешённый взгляд в неведомую, колдовскую глубь Вселенной. Когда сияние погасло, он воскликнул:

— Какая чарующая мелодия!

Много лет проживший на Севере Костя пояснил:

— Похоже, наш Илья наделён сверхчувствительностью — слышит «песню» северного сияния. Ненцы называют её «зовом предков». На такой сверхчувствительности, кстати, основан и шаманизм — во время камлания от издаваемых бубном низких, басовитых звуков у человека возникает неосознанное стремление повиноваться. Я это на себе испытал в чукотском стойбище. Необычное, надо сказать, состояние.

ВНОВЬ АНКОРИДЖ

В Анкоридж вернулись на самолёте. Путь, который на снегоходах героически преодолевали шесть дней, на самолёте занял меньше двух часов. Чтобы не тратиться на гостиницу, вновь воспользовались гостеприимством наших соотечественников. У Ильи Иванова поселились Костя, Алексей, Николай и наш Илья. А у обладателя редкой фамилии Кердей, прекрасного баяниста, бесконечно щедрого человека — дяди Димы — мы с Андреем.

Сегодня, 6 марта, с заснеженного озера Уиллоу тридцать девятый раз стартуют знаменитые собачьи гонки «Айдитарод Трэйл». Они считаются самыми экстремальными и протяжёнными в мире. Поскольку Костя с ребятами заняты поиском машины (я в этом деле не помощник: в автомобиле знаю лишь руль и две педали), командор разрешил мне поехать с Виктором посмотреть это экзотическое представление.

Уже за два километра до озера вся обочина дороги и все стоянки забиты автомобилями. Пока искали, где притулиться, и продирались сквозь толпу на лёд, первые упряжки уже стартовали. Их выпускали с интервалом в 3–5 минут. В каждой упряжке по 12–14 собак. В основном голубоглазые хаски, но были и неказистые дворняги. (Хаски, благодаря густому, пушистому меху и невероятной выносливости, в большой цене на Аляске.) Запряжены собаки в сани-нарты парами.

В Европе обычно запрягают три, максимум четыре пары, а здесь из-за протяжённости маршрута их в два раза больше: иначе собаки

не выдержат двухнедельную гонку до Номы. По обе стороны дороги за сетчатым ограждением тысячи зрителей, большинство с детьми. Подбадривают, кричат. Всем весело. Много телекамер. Судя по бейджикам, кроме местных, телевизионщики из Японии, Норвегии и даже Новой Зеландии. А фотоаппараты у каждого второго зрителя. Вокруг на белоснежной глади озера палатки, вигвамы, рядом столики с термосами, раскладные стульчики, снегоходы.

Как только звучит в динамике команда «Старт!», погонщик поднимает воткнутой в снег остоу (тормоз) с железным наконечником и собаки с неистовым лаем уносятся вслед предыдущей упряжке. Некоторые, правда, поначалу бегут с ленцой, без азарта, но, размявшись и войдя во вкус, начинают слаженно наращивать темп. Всего при нас стартовало 32 упряжки. Бежать им до Номы кому полторы, а кому две недели! Да и не все добегут! Среди гонщиков, одетых в арктические куртки на меху, разглядел несколько женщин. Одна совсем молоденькая, с толстыми русыми косами, и до того красивая, что мелькнула мысль: «Не из русских ли?»

Обратно сорок километров до Василы ползли три часа! Все автомобили послушно выстроились друг за другом в одну многокилометровую колонну, хотя ширина дороги позволяла ехать в два ряда в обоих направлениях. Но нет — никто никого не обгоняет. Не творческие всё же люди американцы! Когда уже въехали в город и пробка рассосалась по улицам, нас тормознул пристроившийся сзади и долго сидевший на хвосте полицейский. Ему показалось, что мы превысили скорость, но Виктор твёрдо и уверенно стоял на своём: «Я ничего не нарушал, ехал чётко в соответствии с требованиями знаков». Поскольку у полицейского не было радара, подтверждавшего обвинение, ему пришлось отпустить нас.

10 марта при активном содействии Ильи Иванова удачно, всего за 2000 долларов, купили у наркомана семиместный заднеприводный автомобиль «Сафари», выпущенный компанией «Дженерал Моторс» в 1997 году. Ребята из автосервиса провели ревизию и определили, какие запчасти потребуются для восстановительного ремонта. Они же взялись доставить их за сутки.

Чтобы сэкономить финансы, ремонт решено было делать своими силами в любезно предоставленном Ильёй Ивановым тёплом гараже. Поскольку драндулету уже 14 лет, гайки проржавели и прикипели так, что ребятам то и дело приходилось прибегать к помощи зубила и кувалды. Я, чтобы не мешаться, ещё с вечера сговорился с Сергеем Натёкиным ехать на поиски староверской деревни Берёзово, затаившейся в тайге вдали от основных дорог. Мне очень хотелось посмотреть, как живут на Аляске последователи огнепального протопопа Аввакума, хранящие на чужбине верность не только древнему православию, но и русской культуре.

Где находится их поселение, Сергей знал приблизительно, и мы долго безуспешно плутали по глухим просёлкам. И проплутали бы ещё, не заметь на лесной дороге бабуся в белом платке, рассекавшую на той-ота РАВ-4 свежевывающий снег. Коль в платке — стало быть, старо-

верка, решил я. Дабы не смущать женщину, дождался, когда машина скроется за деревьями, и поехали, придерживаясь рассыпчатой колеи.

Через полчаса, миновав буреломный лес, увидели среди атласных берёз строения. У въезда в деревушку стояло длинное здание с табличкой на русском: «Школа». Тут же у крыльца стоял и РАВ-4. Осторожно постучали в дверь. Открыла та самая «бабуся» в длиннополой юбке с множеством оборок. И вовсе не бабуся, оказывается, а молодая, улыбчивая женщина — местная учительница Антонида. Узнав, что я из России, обрадовалась, пригласила нас в кабинет. Усадив за отдельный столик, достала разовые бумажные стаканчики, налила брусничного морсу, нарезала ломти свежее испечённого, с хрустящей корочкой, хлеба:

— Отведайте нашего кушанья! Токмо испечён.

Мы из вежливости пытались отказаться, но Антонида мягко настаивала:

— Что ж вы такие стеснительные! Откушайте, а то я плохо думать буду!

На вкус хлеб отличался от привычного нам. Заметив наше удивление, она с улыбкой пояснила:

— Я в опару молотый перец добавляю.

Когда мы собрали со стола в ладошку даже крошки, Антонида провела нас в класс, общий для всех двадцати двух учеников. Вторая учительница, постарше, как раз что-то объясняла им.

Большинство детей с чисто славянской внешностью: русоволосые, со смышлёными, живыми серо-голубыми глазами. У всех старинные имена: Дарья, Нил, Лукьян, Прокоп. Каждый сидит за отдельным столом, отгороженным от соседних невысокими перегородками. Учебная программа построена так, что с первого класса прививаются навыки самостоятельной работы. Учитель подключается, лишь когда ребёнку что-то непонятно. Физику, химию дают поверхностно. Основной упор делается на математику, геометрию, историю, литературу, русский, правоведение. Уровень получаемых знаний у детей высок: например, Ульяна Фонова и Епифан Реутов в прошлом году на олимпиаде по русскому языку в США были отмечены золотой и серебряной медалями. В этой школе наряду с обычными каникулами не учатся ещё семь дней на Пасху.

Чтобы не отвлекать детей, я попросил учительницу познакомиться меня с кем-нибудь из знатоков истории общины. Антонида вздохнула: «Ноне все мужики в море» — и предложила пообщаться с дедом Ермилом, единственным из глав семейств, кто сейчас дома.

— У нас нельзя чужим в избу, ежели хозяин в отлучке. А он радый будет. Оба сына, что с ним живут, в море. Сноха с бабой Марфой к внучке поутру уехали.

Ульяна Фонова и Епифан Реутов в прошлом году на олимпиаде по русскому языку в США были отмечены золотой и серебряной медалями.

К дому Ермила шли по натопанной снежной тропке, вьющейся между стоящими вразброд среди леса аккуратными домами. Деревня оказалась небольшой — девять, как сказала Антонида, «дымов». Вид изб несколько озадачил — построены не из брёвен, а из дощатых щитов, между которыми проложена теплоизоляция. Во дворах образцовый порядок, почти во всех — по три-четыре пуховые козы: для молока и пряжи.

Дед Ермил сидел в сених на оленьей шкуре и, склонив посеребрённую голову с окладистой бородой, тесал из берёзовой заготовки топориче. Природа, похоже, кроила его по особому заказу: крупная, несколько тяжеловатая медвежья фигура, покатые плечи, узловатые пальцы натруженных рук.

— Здравствуй, радость моя, — сипло пробасил он учительнице.

На меня же, худосочного очкарика, только настороженно покоился. Антонида низко поклонилась и пояснила цель визита. Узнав, что я писатель, участник российской кругосветной экспедиции да ещё автор двух романов о староверах, удостоенных нескольких всероссийских премий, и собираю материал для третьего, старик заметно помягчел. Испытующий взор стал доброжелательным. Он, не торопясь, снял фартук, разгладил сивую, похожую на лопату бороду и пригласил в дом. Сам прошёл вперёд твёрдым, во всю ступню, шагом.

Здесь уже чувствовался русский дух: три стены чисто выскоблены, глухая разрисована охрой — пышные цветы на фоне затейливого орнамента; неокрашенный, плотно сбитый пол отщёблен песком добе-

ла, на нём тканые дорожки; в углу над столом божница, заставленная иконами, рядом, на деревянном гвозде, лестовки*. У окна ткацкий станок, прялка, тут же в берестяном коробе клубки пряжи.

Пока я оглядывал внутреннее убранство, дед Ермил надел за перегородкой белую рубашу, расшитую по краю красными нитками, затянул поясик с кистями и приставил самовар к трубе, выведенной в печной дымоход. Вскоре мы, прихлёбывая заваренный из толчёных плодов шиповника чай (мне, как я успел заметить, хозяин достал отдельно стоящую гостевую кружку), беседовали об их житье-бытье на Аляске.

— Ну, коль имеешь интерес, слушай. В этих краях мы недавно, с 1883 года. Наши корни, вообще-то, в Тамбовской губернии, но как послабление вышло**, так вся община на Дальний Восток перебралась — землю щедро давали, до ста десятин*** на семью. Мой дед со всей оравой под Владивостоком надел получил. При большевиках им пришлось всё бросить и в Китай податься. Там я и родился.

— Фантастика! Я ж, дядя Ермил, тоже в тех краях 20 лет прожил. А вы не помните, из какой деревни ваши?

— Вот это да тебе! Антонида, гляди-кась, гость-то земляк почти!

— Поистине пути Господни неисповедимы!

— Из Смирновки, недалеко от Раздольного. Слышал?

— Про Смирновку не слышал, а вот в Раздольном бывал. Мой однокурник оттуда — ездили к его родителям в гости... А на Аляске-то как оказались?

— Ну, слушай дале. Из Китая перебрались сперва в Бразилию, опосля в Николаевск — то в штате Орегон. Там много брата с нашего стада и поныне, да простору в нём маловато. Засим сюда и уехали — здесь, на воле, жизнь в радость. Жительствуем по большей части рыбалкой. Промышляем в море-окияне за 150–200 вёрст отсель. Я, правда, уж не ходок — ноги подводят. Вот столярничаю, пимы из руна, кому потребно, катаю. За выход робята сетями до 600 пудов берут — то, пока море не встанет. А ежели мороз вдарит так, что море льдом покроет, на перемёт начнут. Наживку — на крючья, а лесу сквозь лунки тянут. Рыба, слава Богу, кормит, но всё тяжельче. Сам посуды: цена на горючку за 10 годов выросла с доллара до четырёх, иначе на рыбу без перемен. А ещё за промысловую лицензию заплати, катер и каждого, кто в море ходит, страхуй. В остатке — токмо на хлеб. Но Господь милостив, покуда без скудобы обретаемся.

— Ну что вы, деданя, всё про мужиков. Гость ещё подумает, что бабоньки без дела сидят, — встряла Антонида.

— Так и расскажи. Я, что ль, против?

— Да вы уж сами. Мне к детишкам пора.

Антонида встала, поклонилась и вышла.

— Что правда, то правда, домовитые оне у нас, — опять заговорил дед после того, как за учительницей закрылась дверь. — Ткут полотна, холстины, сучат пряжу, шьют и вяжут токмо оне. И чадородьем не обижены. Вот у меня три сына, две дщери. Ело готовят тоже оне. Трапезничаем токмо своим. Потому все крепкие, здоровые. Лишь сахар, соль, муку берём у одноверца в лавке. В Василле есть такая. Она чистая.

* Лестовка — сохранившийся в обиходе старообрядцев тип чётков. Представляет собой плетёную кожаную ленту. Знаменует одновременно и лестовицу (лестницу) духовного восхождения на небо, и замкнутый круг, образ вечной, непрестанной молитвы.

** В 1905 году Николай II подписал «Закон о свободе вероисповедания», позволивший старообрядцам не только легализоваться, но и получить некоторые льготы.

*** Десятина — 1,0925 гектара.

Да и туды мало ездим. Люд-то ноне в городе дичает. Иные просто в безумство впали. Не ведают, что творят! Поганят рот срамословием, табачным зельем. Блуд, как ржа, их души разъедает. Господи, упаси от сих бесовских искушений. Эх, слабнет народ... Знамо, идти вниз легче, чем наверх к Господу. Мы не курим, бражничаем токмо по великим праздникам. Брагу ставим на берёзовом соку. Одеваем всенепременно вот такие рубахи навыпуск с косым воротом и с пояском.

Дед Ермил в подтверждение своих слов встал на некоторое время во весь рост.

— Бород не бреем: Христос же с бородой!.. Бабы ходят в сарафанах, запонах. Замужние в платках, чтоб волос не казать. Девицы с косами и непокрытой головой. Американцы нас уважают за трудолюбие и честность. Но мы чужаков — людей не отеческой веры — в свою общину не допускаем.

— А если человек не вашей веры, но добрый христианин, он, что, не может посвататься?

— Отчего же нет? Может, но прежде должен пройти обряд переправы, и ежели есть серьёзные намерения, испытуем три года по всей строгости. А до того молодые просто «дружат», как мы говорим — «играют».

— Я, пока шёл к вам, церкви что-то не видел.

— Оно и неудивительно. Наша церква в сосняке, отсюда не видать. Мы, мужики, ходим в неё каждый день, женский пол токмо по седмицам. Тогда воссоединяемся в общей молитве и молимся с двух часов ночи до восьми-деяти утра, покуда все шесть слав не прочтём. Ночная-то молитва доступнее Богу. По правде сказать, часть канонів первоисточного православия размылась временем, но основу блюдем крепко, без перемен. С этим у нас строго.

Тут дед замолчал.

— Дядя Ермил, может, ещё что расскажете? — обратился я с надеждой.

— Погодь, — промычал он сквозь зубы. — Чтой-то колено опять ломит, мочи нет... Тепла, видать, недостаёт. Вот ведь оно, паря, студёно море как откликается...

Старик встал, прихрамывая, подошёл к большой белёной печи, отодвинул заслонку. Набил чрево берёзовыми поленьями, подсунил завиток бересты и запалил огонь.

Вернувшись на место, продолжил свою неторопливую, обстоятельную речь, иногда всё же морщась от боли.

Из нашей дальнейшей беседы я с удивлением узнал, что старательство на Аляске живо и им по-прежнему занимаются тысячи людей, но в их общине этот промысел не прижился. Как признался дед: «Пытал и я фарт, однакось бросил — понял, угарное то дело. Пьяным становишься. А вот в соседствующей с нами деревне баптистов половина мужиков каждый год с июня по август с лотками по ручьям шатаются — золотарят».

Оказывается, золотиносные земли, а это широкая полоса, охватывающая долину и притоки Юкона, разбиты на участки площадью

40 акров (16 га) и любой американец, решивший испытать судьбу, может, заплатив 250 долларов, взять такой участок в аренду и мыть золото. На нём разрешается даже ставить лёгкие постройки, но по окончании договора старатель обязан вернуть его в исходном виде (отвалы по берегам выровнять, постройки убрать, лес, срубленный для хозяйственных нужд, восстановить посадкой саженцев).

Берёзовский старец, видя, с каким интересом я слушаю и заново в блокнот его сказы, настолько воодушевился, что поведал мне об одном малоизвестном способе добычи: «Опосля паводка, токмо спадёт и посветлеет вода, ходи по речке в броднях с трубой. Труба та не простая — с одного конца закрыта стеклом. Держишь тот конец в воде и высматриваешь жёлтые блёстки, а как узрешь, не зевай — гребь ковшом. В уловистом месте случается достать с четверть фунта** шлихового золота. Иной раз и самородки попадаются — невеликие, с ноготь. Главное — на верное место выйти. Самые уловистые обычно в затишке у водоворотов. Однакось сей способ годится токмо с неделю — покуда рыжуха в песок не ушла. Ещё одна верная наводка на злато — чёрно-жёлтый, искристый песок, его пиритом кличут. Коль увидишь, не сумлевайся — рыжуха рядом».

Ещё от деда я узнал, что старательский сезон на Аляске скоротечен — три месяца. За это время лоточник в среднем намывает на 25 тысяч долларов (это приблизительно $\frac{3}{4}$ килограмма золота). Работа каторжная: впроголодь, в ледяной воде, в окружении беспощадных туч гнуса, обычно с ночёвками в тесной палатке, но увлечённых, вернее сказать, больных этим занятием на Аляске, как и 100 лет назад, тысячи.

Чтобы вы, уважаемый читатель, могли оценить, сколь образны и мудры услышанные мной высказывания старца, позволю себе привести ещё несколько его дословно записанных суждений: «В семье не должно быть "Я". Должно быть "Мы"»; «Живём, а не видим, что солнце светит»; «Наг родился, наг уйдёшь»; «Господь любит всех»; «Стыденье — главная девичья краса»; «Чем больше радеешь, тем ближе к Богу»...

Заметив, что старик заговорил медленнее, с остановками, я понял, что пора завершать беседу. Тем более что Сергей уже заждался меня. Прежде чем проститься, достал из сумки дилогию о староверах «Золото Алдана», подписал её и вручил деду. Прочитав аннотацию к книге, тот подивился:

— Как так? Татарин, а об нас написал!

— Жизнь подвигла к этой теме. Ваши одноклассники в 1971 году на Сихотэ-Алине спасли меня с другом, Юрой Сотниковым, от голодной смерти. Даже пожив у них всего три дня, я понял, насколько искажено в миру представление о старообрядцах. Потом судьба подарила ещё несколько встреч с вашим братом. Многовековая преданность отеческим идеалам, трудолюбие, сметливость, терпение, позволяющие жить в достатке даже на бесплодных землях, не могли не вызвать искреннего восхищения. Со временем вызрело желание поделиться своими наблюдениями и мыслями.

— Спаси Христос! Читать я люблю.

Я поклонился и направился было к двери, как старик остановил.

Как известно, технология добычи золота основана на свойстве драгоценных крупинок, вымываемых речными струями из горных пород, «погружаться», благодаря высокому удельному весу (золото в 19 раз тяжелее воды), сквозь рыхлый песок до непроницаемой «кровати» — плотной глины и образовывать на ней с течением времени залежи. Задача старателя — найти такое место, а затем, черпая песчано-гравийную смесь, промывать её в лотке (или с помощью плавающей на воде драги*) до тех пор, пока на его рифлёном дне не останутся одни мерцающие крупинки золота, а если повезёт — и самородки.

* Драга — плавающая на воде платформа с мотопомпой. Засываемая ею взвесь из песка и гальки прогоняется через ребристый лоток, в котором тяжёлое золото оседает.

** Фунт (старорусская мера веса) — примерно 410 граммов.

— Погодь чуток, — произнёс он и скрылся за перегородкой.

Вышел весь какой-то торжественный. Протянув тёмную деревянную иконку Богородицы, он с чувством произнёс:

— Возьми! То моё тебе благословение на дальнюю дорогу. Иконка сия намоленная, благоносящая. Не сумлевайся — поможет, ежели тяжко будет... Матерь Божья лучше всех оберегает от нечистой силы! — убеждённо добавил он.

Я растерялся — такой бесценный дар! Приняв иконку, ощутил в руках странное покаяние, а следом теплоту, окатившую волной сердце. Мне захотелось обнять этого сурового, много пережившего человека, но я понимал, что подобная вольность будет неуместна. Только и выдавил:

— Спасибо! — и повернул к двери.

— Постой! Вижу, что не пустой интерес у тебя. Коли время есть, могу стару церкву показать.

Я замялся в нерешительности: неудобно было злоупотреблять терпением Сергея Натёкина.

Но дед Ермил истолковал заминку по-своему. Озорно улыбнувшись, он скомандовал:

— Поехали, покажу это диво дивное! Доподлинно известно — строена она аж во времена Павла Первого.

К машине я шёл напряжённый, переживал, вдруг Сергей, узнав, что надо ещё куда-то ехать, воспротивится.

— С вами не соскучишься, — только и сказал он, убирая зачитанную Библию в бардачок.

Дед Ермил сел впереди и, пока ехали, уверенно командовал: «Тута прямо до горы, тута заворот к морю... Приехали! Глуши!»

Выйдя, он напустил портки поверх катанок и широко зашагал по снегу в лес. Мы за ним. Сергей вдруг повернул обратно. «Лопату возьму», — пояснил он, обходя меня.

Когда перевалили лесистую гряду, нашим взорам открылась почерневшая, утонувшая в снегу, рубленая в «чашу» церквушка. От неё веяло временами расцвета православия на Аляске. Маленькая, неказистая, она тем не менее вызвала массу чувств и ностальгических образов. Ещё бы — возможно, в ней молились, просили милости у Бога отважные российские промышленники Григорий Шелихов и Александр Баранов, сумевшие за 50 лет освоить, преобразить обширные земли.

Несмотря на маленький размер, это действительно была не часовня, а именно церковь с алтарным прирубом. Я обернулся к старику:

— Зайти можно?

— Иди, иди! Подивуйся. Токмо ничего не трожь и светом не пыхай, — кивнул он на фотоаппарат.

Низенькая дверь была завалена снегом. Ничего страшного — я знал, что на Севере они всегда открываются вовнутрь. Сергей подал лопату. Прокопав траншею, спустился и толкнул дверь. Она отпахнулась, и я шагнул в полумрак, скрывающий далёкое-далёкое прошлое. Когда присмотрелся, увидел, что стены, центральный аналой, Царские врата, алтарь, престол за ним — всё покрыто бахромой инея. В воз-

духе мерцали падающие блёстки. Дверца заскрипела — это протискивался крупногабаритный дед. Он тоже встал, привыкая после слепающего солнца к царящему здесь сумраку.

Подожли к престолу. На нём чернели иконы: лики не видны, но, как ни странно, и от них веяло былым величием русского духа. В такие минуты особенно остро понимаешь, как много потеряли мы, уйдя с Аляски. И как символично, что спустя многие десятилетия почитатели древнего православия, праправнуки первопроходцев вернулись, пустили корни, обжились вблизи этой обители. Захотелось даже крикнуть нынешним маловеерам: «Врёте! Выстоим! Возродим Россию!»

В Василилу возвращались впотьмах. От полученных впечатлений меня переполняла радость. Боясь испортить её неверным словом, всю дорогу молчал. Не покидало ощущение, будто сегодня на машине времени совершил путешествие в далёкое прошлое. Посчастливится ли ещё когда прикоснуться к столь ревностно хранимому исконно русскому укладу канувших в Лету времён, пообщаться с людьми, хранящими с упорством, достойным подражания, первоисточное православие, старорусские традиции?

В последнее время и в России всё чаще стали вспоминать о духовных ценностях. Это прекрасно, но как народ к ним приобщить на фоне тотальной коррупции и безнаказанности? Тут живые примеры нужны. И мне кажется, что большее внимание к старообрядцам, поддержка их со стороны государства могли бы помочь оздоровлению общества, способствовать росту нравственности, духовности россиян.

ВПЕРЁД, В КАНАДУ!

Канада — площадь 9,97 млн кв. км,
население — 35 млн человек,
столица — Оттава.

2

Ремонт минивэна закончен, и сегодня, 14 марта, мы покидаем гостеприимный Анкоридж. Впереди тысячи километров заснеженных гор и безлюдных лесов Аляски, Канады, вулканы и каньоны нижних штатов Америки. Лишь в Мексике, а возможно, в Гватемале мы надолго — до самой Огненной Земли — пересядем на велосипеды. Провожать нас приехали все, кто помогал готовиться к дороге. За две недели мы сроднились с этими милыми, добросердечными людьми. Пока грузились, они давали последние советы, а дядя Дима наносил из кладовки пудов десять тушёнки, рыбных и фруктовых консервов, дюжину пачек с крупой. Его сосед — Иван — добавил к этим щедрым дарам увесистый шмат сала и пачку географических карт до самой Папуа — Новой Гвинеи. Оказывается, он в молодости мечтал пройтись по Южной Америке, Австралии, побывать на тихоокеанских островах, но как-то не сложилось.

Впоследствии все эти съестные припасы нас здорово выручили: с приобретением привычных для нас продуктов в Канаде и особенно в США сложно.

Даже такое непродолжительное знакомство оставило неизгладимый след в наших сердцах. Интересно, отчего мы, русские, такие дружные за границей, дома живём каждый сам по себе? Видимо, дух землячества в человеке наиболее ярко проявляется, когда он оторван от родины.

Ехали, несмотря на то что обзор был сильно ограничен (печка не работала, и намерзающую на переднее стекло изморозь приходилось то и дело соскабливать ножом, а остатки оттаивать ладонью), довольно резво.

Асфальт чистый, с бляшками льда на некоторых участках. По краю дорожного полотна косая насечка, как только наезжаешь на неё, так колёса начинают тревожно гудеть, сигнализируя водителю: «Осторожно — обочина близко!»

***

15 марта — особенный день в моей биографии. Во-первых, это день, когда я увидел божий свет, во-вторых, в этот же день старшая дочь Ольга подарила нам с Танюшей первого внука (чтобы не обидеть мать, второго она родила в её день рождения — 9 февраля!). В общем,

повод нарушить сухой закон был уважительный, и я купил в одиноко стоящем придорожном маркете (вокруг одна глухая тайга) для вечернего «застолья» две бутылки дорогого марочного вина.

Приподнятое настроение вскоре было подпорчено поломкой машины — отказал бензонасос. К этому времени мы были уже в 370 километрах от Анкориджа. Пронизывающий ветер быстро выдувал из салона остатки тепла. Чтобы не замёрзнуть, навалили в лесу сухостоин и развели у обочины костёр. Время от времени подбрасывая хворост, наслаждались теплом. На наше счастье, машина заглохла на перевальной седловине, и нам каким-то чудом удалось по сотовому связаться с Ильёй Ивановым. Минут через двадцать получаем СМС: «Нашёл в Анкоридже бензонасос за 300\$. Выезжаю». Через четыре часа бесценная запчасть была у нас. (Илья звонил и механику из ближайшего к нам посёлка, но тот запросил 640 долларов за насос и 350 долларов за работу. Итого 990 долларов.)

Николай с нашим Ильёй сразу принялись за работу. Надо было снять бензобак и поменять установленный в нём бензонасос. В это время возле нас остановился небольшой автобус. Из него вышел Анатолий — друг Василия Данилюка (мы с ним встречались, когда он с женой и девятью детьми заезжал к Василию погостить). Несмотря на сумерки, Анатолий как-то засёк нашу машину. Выяснив, что техническая помощь уже не требуется, принёс из автобуса двухлитровый термос и пакет с домашними пирожками. Напоил, накормил нас и не уезжал до тех пор, пока мы не завели свой тарантас. А у него в автобусе, кроме взрослых детей, трое малышей — самому младшему восемь месяцев. Вот она — отзывчивость и взаимовыручка на деле! Похоже, иконка действительно чудодейственная.

Поскольку уже стемнело, ночевали тут же. «Поляну» по случаю моего дня рождения накрыли на пенках, расстеленных на снегу. Зачем-то долго спорили, с какого вина начинать: с красного или белого? Остановились на красном. Я распечатал и разлил переливающийся рубинами напиток по кружкам. Пока Костя произносил тост, все переминались с ноги на ногу — с нетерпением ожидали встречи с полузабытым Бахусом. Наконец речь окончена, индейский нож с рукояткой из челюсти волка подарен, и мы, дружно чокнувшись, залили живительный эликсир в застывшую на пронизывающем ветру утробу.

Прошло несколько секунд, а на лицах у ребят вместо наслаждения отразились чувства, вернее, целый букет чувств совсем иного характера: недоумение, удивление, разочарование, сменившиеся вдруг... хохотом.

Когда приступы смеха пошли на убыль, Николай глубокомысленно изрёк: «Камиль, английский учить надо!»

Оказывается, я купил не марочное вино, а дорогой концентрированный сок в бутылках, очень похожих на винные.

Едем мимо бесчисленных озёр, острозубых хребтов с чуть облесёнными склонами. На высоте 700–800 метров деревья вообще исчезают

и голые скаты превращаются в готовые горнолыжные трассы — осталось лишь подъёмники установить.

Миновали мощный, весь в глубоких разломах глетчер. На выходе из ущелья его край обрывался искрящимися ступенями высотой не менее 80 метров. Одна ледяная башня на наших глазах откололась и, постояв секунды три, рухнула на берег реки. Следом донёсся басовитый гул, а само место падения накрыло облако алмазной пыли. Миновав это ущелье, поднялись на отрог, с которого увидели обрамлённую горами глубокую котловину, сияющую девственной белизной. Почему-то сразу вспомнилась описанная Обручевым Земля Санникова.

Через час проехали ещё один ледник, только поменьше. В скором времени лес стал густеть, и сразу больше стало зверей. Чаще всего видели лосей, иногда пробегали табунки серо-коричневых карибу. Ели в этих краях смешные — стволы тонкие, ветки короткие, не более метра длиной.

Каждые 20–30 километров метрах в ста от дороги избушки трапперов — охотников. Они не похожи на зимовья наших промысловиков: стены хоть и из брёвен, но сложены не венцами, а врыты вертикально. Чем такое решение обусловлено, непонятно, но, на мой взгляд, при горизонтальном расположении брёвен щелей меньше.

Объехали необычайно крупный горный узел, состоящий из трёх, расположенных по углам равностороннего треугольника, здоровенных вулканов. Самый массивный и высокий, опоясанный цепочкой полупрозрачных облачков, — спящий Санфорд. По форме он похож

на Килиманджаро: пологие подходы и устремлённый в небо глянцевый конус, слегка обрезанный сверху. Два других — активные: чадят потихоньку. Котловина и цирки между ними заполнены льдом. Многочисленные хребты, расходящиеся лучами от этого мощного узла, образуют сложную систему предгорий.

Скоро граница с Канадой. Горы, отступая к горизонту, становятся всё ниже, силуэты мягче. Чистые, спокойные небеса сияют так, что вверх смотреть больно. А вон и американские пограничники показались. Машут: «Проезжай, проезжай!» Оказывается, американцы документы

проверяют только при въезде. Впереди скромная табличка: «Канада», но сам КПП появляется лишь через 27 километров. На нём развеивается бело-красный флаг с кленовым листом в центре.

Остановились перед знаком «STOP». В окошко выглянул приветливый малый. Он поинтересовался, куда едем, есть ли огнестрельное оружие и сколько дней будем в Канаде. Убедившись, что визы не просрочены, сверил с фотографиями на паспортах наши физиономии и пожелал счастливого пути. Всё прошло так быстро и буднично, что мы даже расстроились: почему-то ожидали от встречи с Канадой большей торжественности.

Наш день протекает по незыблемому распорядку. В 7.00 завтрак, в 8.00 выезд. Через каждый час пути, в течение которого за рулём сидят попеременно Костя и Илья, остановка на 10 минут. Её используем для поддержания физической формы (пробежки, приседания, растяжки...). Тогда же происходит смена водителя. В 13 часов обязательный двухчасовой обеденный перерыв — и снова в путь до 18 часов. Трудовое законодательство свято блюдем — рабочий день восьмичасовой. Костя, будучи способным учеником четырёхкратного чемпиона России по спортивному туризму Николая Рундквиста, считает, что для успеха столь длительной экспедиции главное — не устраивать гонки и обязательно питаться три раза в день с включением в рацион горячих первых, вторых блюд и салатов из свежих овощей. Последующие месяцы полностью подтвердили эффективность такого подхода.

За дорогой канадцы ухаживают спуская рукава — асфальт сплошь в снежном накате. Да и чего ради чистить — впереди несколько сот километров почти безлюдной местности. К сожалению, и качество дорожного полотна заметно упало: всё чаще попадаются знаки и светоотражающие флажки, предупреждающие об ухабах, рытвинах, сужениях. Зато на указателях вместо «миль» привычные для нас «км».

Ровно в 18.00 остановились на оборудованной автостоянке. Машины, заезжая на неё, располагаются по кругу, а центр остаётся незанятым. На нём мы и поставили палатки. Вскоре из-за леса выплыла щербатая луна. Вокруг неё красовался белёсый обруч — верный признак приближения мороза. При лунном свете сразу ожила, повеселела округа.

Вчерашнее гало — кольцо вокруг луны — не обмануло, к утру подморозило так, что, пока завтракали, на усах выросли сосульки. На приём пищи и свёртывание лагеря ушло всего 25 минут. Что значит мороз! Или опыт?

Днём побродили по весьма необычному лесу, выросшему на окраине городка Уотсон-Лейк возле одноимённого озера. Это, вообще-то, парк, в котором на бесчисленных столбах и щитах развешаны или прибиты гвоздями десятки тысяч разноцветных табличек, вымпелов с эмблемами предприятий, фамилиями и адресами людей, названиями деревень, городов, компаний, именами любимых, родовыми гербами, автомобильными номерами и т. п.

Этот «лес» пользуется у канадцев огромной популярностью. Они едут сюда со всех уголков страны, чтобы заявить о себе, своих пристрастиях, о любимом предприятии, своей семье. Мэр города, придумавший столь оригинальный ход, не пожалел денег на рекламу и, эксплуатируя неистребимую страсть людей ко всякого рода меткам, обеспечил многократный рост доходов местным гостиницам, ресторанам, автозаправкам и городской казне.

Мы тоже оставили свои «метки» (два вымпела) и сфотографировались на память под знамёнами России, Краснодарского края, Башкирии и Русского географического общества.

Теперь немного о прозе нашей жизни. Ввиду того что печка в автомобиле не работает, у большинства из нас пальцы ног прихвачены

морозом. У меня от постоянного холода распухли суставы. Но главная проблема не в этом. Как только мы набиваемся со всем скарбом в машину, окна сразу покрываются белёсыми разводами и на них нарастает иней. Поэтому, прежде чем трогаться в путь, приходится сначала прочищать «амбразуру» в лобовом стекле и в дальнейшем повторять эту процедуру каждые 5–10 минут.

Машин на дороге мало. В основном натужено ревущие на подъёмах лесовозы. У нас лес возят хлыстами, а тут стволы (ель вперемешку с сосной) сразу пилят на брёвна длиной три-пять метров. Несколько раз видели оленей, которые что-то лизали на асфальте. После обеда повалил снег. Скорость резко упала. По-прежнему холодно. Грезим о тех временах, когда спустимся в более тёплые широты. Правда, там нас будет ожидать другая беда — кондиционер-то не работает.

БИЗОНЬЕ ЦАРСТВО

Четвёртый день едем по Канаде. По-прежнему безлюдно. За все эти дни ультрамариновое небо ни разу не оживили молочные ленточки — следы реактивных самолётов. Да и сама дорога какая-то неживая — хорошо, если одна машина за час встретится.

По мере углубления в страну кленового листа ельники густели. На третий день появились мачтовые сосны, задыбились хребты, один круче другого. Глядя на украшенные нежной жемчужной бахромой деревья и кусты, невольно ахаешь от этой красоты и думаешь, как же щедра природа.

Ледники, сползая вниз, нагромодили перед собой мощные моренные валы. Звери, поначалу редкие, стали попадаться чаще: то сохатые в подлеске у дороги пасутся, то карibu пробегут, то горные козы по отвесным скалам проскачут. Вспугнули даже стаю волков, терзавших лосиху на льду.

Когда Костя, взяв камеру, стал спускаться к ним, серые, недовольно оглядываясь, затрусили через корытообразную ложбину в сторону мрачного ельника. Она оказалась заполненной столь пушистым снегом, что звери, не находя опоры, беспомощно забарахтались, погружаясь в белую перину с головой. Это была удивительная картина!

В этих краях индейцы многочисленны. Мужчины с чёрными гривами волос и, несмотря на мороз, без головных уборов. Странно было видеть седоволосых пожилых индианок, восседающих за рулём громадных «фордов». Кстати, канадские водители правил не признают — гоняют так, что только свист стоит. Мы здесь, пожалуй, самые дисциплинированные — едем строго в соответствии со знаками (за всё время ни одной машины не обогнали!).

Вдоль дороги через каждые 20–25 километров — стоянки, обустроенные парой туалетов и контейнерами для мусора. Контейнеры оснащены потайными защёлками, чтобы медведи и росомахи не могли поднять крышку и разбросать отходы. На одной из таких стоянок мы и заночевали. Ясное небо предвещало холодную ночёвку. Скитающаяся по нему луна из ночи в ночь делалась всё полнее и полнее, словно отъедалась на звёздном пастбище.

***

Сегодня ровно месяц, как мы в «поле», но, вопреки статистике, обострений межличностных отношений в команде не наблюдается. Напротив — стали ещё дружнее, сплоченнее, организованнее. Притирка прошла быстро и безболезненно. С первого дня царит дух мужского братства и взаимопонимания. Вместе с тем мы постоянно подтруниваем друг над другом. Больше всех почему-то надо мной. И порой так прикольно, что окрестности сотрясает хохот шестерых здоровых мужиков.

Разбудил нас в 7.00 жизнерадостный крик Ильи: «Подъём!» Открываем глаза и с хрустом отворачиваем оледеневшие края спальников. Они хоть и из гусяного пуха (по заверению производителя — фирмы «BASKO»), мы в них мёрзнем. Затем осторожно высываем головы — от каждого резкого движения с потолка сыплется иней. Зябко отряхиваясь, надеваем куртки, бахилы и выползаем на запах дымящейся в мисках каши. Пока едим, Костя знакомит с программой на очередной рабочий день. Перспектива новых встреч и приключений бодрит, повышает жизненный тонус.

Вот и сегодня не успели отъехать от стоянки и двух километров, как увидели стадо бизонов. Мы в восторге — ещё бы, ведь был период, когда колонизаторы, преимущественно англичане, практически истребили их (если в 1850 году общая численность бизонов

составляла 50 миллионов голов, то уже в 1900-м осталось несколько сот). А тут на тебе — стоят, голубчики, спокойно в каких-то двадцати метрах от дороги. На нашу машину не реагируют: уткнули огромные шарообразные головы в снег и копытят траву. Сколько ж им надо вырыть её из-под метровой толщи, чтобы насытить свои тысячекилограммовые туши!

Мы опасливо вышли и стали щёлкать затворами фотоаппаратов. Бизоны — ноль внимания! Чтобы заставить их приподнять из снега заиндевшие морды, пришлось всем дружно кричать во всю мощь. Эта фотосессия могла длиться бесконечно, не скомандуй Костя: «Поехали!» Вскоре видим — ещё одно стадо! Снова съёмки. Проехали не больше пяти километров — на белом холсте, перед лесом, зачернела уже целая орда с телятами. Поскольку до этого бизоны никак не реагировали на наше присутствие, мы вознамерились подойти для съёмки поближе. Идём с Костей всё же осторожно. Сделав несколько снимков, приближаемся на несколько метров — флегматичные бизоны даже головы не поднимают. Фотографируем и опять вперёд...

Я так увлёкся, что не заметил, как вожак заволновался и в тот момент, когда я снимал на видео телёнка, пробивающегося к мамаше по глубокой траншее, ринулся, взбивая снег широкой грудью, мне наперез.

Слышу: «Камиль, беги!» Овернулся и... припустил к машине со скоростью гончей собаки. Все уже сидели в ней, и Илья, открыв дверь в салон, тихонько ехал, чтобы, как только я заскочу, рвать прочь от рассвирепевшего дьявола. Бизон почти настиг меня — ощущал это затылком. И тут, сам не знаю почему, вдруг бросил фотоаппарат с тяжеленным объективом. Как позже выяснилось, этот, казалось бы, бессмысленный поступок и спас меня.

Лишь только я влетел в машину, Илья поддал газу. Пока отпыхивался, ребята рассказали, что, когда меня от разъярённого быка отделяли полтора метра, он неожиданно остановился и принялся с яростью топтать копытами что-то чёрное...

Жаль технику! Но ещё больше жаль затоптанных бизоном нескольких гигабайтов фотографий. Утешало то, что «жертвоприношение» было не напрасным. Могло случиться так, что страховой компании пришлось бы раскошелиться как минимум на моё лечение. После этого происшествия мы ещё несколько раз встречали бизоньи стада, но любовались и фотографировали их, уже не отходя от машины.

К полудню пересекли лесистый хребет и спустились на дно узкого ущелья. В нём было до того сумрачно, что светлюбивые сосны там не выживали. По склонам лишь одни угрюмые ели, а самые крутые участки вообще голые либо в грязноватых языках сошедших лавин.

Вывавшись из этой мрачной теснины, утомительно долго петляли по склону широкого, но более глубокого ущелья, заставленного каменными башнями, остроконечными шпильями. Некоторые гранитные обнажения покрывали бугристые ледопады, образованные сочащейся

из трещин грунтовой водой. Переливающийся перламутром лёд был до того чист, что светился изнутри.

На одном из разрушенных временем утёсов стоял, как монумент, снежный баран. Он был настолько уверен в своей недостижимости, что даже не повернул в нашу сторону головы, увенчанной ребристыми спиралями массивных рогов.

Обедать остановились в межгорной впадине, на берегу озера. Место довольно красивое: залитая солнцем белоснежная чаша обрамлена высоченными горами, подпоясанными зелёным кушаком, и всё это накрыто бирюзовым сводом со слепящим оком на юге.

Мы проехали и прошли по Аляске и Канаде уже 4200 километров, а вокруг всё бесконечные гряды хребтов, ущелья и пропасти! Поистине американская и канадская Аляска — горное царство! А панорамы — одна краше другой!

Оставили эту чудную котловину с сожалением и через два часа въехали в очередной горный массив. Тут профиль вершин резко изменился — горы стали походить на циклопические пни-столы. Поднимаясь по серпантину всё выше и выше, взобрались на одну из таких «столешниц» (отметка 1025 м). С неё открылась (наконец-то!) густо облесённая равнина, изрезанная змейками рек, испятнанная площадками озёр и прикрытая сверху серым войлоком облаков. Косые снопы света, пробивавшиеся сквозь разрывы в нём, несколько оживляли эту унылую панораму.

На самой равнине к дороге всё чаще подступали парящие наледы: речки промерзают до дна и вода в поисках выхода разливается поверх льда и снега. Недремлющий мороз быстро сковывает её. Так, намерзая слой за слоем, ледяная броня за зиму может достигнуть двух и более метров в толщину. Посреди одной наледи видели вмёрзшего в лёд лосёнка. Снежная пороша вокруг него истоптана — соболя или росوماхи прикормились к дармовому «складу».

Под вечер въехали в городок Форт-Нельсон. Закупили продукты, заправились и, с трудом найдя Интернет, отправили на сайт РГО очередной отчёт с фотографиями. На ночёвку остано-

вились в тощем лесу за городом. Мы уже довольно прилично спустились к югу, но таких кондовых лесов, как в Сибири, пока не встречали — одни тонкомеры. Максимум — один обхват. Странно.

После ужина заполняли тесты: отвечали на несколько сот самых разных вопросов. Андрей сводит все ответы в таблицы для последующего анализа. И не исключено, что через несколько лет мы будем присутствовать на защите его диссертации на тему «Динамика изменения психологического и физического состояния людей при больших и длительных нагрузках». Для чистоты его научного исследования отвечать стараемся предельно честно.

ЧЕРЕЗ КАНЬОНЫ К ВАНКУВЕРУ

Небесная канцелярия долго баловала нас солнечной погодой, но мир устроен так, что всё рано или поздно заканчивается. Сначала резко потеплело, наполнили влажные весенние облака, и даже в палатку проникал хмельной, волнующий аромат отмякающей хвои. А потом задул, вздымая на высоту человеческого роста вихри снега, накопивший силёнок ветер.

И вот уже третий день мы в одиночестве рассекаем под тоскливой вой метели перегородившие дорогу ребристые сугробы. (Я и не предполагал, что Канада настолько слабо заселена, что можно проехать несколько сот километров и не встретить ни одного селения.) Времени видимость почти нулевая. В такие моменты останавливаемся, чтобы не улететь под откос. Иногда за счёт скорости удавалось вырваться из объятий снежной круговерти, но она каждый раз нагоняла нас. Лишь на четвёртые сутки прояснилось, и навстречу нам выползла первая машина.

Всего по Канаде едем восьмой день. Чем ниже спускаемся, тем гуще становятся леса, выше и мощнее деревья, тоньше снежный покров. А сегодня даже попадались проталины. На них крохотными

солнышками горят подснежники — нетерпеливые храбрецы, рвущиеся навстречу теплу и свету.

Если вчера наш путь пролегал по местам, очень похожим на Валдайскую возвышенность в зимнюю пору (размашистые, утыканые сумрачными елями холмы), то сегодня совершенно иная картина. Грандиозные каньоны следуют один за другим, и каждый поражает своей мощью и затейливостью. В них безветренно, сверху ласково припекает солнышко. В общем, благодать!

В восемь утра с некоторой грустью покинули уютную стоянку под крышей разлапистых канадских сосен, оборудованную на берегу озера, живописно втиснутого в каньон Марбл. Оно заковано в толстый, потрескавшийся от морозов голубоватый лёд. На этой стоянке имелось всё, что необходимо для отдыха и ночёвки путников: столы со скамьями, очаги, площадки для палаток, туалеты и даже ручной насос для воды.

Вскоре въехали в ещё более внушительный каньон Фрасер. Здесь уже повсюду властвовала весна: талые воды рыли ходы, подтачивая снизу сугробы; деревья, наполняясь живительными соками земли, загустели. Прелую листву пронзила щетина зелёных ростков. Размеры и невероятно сложный рельеф каньона до такой степени поразили нас (глубина более километра, ширина — около двух), что командор остановил машину и, выбежав на его край, с азартом принялся фотографировать. От него бросились врассыпную отдохавшие в кустах среди высокой прошлогодней травы олешки, очень похожие на сибирских

косуль. Один оленёнок запутался в сухих тесёмках травостоя, упал и, инстинктивно прижавшись к земле, затаился. Чтобы не беспокоить малыша, мы отъехали метров на сто ниже.

Рыжеватая вершина каньона упиралась в острозаточенный скальный гребень поперечного хребта. Дно затянуто лесом, преимущественно хвойным. Под его пологом глубоко внизу гремел, ворочал камни стремительный белопенный поток, принимающий из боковых, высоко расположенных ложбин и расщелин жемчужные дуги водопадов. Поскольку склоны каньона сложены из довольно рыхлых осадочных пород, оползни, уносящие в речку многометровые участки дороги, здесь рядовое явление. На месте одного из таких оползней дорожники как раз вели восстановительные работы. Уже отсыпали новое полотно, укрепили его бетоном и готовились к асфальтированию. Окажись мы здесь двумя днями раньше, пришлось бы разворачиваться и добираться до Ванкувера более длинным, окружным путём.

В самой широкой части этого довольно протяжённого каньона расположен городок Лиллоет — весьма крупный для здешних мест населённый пункт. Микроклимат здесь из-за высоких гор до того мягкий, что в широкой котловине благоденствуют даже виноградники.

Застройка, как во всех селениях Аляски и Канады, хаотичная, не имеющая ничего общего с Европой: там непременно имеется исторический центр, от которого отходят чётко спланированные улицы. Здесь же дома стоят как попало. Такое ощущение, что каждый строил, где хотел. Да и сами здания какие-то неосновательные, несуразные

по форме. Кажется, что они собраны неумелыми руками ребёнка из кубиков детского конструктора. Некоторые — просто вагоны, обшитые сайдингом. Стены тонкие, но, что удивительно, в домах тепло! Видимо, теплоизоляционные материалы высокого качества. Преобладающий цвет — унылый серо-коричневый.

Из-за отсутствия сараев хозяйственная утварь разбросана по всему двору. Особенно портят вид старые, догнивающие под открытым небом автомобили. У некоторых домов их до десятка. По ним можно изучать эволюцию автопрома страны за последние полвека. Канадцы, как и американцы, из-за дороговизны запчастей и высоких расценок на ремонтные работы (заклеить камеру стоит 26 долларов, заменить бензонасос — 350) предпочитают не ремонтировать машину, а покупать каждые 5–6 лет новую. За городом нашему взору предстала ещё одна незабываемая панорама: овальное озеро в зубчатой раме высоченных скал. В тихой воде отразились и жили одной семьёй и голубое небо, и пухлые облака, и скалистые шпили, и корабельные сосны, и белокрылые чайки. Изумрудного цвета, словно подсвеченная изнутри, вода эффектно контрастировала с мрачными отрогами, на которых монолитные скалы перемежались с конусами щебнистых осыпей и зелёными лентами непонятно как выросших на каменных плитах малорослых ельников.

Вдоволь насладившись очередным шедевром Создателя, свернули на восток и по глухому, лесистому ущелью поехали к перевалу. Машин на дороге практически нет. Температура воздуха с каждым километром падала, и вскоре мы вновь очутились в настоящей зиме: на широких лапах елей лежали, похоже, ещё с осени слоистые пласты снега, под ними, между деревьями, двухметровые сугробы.

Перевал проходил по седловине, разделявшей два белоголовых пика, на отметке 1267 метров. Спуск с него оказался столь крутым, что уже на полпути тормозные колодки задымили. Пришлось остановиться и бросать на диски снег. Он с шипением испарялся, обволакивая нас такими густыми клубами пара, что так и хотелось завопить, как в бане: «Давай! Давай! Поддай ещё!»

На случай, если у какой-либо машины при спуске откажут тормоза, дорожники на самых крутых участках предусмотрели достаточно длинные, гасящие скорость, выезды вверх — как бы ни разогнало машину, она всё равно в конце концов остановится. Умно придумано! Это, конечно, дополнительные затраты, зато безопасность гарантирована.

60

Внизу, в долине, нас ожидало долгое плутание среди полей, лугов с огромными стадами коров, стаями гусей, табунами ухоженных лошадей. На полях стоят, как когда-то и у нас в Союзе, системы полива на колёсах. Между ними разложены кучи навоза. На самых высоких сооружениях (обычно это силосные башни, покрашенные в чёрный цвет) трепещут на ветру государственные флаги. С удовольствием отмечаем, что в стране кленового листа женщины помиловидней аляскинских (но и им далеко до наших!), а мужчины покрупней и попоходистей. Все приветливы, доброжелательны — в этом канадцы схожи с жителями Аляски.

Через тридцать километров долина стала сужаться, и нам пришлось взбираться ещё на один перевал, но уже менее высокий. После него до самого Ванкувера ехали по берегу узкого фиорда с рассыпанными по его волнистой лагуны лесистыми островками. Очень живописные места. Неслучайно эти края были выбраны для проведения зимних Олимпийских игр 2010 года.

На дорогах стало гораздо меньше громадных «фордов», «дженерал моторс» и «тойот» с полукузовами (кстати, почти всегда пустыми). Здесь они составляют не более 50% от общего числа автомобилей, тогда как на Аляске — 95%. Но это не все отличия. Если на Аляске каждый второй дорожный знак изрешечён пулями, то здешние ковбои стрельбой по знакам не балуются — все целёхонькие.

61

И вот долгожданный миг: выезжаем на берег широкого залива, с которого открывается вид на столицу Западной Канады — город Ванкувер. Это довольно крупный мегаполис, километров пятьдесят в диаметре, рассечённый полноводной рекой Фрейзер. В глаза сразу бросается толпа серых небоскрёбов с нечёткими из-за сизой дымки над городом контурами. Левее, на юго-востоке, над синееющими вдали хребтами сияет белая вершина вулкана Бейкер. Там уже территория США. Он первый из семидесяти, на которые нам предстоит подняться, провести измерения и описать.

Чтобы не заезжать в центр города, реку пересекли по северному мосту (странно было видеть посреди современного мегаполиса на водной глади десятки плотов и поехали по малоэтажной окраине. Там нам предстояло найти специализированный спортивный магазин и закупить альпинистское снаряжение, или, как выразился наш самый титулованный скалолаз Алексей Казаченко, «железо»: кошки, карабины, верёвки, альпенштоки, ледорубы.

Мы так долго плутили по улицам, что к магазину подъехали в момент закрытия. Наша просьба задержаться и отпустить товар осталась без внимания. Один из продавцов показал на часы и покачал головой: «Excuse me!» — «Извините!» Но нет худа без добра — остановились в дешёвенькой гостинице. Это было как нельзя кстати: мы две недели не видели душа, а снятые носки уже стояли, как кремлёвские часовые.

США. ВУЛКАН БЕЙКЕР

США — площадь 9, 63 млн кв. км,
население — 300 млн человек,
столица — Вашингтон.

3

Сегодня пересекли границу между Канадой и Соединёнными Штатами Америки. Американские пограничники, узнав, что мы совершаем кругосветку, сначала долго изучали материалы про нашу экспедицию в Интернете на сайте РГО (версию на английском языке), потом проверяли документы на машину, дотошно исследовали записи в наших дневниках. Затем вновь засели за компьютеры. Тут я, честно говоря, струхнул — опасался, что всплывёт неоплаченный на Аляске штраф. Но, слава Богу, пронесло! Не обнаружив ничего подозрительного, офицер проставил в наших паспортах печати о въезде в США. Обрадованные, мы заскочили в машину и помчались к Бейкеру — одному из самых активных и высоких вулканов Каскадного хребта (3976 м).

В долинах уже по-летнему тепло. Деревья в зелёной дымке — из почек наполовину высунулись смолистые пахучие клювики. По мере набора высоты холодало. Дорога запетляла сквозь хмурый, обомшелый хвойный лес. Здешние лесники его не чистят — земля сплошь в поваленных деревьях. (А может, и правильно, что не чистят, ведь в природе всё должно идти своим чередом, по её, а не нашим законам.)

Вскоре появился снег. Чем выше поднимались, тем толще становился его покров. На площадке, предназначенной для внедорожников, он уже достигал трёх метров (!). Отсюда вершина Бейкера была видна как на ладони. Высота даёт о себе знать: я начинаю испытывать лёгкое головокружение — первый предвестник горняшки. Появляется странная эйфория, бесшабашность, как будто выпил на голодный желудок бокал вина. Вскоре это прошло — организм адаптировался, но спал я плохо. Часто просыпался от нехватки кислорода, учащённого пульса и сухости во рту.

Утром вышли с уверенностью, что до кратера доберёмся к обеду. Первые пятьсот метров шагали по накатанной снегоходами и лыжниками тропе среди мощных и высоких, как на подбор, елей и канадских сосен. Когда тропа рассыпалась на одиночные следы, идти стало намного трудней: склоны крутые, а снег всё глубже. Надежды на наст не оправдались: перед этим несколько дней сыпал обильный снег, и теперь он лежал пухлым одеялом. Торили его поочерёдно. Когда встали на обед, все повалились на пенки как подкошенные — до того с непривычки устали. Лишь дежуривший Илья вынужден был возиться с горелками и котелками.

Тем временем небо затягивали свинцовые тучи, атмосферное давление падало. Приближалось ненастье. На склоне всё чаще стали встречаться оголённые лавинами участки. Густо повалил снег. Стало очевидно, что до вершины сегодня не дойти. Чтобы не накрыло лавиной, палатки поставили под отвесной, с отрицательным уклоном, стеной. Спали после такой мощной физической нагрузки как убитые. Не мешали даже оглушительные хлопки, издаваемые при порывах ветра капроновыми скатами. Вскоре палатки так замело и обжало снегом, что хлопки прекратились, а вой ветра едва пробивался.

Утро одарило ясным небом и слепящим солнцем. Из-за выпавшего за ночь снега идти стало ещё тяжелей. Чтобы не терять темп, впереди идущих сменяли каждые пять минут. Вдруг, как это часто бывает в горах, откуда-то налетела армада чёрных туч, и хлопья снега на глазах вновь поглотили округу. Мне, единственному очкарику в нашей команде, приходилось то и дело останавливаться, чтобы протереть стёкла. Снег сыпал так густо, что казалось, вдохни полной грудью — и захлебнёшься его хлопьями.

Запахло сероводородом. Дышать стало ещё труднее. Когда проходили мимо парящих едким газом фумарол, спазмы перехватывали дыхание и приступы кашля сгибали пополам. Пар инеем оседал на одежде, бороде, бровях. Все побелели, будто надели маскировочные халаты. Лёха зафиксировал на электронной карте GPS координаты этого фумарольного места. Временами снегопад становился настолько

густым, что впереди идущий терялся в белой мгле. Звуки гасли, очертания скал искажались до такой степени, что камни превращались то в громадное дерево, то в какое-то чудовище.

Я брёл в самом хвосте. В одном месте неловко поскользнулся и, пытаясь сохранить равновесие, отступил в сторону, а там пустота!.. Открыл глаза — вокруг лёд. Ясно — угодил в трещину. С трудом освободив руку, расковырял снежные комья над головой. Край трещины вижу, но дотянуться до него не могу. Стал кричать. Минут через десять появились сначала Лёха, за ним Костя. Не дождавшись меня на гребне, они вернулись по следу. Когда я с их помощью освободился из ледяного плена, Костя сунул мне под нос громадный кулак и сказал: — Говорил тебе, иди в середине цепочки!

Заглянув в расщелину, я перекрестился: будь она поглубже, мог бы и кости переломать.

Впереди показался громадный, свисавший с уступа горы снежный надув. Непонятно было, как эта многотонная махина до сих пор не рухнула. Заходить под него было страшновато, но делать километровый крюк не хотелось. Пока шли, я всё бормотал: «Господи, спаси и сохрани!» Пронесло!

Наскоро перекусив в скальной нише, продолжили восхождение. Вершина возникла столь неожиданно, что мы на всякий случай прошли сквозь снежную муть ещё немного. Когда поняли, что уже спускаемся, вернулись. Радость от восхождения омрачилась тем, что снежная завеса не позволила сделать качественные снимки кратера. Фотографии получались смазанными, нечёткими.

Спускаться было легче, тем более что в прорехи туч то и дело ободрающе выглядывало солнце, а выдохшийся ветер лишь едва шевелил колючую позёмку.

МЫТАРСТВА В НЕПОГОДУ

Третий день, как слезли с белоголового Бейкера и дышим чистым, без сероводорода, воздухом. Этот вонючий «прыщ» обеспечил нам столь мощную разминку, что мышцы ног до сих пор болят, а по ночам ещё сводит судорога.

Держим курс на Сизтл (штат Вашингтон). Достичь его до вечера не удалось, и лагерь разбили на лесистом склоне метрах в двухстах от громадного озера под звонкие песни лягушек. (Наши поют мягче и мелодичней. Здешные же пронзительно, иногда даже дают петуха!)

Пока Лёха жарил куриные крылышки, я зашёл в глухой лес сфотографировать красиво обвешанные мхами деревья. Лавируя между ними в поисках интересного ракурса, упёрся в проволочную ограду со свежеекрашенными металлическими столбиками. Лес за ней очищен от древесного хлама, трава выкошена, меж стволов

белели колышки с оранжевыми флажками, а кое-где торчали... почерневшие от старости надгробные памятники.

Найдя калитку, прошёл внутрь огороженной территории. Под новеньким двускатным навесом в центре обнаружил щит с надписью: «Кладбище восстановлено в 2008 году» и схему с номерами могил. Рядом щит со списком. Напротив каждого номера — фамилия, даты рождения и смерти. Судя по самым ранним датам, у кладбища приличный по американским меркам возраст — 143 года. Для западного побережья Америки это время начала активной колонизации, вернее будет сказать, захвата земель у индейцев. Поразила высокая детская смертность: возраст половины умерших — до трёх лет. Не удивительно, жили-то первые годы в кибитках да палатках.

В Сиэтл въехали в 10 утра. Город вытянулся с севера на юг вдоль побережья узкого фиорда. Центр, как обычно, забит небоскрёбиками местного пошиба. А в целом город малоэтажный, уютный, с преобладанием частной застройки. Пробок нет: дороги с двух- и четырёхъярусными развязками, подземными тоннелями, скоростными эстакадами. Таких громадных рекламных щитов, как у нас, не видно: самые большие — 2×4 метра (у нас, как правило, 3×6). К тому же их здесь намного меньше. Наконец купили профессиональную видеокамеру «Сони». До этого нам попадались только любительские, для съёмок фильма малопригодные.

После вылизанного Сиэтла направились на юго-восток, где маячил самый высокий на Каскадных горах стратовулкан* Рейнир (4394 м). В число семидесяти, которые мы должны обследовать, он не входит, но Костя всё же решил забраться и на него.

Проехав два часа по заросшим непроходимым лесом отрогам, упираемся... в шлагбаум из толстенной ржавой трубы. Возвращаемся и поднимаемся по следующей, параллельной первой, дороге. Там тоже шлагбаум. Находим на карте ещё одну гравийку — но и там проезд закрыт. Зато полюбовались на многочисленное стадо виргинских оленей, очень похожих на дальневосточных изюбрей. Особенно впечатлили их ветвистые рога. На нас олени смотрели с изумлением. Видимо, люди редко заглядывают в эту глушь.

Ночь настигла на пути к четвёртой гравийке. Утром возобновили попытки подъехать к вулкану, но на высоте 1307 метров вынуждены были вновь отступить — машина не смогла пробить колею в оледеневшем снегу. Ко всему прочему, склон на этом участке довольно крутой, а дорога столь узка, что мы рисковали сорваться в пропасть: она же настолько глубока, что шум порожиистой речки едва слышен.

Так и не увидев скрытый низкой облачностью и непрерывно сеющей

моросью Рейнир, поехали на юг с целью пробиться к одному из красивейших в прошлом вулканов Америки — Святой Елене. В 1980 году он потряс округу мощнейшим извержением, изуродовавшим идеальный конус и выбросившим столько лавы, что образовался ступенчатый кратер глубиной 600 метров. При извержении погибло шестьдесят два человека, отказавшихся от эвакуации.

Сей «агрессор» тоже вне графика. Но как не воспользоваться возможностью заглянуть в преисподнюю? Попытка подобраться с запада не увенчалась успехом ввиду того, что дорога была разрушена мощным селом и завалена сотнями свежоошкуранных стволов. Спустившись под проливным дождём в долину, попытались приблизиться к Святой Елене с востока — тоже безуспешно: перегруженные влагой облака накрыли её почти до самой подошвы.

Осадки преследуют нас все последние дни. С дождём ложимся, с дождём встаём... Деревья и камни от постоянной в этих краях влаги обомшели так, что не только стволов, но и ветвей не видно — всё скрыто под космами мхов и лишайников. Берендеево царство! От дождя нет спасения даже в палатках. Вещи до того пропитались влагой, что из них можно отжимать воду. Однажды раз в разрыв низких туч брызнул было сноп света. Мы обрадовались, однако через минуту он погас.

Сразу после завтрака под проливным дождём покидаем негостеприимный штат Вашингтон и въезжаем в штат Орегон. В нём много староверских общин, но посетить их по причине нехватки времени нам не удастся. Обидно! В одной из них, в городке Вуудбас, живёт мой знакомый — Ермил Тимофеевич Таран, колоритнейшая личность! Я познакомился с ним осенью 2010 года в Домодедово. Он приезжал в Россию с сыном искать невесту из одноверцев. Сосватал, и даже очень удачно, дочь священника одного из древнеправославных приходов. В аэропорту за просрочку визы на одни сутки с него взяли 600 долларов. Мне было невыносимо стыдно за наших бездушных чинуш — кто же захочет вернуться в Россию при таком отношении к соотечественникам.

Переехав реку Колумбия по длиннющему двухъярусному мосту (движение в обратном направлении шло над нами), без остановок проследовали в штат Калифорния, где расположен вулкан Лассен-Пик (3187 м). На него мы обязаны подняться, какие бы трудности ни пришлось для этого преодолеть, — он входит в утверждённый РГО перечень.

Пока едем, расскажу о впечатлениях последних дней. Можно констатировать, что уровень жизни в США выше, чем в Канаде. Особенно это заметно по небольшим городкам. В Штатах каждый дом, благодаря интересному архитектурному решению, имеет своё лицо. Впечатляет оформление участков: идеальный газон, много декоративных кустарников и фруктовых деревьев, цветов. Но всё это завораживает лишь поначалу. Со временем их неестественная прилизанность и какая-то внутренняя одинаковость начинают раздражать. В этой красоте не чувствуется жизни.

* Стратовулкан — (слоистый вулкан) тип вулкана, имеющий крутую коническую форму и сложенный из множества слоёв затвердевшей лавы и вулканического пепла.

Участки большие, не меньше гектара. В предгорьях — это в основном виллы. Дома стоят далеко друг от друга — никто никому не мешает. (В городах застройка, конечно, плотней.) По долинам разбросаны фермерские хозяйства. Наделы у них соответствующие — от 4 до 12 гектаров. В этих краях занимаются преимущественно животноводством. Иные коровники стоят всего в 30 метрах от дороги, но специфического запаха не ощущается — чистота идеальная.

Вызывает уважение то, сколь бережно хранят и как гордятся американцы предметами старины. У кого-то у дома

стоит надраенный до блеска автомобиль начала 20 века, у кого-то почерневшая от старости телега или трактор с железными колёсами. На центральной площади на самом видном месте красуются свежееккрашенные вагончики либо паровозик. Ещё один популярный экспонат — брёвна в пять-шесть обхватов, лежащие на специальных площадках. Чтобы они не гнили и не чернели под дождём, над ними установлены двускатные навесы.

Вообще, лесов здесь много, и они помощнее, чем в Канаде. Как-то во время обеда на берегу горной речки мы попытались обхватить ствол одного лесного великана — так впятером не смогли. Выходит, его окружность превышает десять метров!

Лесоразработки в этом штате ведутся довольно активно и в значительных объёмах, по преимуществу в горах, в том числе на очень крутых склонах. Настолько крутых, что непонятно, как техника не переворачивается. К делянкам проложены добротные гравийные дороги. Лес берут сплошняком, не оставляют даже подрост, и пилят как-то неряшливо: пеньки разной высоты (от полуметра до двух), срезы косые. Но уже на следующий год участок засаживают молодыми ёлочками или сосенками.

Когда смотришь с перевала, то хорошо видно, что одним посадкам двадцать пять, другим десять, а третьим не больше двух лет: деревца едва видны между пней. Пройдёт лет восемьдесят, и лесорубы вновь вернутся сюда снимать подростный «урожай». Бесконечный конвейер. Разумно!

Абсолютное большинство населения — белые. Темнокожих практически нет. Изредка встречаются выходцы из Азии (филиппинцы, малайцы). На их плечах подсобные и грязные работы.

Бросается в глаза изрядное количество людей с избыточным весом. Особенно много их среди молодёжи. У некоторых тело при ходьбе колышется, как студень. При этом ещё что-то жуют на ходу. О чём думает эта биологическая масса? Похоже, только о том, чтобы ещё чего-нибудь вкусенького засунуть в рот.

Пообедать съехали на громадную автостоянку. Небо прояснилось, и мы разложили прямо на асфальте пропитавшиеся влагой за неделю непрерывных дождей вещи, палатки, спальники. Люди подходили

к нам, интересовались, кто мы и откуда; разглядывали разбросанное снаряжение. Узнав, что из России, начинали расспрашивать, чем здесь занимаемся, куда направляемся. Тон общения дружелюбный, заинтересованный. Одна семья даже попросила разрешения сфотографироваться с нами.

Едва отъехали от стоянки, как машина встала — сгорел генератор. На наше счастье, автосервис оказался поблизости. Осмотрев, мастер предупредил, что на ремонт уйдёт часа три. Пользуясь случаем, я расстелил на ближайшей лужайке пенку и лёг позагорать. В нескольких метрах от меня под соснами резвились белочки. Ребята же отправились в турне по магазинам. На улице они видели с десятков вывесок салонов хиромантии — похоже, услуги хиромантов здесь популярны.

ДОРОГИ АМЕРИКИ

Штат Калифорния (не путать с полуостровом Калифорния, принадлежащим Мексике) встретил нас прекрасной погодой. После многодневных, почти непрерывных дождей и плотной, низкой облачности ясное небо стало наилучшим подарком для нас. Как пояснил один из местных старожилов, окрестности Рейнир и Святой Елены — самое гнилое место в Америке.

На границе штата, проходящей чуть ниже увенчанного белоснежными вершинами водораздельного хребта, инспектор санитарной службы задал нам всего один вопрос: не везём ли мы с собой фрукты? Получив отрицательный ответ, поднял шлагбаум.

Изучая после ужина карту, я увидел, что пройдено более половины маршрута по США, и настала пора поделиться впечатлениями о штатовских дорогах.

То, что дороги в Америке по большей части, можно сказать, в идеальном состоянии, а пробки, благодаря многоярусным развязкам, двухуровневым мостам и грамотной организации уличного движения, редчайшее явление, — факт общеизвестный. А вот то, что все дороги, включая скоростные автобаны, бесплатные, — это для нас стало приятным сюрпризом. (Платные дороги, возможно, имеются, но нам не встречались.)

Оказывается, не надо платить не только за проезд, но и за использование весьма развитой инфраструктуры, имеющейся почти на всех придорожных автостоянках*. При этом место для них выбирается так, чтобы открывающаяся панорама радовала взор.

Стоянки представляют собой заасфальтированные площадки с разметками отдельно для фур, отдельно для легковых машин. Вокруг — аккуратно подстриженные газоны. Вдоль них тротуары с фонарями и отходящими вбок тропинками к столикам и скамьям под навесом.

* Несложно быть щедрым, если в твоих руках станок, печатающий в неограниченном количестве доллары, и за эти бумажки почти весь мир продаёт тебе материальные ценности. При этом можно позволить себе иметь дефицит бюджета, превышающий годовой ВВП, — 17 триллионов долларов! Страна фактически банкрот и держится пока на плаву только за счёт своей военной мощи.

Посреди — таксофоны, информационные стенды, краны с водой, розетки для зарядки аккумуляторов, просторные туалеты с кабинками для инвалидов. В них есть не только туалетная бумага, жидкое мыло, зеркала, но и бумажные полотенца. Чистота, как в аптеке.

Дорожная разметка у американцев сходна с нашей, а вот знаки отличаются. Во-первых, по цвету: здесь они жёлто-чёрные. (Мне кажется, наши бело-синие выглядят оптимистичней, легче и быстрее воспринимаются глазом.) Во-вторых, есть знаки, которых у нас нет. Например, «Не голосовать» (перечёркнута поднятая ладонь). Много всякого рода указателей-подсказок: «Хорошее место для фотосъёмки» (изображён фотоаппарат), «Смотровая площадка», «Удобная точка для обзора панорамы». Ограничения скорости на дорогах от 15 до 65 миль/ч (25–110 км/ч). На перекрёстках, где нет светофоров, со всех четырёх сторон стоят знаки «STOP». Преимущество у того, кто первый подъехал. Нам это правило очень понравилось — удобно и уважительно. Удивило то, что жёлтый свет на светофорах здесь горит не больше секунды либо вообще отсутствует.

Вдоль дорог, как и у нас, тянутся ЛЭП. Но и здесь свои особенности: опоры, даже высоковольтные, не бетонные, а деревянные (прямые, приличной толщины, пропитанные светло-коричневым антисептиком столбы). Полицейских на первый взгляд мало, но вскоре мы убедились в ошибочности этого впечатления. Дело в том, что машины, патрулирующие дороги, в отличие от наших, не имеют специальной окраски и надписей. Более того, мигалки на крышах настолько плоские, что издали не заметны. Зато когда полисмен включает так называемое СГУ, то машина начинает зловеще реветь и мигать несчётными красными и синими огнями спереди и сзади. А так, стоит на обочине обыкновенный джип. Если машину остановили, водитель должен открыть окно и не двигаться. Выходить без команды полисмана категорически запрещено. Попытка дать взятку, как правило, заканчивается тюрьмой.

Любопытно, что государственный номер при регистрации автомобиля можно придумать самому и указать его в заявлении. Поэтому некоторые автовладельцы имеют номера с довольно оригинальным сочетанием букв или цифр. Например, на машине нашего друга Ильи

Иванова из Анкориджа гордо красуется «СССР», пониже мелкими буквами «Аляска» — просто и патриотично!

Штат Калифорния показался нам самым интересным по разнообразию рельефа и флоры. Мощные горные массивы, высокогорные плато и котловины, заставленные крохотными, метров под двести, конусами вулканического происхождения, щелеобразные каньоны с бурунистыми речками и искрящимися водопадами чередуются с просторными, плодородными долинами, на которых пасутся огромные стада коров, отары овец

и табуны лошадей. На двух ранчо видели даже гурты альпака (одного из четырёх видов южноамериканских лам).

Все места выпаса ограждены многокилометровой оградой (пять рядов катанки, продёрнутой сквозь металлические стойки) и в основном поливные — климат в Калифорнии довольно сухой. Об этом свидетельствовали и обширные пустоши с чёрными скелетами обгоревших деревьев.

ВУЛКАН ЛАССЕН-ПИК

Чтобы подобраться к основанию многовершинного вулкана Лассен-Пик, одного из крупнейших лавовых куполов на земле, понадобился целый день. За это время успели побывать и в зиме с мощным снежным покровом, и в весне с цветущими фруктовыми деревьями, и в жарком лете.

Вокруг Лассена хвойные леса от огня не пострадали. Здесь по-прежнему повсюду властвует зима — у подошвы вулкана глубина снежного покрова достигает нескольких метров! Последние километры ехали внутри белостенного коридора: снег по бокам был в два раза выше машины. Какова же его глубина наверху? Об этом узнаем завтра. Прогноз, правда, расстроил — обещают снег с дождём.

И точно, разбудил дробный стук редких, но полновесных капель. Невзирая на непогоду, сразу после завтрака отправились к белеющему вдали куполу. Что интересно, дождь сразу прекратился. (Я давно заметил, что, когда не боишься, а делаешь то, что запланировал, препятствия отступают.)

До кратера надо было протопать по заваленным снегом предгорьям десять километров, потом километра полтора подниматься по склону конуса непосредственно к жерлу. Кругом ни души. В эту пору сюда заходят на лыжах лишь рейнджеры парка.

С утра по жёстким снежным надувам шагалось легко, но чем выше поднималось солнце, тем мягче и сырее становился снег. Он обильно налипал на протекторы сапог, превращая их в пудовые гири. Приходилось то и дело останавливаться и сбивать налипшие комья.

Вскоре снег до того размяк, что мы иной раз проваливались почти по пояс (глубже не давал рюкзак). Чтобы не терять темп, впереди идущего, как обычно, сменяли каждые десять минут.

Когда настал мой черёд, я понял, каково это — идти первым. Под тобой несколько метров податливой массы, и лишь только обопрёшься на ногу, так проваливаешься в неё чуть ли не по самый пах. Упираясь руками, с трудом вытаскишь себя наверх, но при следующем шаге всё повторяется.

Проковыляв так с сотню метров, я взопреп, ноги загудели от напряжения, встречный ветер выжимал слезу, но я старался, шёл из последних сил. Костя, видя, что я «буксую», отправил меня в хвост колонны и сам встал впереди. Он так и шёл дальше: и за себя, и за меня. Настоящий мужик!

Каждая ходка выматывала до такой степени, что, как только звучала команда «Привал!», все падали на снег словно подрубленные. Не знаю, как ребята, а я, распластавшись на мягкой перине, испытывал такое

наслаждение, что в голове невольно возникала абсурдная мысль: «Ради того, чтобы получать подобное удовольствие от отдыха, и стоит ходить в горы!»

Особенно славно бывало, если место для привала выбрано тихое, безветренное. Расстегнёшь куртку, снимешь шапку и лежишь, купаясь в ласковых объятиях солнечных лучей. Слабый ветерок приятно холодит разгорячённое ходьбой лицо, а ты смотришь, блаженно улыбаясь, как на кончике ветки повисает капля с бегущей искоркой света. Смотришь и гадаешь: упадёт, не упадёт до завершения привала? К реальности возвращает Костин голос: «Готовность — одна минута!» Всё, конец блаженству! Надо успеть застегнуться, скрутить и приторочить пенку, надеть рюкзак и быть готовым месить снег следующие полчаса. О-о-о, мамочка, за что такое наказание?! И пока идёшь, мечтая о следующем привале, не раз спрашиваешь себя: «Чего тебе, старый хрыч, дома не сидится?»

Причин на то несколько. Основная заключается в том, что в походах и экспедициях, особенно длительных, начинаешь ценить простые, не замечаемые в повседневной жизни, вещи. Когда с месяц ползаешь по горам или тайге, то ломоть хлеба превращается в самое желанное лакомство, а обычный квас — в божественный напиток! А что ещё может дать такое удовольствие, как созерцание российской земли через Берингов пролив или вид текущей у твоих ног магмы?!

В ложбине между двумя отрогами появились первые предвестники вулканической активности — бьющие из земных недр клубы пара — Лассен-Пик дышит! Подойдя ближе, приступаем к более детальному обследованию фумаролы. Снег здесь сразу тает, и на обнажённой земле хорошо заметны жёлтые кристаллы серы, обрамляющие места выхода газа. В понижениях бурлит, пузырится горячая жижа. Неподвижный воздух густо пропитан сероводородом. Едкий газ раздражает носоглотку, и нас вскоре начинают сотрясать приступы кашля.

Нанеся на карту месторасположение фумаролы, Николай обвязывает лицо по глаза шарфом и мужественно начинает измерять электронным термометром температуру грунта. «Плюс 82, плюс 85, плюс 96° С», — сообщает он и тут же заносит в таблицу полученные данные. Через несколько минут измерения завершены, и мы спешно покидаем заполненную ядовитым газом ложбину.

На плато, за которым возвышался конус вулкана, поднимались по довольно крутому, оголённому сошедшей лавиной скату. По краю среза снежного покрова было видно, что в последний снегопад выпало сразу 80 сантиметров. Теперь понятно, отчего тут так много свежих лавин.

Перед выходом на плато пришлось пройти под хищно загнутым снежным надувом. Все нервничали: казалось, ещё мгновение, и вся многотонная масса рухнет и вобьёт нас в склон, как молоток гвоздь. Эти двадцать метров были сродни вечности. Одолев их, мы почувствовали себя героями, дерзнувшими заглянуть в лицо смерти.

После непродолжительного отдыха долго шли по плато. Последний крутяк завершался террасой, кольцом опоясывающей главный конус.

Тут неслезавшаяся перина окончательно доконала меня. Когда встали на ночёвку, я первые минуты не в состоянии был даже пошевелиться.

Лагерь обустроивали в лучах заходящего солнца, при набирающем силу ветре и крепчающем морозе. Чтобы защититься от него, нарезали лопатой снежных кирпичей и выложили дугообразную стенку. Но ветер был столь силен, что дежурившему Лёхе пришлось ещё вырыть в снегу пещерку для горелок — иначе пламя задувало.

Хотя тент палатки всю ночь бухал, как бубен шамана, я спал сном младенца. Не мешали даже рваные очереди громоподобного храпа Ильи (он начинает «курлыкать» сразу, как только принимает горизонтальное положение).

На штурм вершины вышли в восемь утра. Голый, почти километровой высоты склон покрывал жёсткий, блестящий на солнце фирн. Подниматься с помощью ледоруба было неудобно: крутизна такая, что при замахе возникал риск опрокинуться. Поэтому ледорубы прицепили к поясу, а чтобы не сорваться, ложились на фирн и, с размаху вонзая в льдистый снег торцовые зубья кошек, надетых на горные сапоги, выталкивали тело вверх для следующего шажка. Так и ползли к вершине с редкими остановками для отдыха у торчащих кое-где останцев — они хоть немного защищали от ветра и позволяли расслабиться без риска сорваться вниз.

Поначалу я шёл наравне со всеми, но где-то посреди склона стал отставать. В какой-то момент показалось, всё, сил нет. Дальше не смогу! Прижимаюсь к льдистой стене и оглядываюсь назад — там белая пропасть, а в самом низу скалы. Становится страшно. Что делать? Сверху доносится голос Кости:

— Камиль, ты сильный! Не останавливайся! Иди! Ты поднимешься!

Становится стыдно, что поддался слабости. очередной удар ботинком, и ещё 30 сантиметров позади. Делаю следующий шаг, ещё и ещё... Сил нет, но иду. Каждый метр — это преодоление себя.

Наконец склон стал выполаживаться, и мы выходим на лавовый купол. Справа ступенчатый пик, на котором установлена автономная метеостанция с питанием от солнечных батарей. Прямо перед нами — кратер, окружённый зубчатой короной — следствие мощного взрывного извержения 1915 года. Вокруг заснеженные конусы более низких вулканов. Между ними белеют площадки озёр и цирков. Далеко внизу зелёные долины.

Пока Николай определял лазерной линейкой размеры кратера, Андрей измерил у нас оксиметром количество кислорода в крови и пульс. Сердце тарахтело на повышенных оборотах, но это естественно — высокогорье!

Во время спуска вошедший в азарт Илья поскользнулся и покати́лся по зеркальному склону прямо на торчащие скалы. Мы застыли в ужасе. Но наш Илюшенька Муромец сумел извернуться и с размаха засадить ледоруб в плотный фирн. В итоге отделался лишь ссадинами да брюки изодрал.

Путь от базового лагеря до машины занял всего три часа. Выручил мороз — он превратил подтаявший вчера снег в прочный наст. Шагать по нему было одно удовольствие. Подойдя к «Сафари», увидели на лобовом стекле конверт. Это было письмо от рейнджера Мелании Стойберю со словами благодарности за посещение Национального парка и пожеланием успешного прохождения всех этапов экспедиции. Она сообщала также, что сотрудники парка с интересом следят за нашим продвижением на сайте РГО. Приятно!

Просушив на солнце термобельё, перчатки, носки, палатки, направились в сторону уважаемого Сакраменто — столицы штата Калифорния. К моей радости, самые крупные города этого штата (Сан-Франциско и Лос-Анджелес) не входят в утверждённый РГО маршрут — у меня аллергия на подобного рода «муравейники».

СТРАНА КОНТРАСТОВ

5 апреля. Миновало 45 дней со дня старта экспедиции. На снегоходах пройдена Аляска, на автомобиле — Канада, штаты Вашингтон, Орегон, Калифорния, совершены восхождения на два действующих вулкана. Всего за плечами нашей команды более 9000 километров и весомый объём фото- и видеоматериалов. Сегодняшний день запомнился многократной сменой ландшафтов.

Покинув млеющий в неге лета Сакраменто, долго поднимались по берегу порожистой речки на очередной горный массив — остроуго́рый хребет Сьерра-Невада высотой более 3000 метров. В итоге из лета опять угодили в зиму: метровый снежный покров, угрюмые холодные ущелья, разорванные скальными обнажениями густые, непроходимые ельники. С самого высокого на сегодняшний день перевала (3075 м) открылся вид на живописное, бирюзового цвета озеро Тахо. Оно при­мостилось меж отрогов, испещрённых белыми лентами горнолыжных трасс. В этом районе расположены самые фешенебельные и популярные горнолыжные курорты Соединённых Штатов.

Панорама живо напомнила мне Южный Урал: те же лесистые горы, озёра, подъёмники. Воспоминания о родном крае всколыхнули память, пробудили ностальгические чувства, подступила тоска по семье. Мельком глянул на своих товарищей: не заметил бы кто, как от пробежавших в голове мыслей увлажнились глаза.

Дальше хребет, постепенно понижаясь, образовывал хорошо развитые лесистые предгорья. Проехав всего с десятков километров, мы

с удивлением завертели головами — было ощущение, будто попали на другую планету. Густые хвойные леса за несколько минут сменились колючими кустарниками и пучками всклокоченной травы. Вместо заснеженных громад — лысые, бурого цвета холмы. Немного погода безрадостность этой картины усугубили беловатые поля безжизненных солончаков. Мы никак не могли прийти в себя от столь разительных перемен. Всё объяснил щит у дороги: «Штат Невада».

Прямая, как стрела, лента чёрного асфальта, то поднимаясь на голые, в ребристых складках холмы, то надолго проваливаясь на дно высохших озёр, весь остаток дня рассекала мёртвую, раскинувшуюся на сотни километров пустыню. На редких ранчо прямо у трассы сиротливо пестрели фанерные щиты: «For sale» — «Для продажи». Зато там, где сверкала броская надпись: «CASINO», кучковались десятки дорогих авто. Здесь жизнь кипела!

И не лень людям ради призрачной возможности разбогатеть ехать за тридевять земель, чтобы в итоге остаться без цента в кармане. Я сам человек весьма азартный, но для меня эта порочная страсть сродни глупости. Думаю, едут сюда пощекотать нервы те, кому деньги валяются с неба: с тем, что даётся без труда, расстаётся легко. Следует заметить, что казино, которые мы видели на этой, в общем-то, второстепенной трассе, по меркам игорного бизнеса, весьма заурядные заведения. А вот на самом юге штата на этом пороке вырос и процветает целый город — Лас-Вегас. Достаточно взглянуть даже просто на его фотографии, чтобы убедиться: страсть к риску и лёгкой наживе в людях неистребима.

Под вечер слева, километрах в трёх от дороги, увидели жёлто-коричневый кряж с необычайно плавными гребнями. Он резко контрастировал с соседними: мрачными и клыкастыми. У его подножья виднелись силуэты фургонов и внедорожников. Поскольку подошло время подумать о ночёвке, мы решили присоединиться к ним и заодно осмотреть необычный массив.

Это оказалась гигантская дюна из чистейшего песка высотой около ста метров и длиной два километра. По ней на квадроциклах и сноубордах лихо носились вверх-вниз, вздымая золотистые шлейфы, молодые люди. Из текста, размещённого на информационном щите, узнали, что это самая высокая дюна Америки и называется она Санд-Маунтин (Песчаная гора).

Мне доводилось гонять на джипе по барханам в Арабских Эмиратах, но их высота не превышала семидесяти метров. Самые высокие дюны нас ожидали впереди — в Перу. Там, возле Тихого океана, имеется целая горная система из песка. (Высота её гребней достигает 230 метров!)

Зависший над горизонтом золотой диск солнца, пурпурные облака и соломенного цвета дюны придавали особое очарование этому вечеру. Одолев за день немногим более 300 километров, мы побывали и в субтропиках, и в горно-таёжной зоне, и на солончаках, и даже в пустыне!

76

Вчера ехали по безжизненной равнине наперегонки с катящими по ней шарами, называемыми у нас перекасти-поле, а сегодня едем по высокогорному плато, покрытому снегом глубиной два метра! Невероятно! Едем-то к экватору! Правда, когда спустились с трёх тысяч метров до двух, снег пошёл на убыль, а вскоре и вовсе исчез. Зато появились первые предвестники Гранд-Каньона — самого знаменитого после Ниагарского водопада природного объекта Северной Америки, вытянувшегося с севера на юг в штате Аризона на 450 километров. Его ширина местами превышает десять километров. Примаыкающие к нему боковые каньоны, конечно, поуже. Издали всё это выглядит как ровное, обширное плато, но стоит проехать несколько километров, и перед тобой может развернуться бездна!

Здесьняя почва представляет собой рыхловатую смесь красного глинозёма с песчаником. Поэтому каждый ручеёк промывает на пути к основному руслу несоразмерно глубокое ложе. Так образуется причудливая сеть каньонов реки Колорадо, берущей начало с ледников Скалистых гор. Склоны Гранд-Каньона красиво «застроены» причудливыми замками, сторожевыми башнями, шпилями, куполами, зубчатыми крепостными стенами, рассечёнными потоками жёлто-красной лавы. А по дну каньона разбросаны столбообразные острова, скалистые останцы, между которыми течёт река.

К самой живописной части Гранд-Каньона подъехали, когда смеркалось. Его дно уже залила серая мгла, и наши фотообъективы не смогли

77

запечатлеть красоту этой бездны. Сами мы изумлялись, восторгались, а техника не в состоянии была зафиксировать её — не хватало света. Хорошо получились только кадры со стоящими над пропастью белохвостыми оленями. Пока мы перебегали с места на место, фотографируя их, олени с любопытством наблюдали за непонятной им суетой.

Тем временем отгорела вершина самой высокой скалы, и настал тот час, когда стираются очертания, тускнеют краски; когда дневной свет, неразрывно сцепившись с ночным, слабеет и всё становится нереальным, зыбким. И в конце концов сливается в единое целое.

Следующий день решили посвятить более близкому знакомству с этим чудом природы и отснять каждый уголок, но налетевшая с утра метель помешала исполнению нашего плана — видимость упала до 50 метров. Да, да! Я не оговорился. Это была самая настоящая метель со струящейся через дорогу вихрастой позёмкой. (Здесь, на высоте 2300 метров, пока ещё весьма холодно.)

Оставалась надежда, что может проясниться, но вскоре стало понятно, что обложило надолго. Делать нечего, ужасно расстроенные, поехали дальше. Немного успокаивало понимание того, что ни одна фотография, ни одно видео не в состоянии передать феерическую красоту этого памятника природы, созданного водой за миллионы лет. А мы ЭТО видели! И ЭТО останется в нашей памяти на всю жизнь.

После спуска с плато перед нами вновь застелилась пустыня с перекасти-поле, чахлыми кустами, заброшенными ранчо и лысыми

хребтами на горизонте. К вечеру эту тоскливую панораму стали разнообразить зелёные семейки высоченных кактусов. Скоро Мексика.

Заехали в Финикс (точное название для города, сумевшего вырасти на столь бесплодной земле) в надежде обзавестись в книжном магазине картами Мексики. После гнетущего безлюдья и безжизненных пейзажей этот городок показался нам самым зелёным, жизнерадостным и многолюдным на земле. Хотя было довольно прохладно, многие жители разгуливали по улицам в шортах и безрукавках. Глядя на товарищей, облачённых, как и я, в куртки и брюки, опять подумал: «Не такие уж мы и хладостойкие, как принято думать о россиянах во всём мире».

Безрезультатно обойдя три магазина (карт США полно, а карт других стран нет вообще), завернули в сквер перекусить на открытой террасе. Напротив, за витиеватой кованой оградой, видим дворик со старинным двухэтажным домом из красного кирпича. Перед ним на брусчатке элегантный экипаж, запряжённый двумя лоснящимися гнедыми рысаками. Но нас больше заинтересовали три дамы в одеждах 19 века. Они о чём-то оживлённо беседовали, то и дело поглядывая в монокли в нашу сторону. «Какие милые чудачки», — подумал было я, но, приглядевшись внимательней, сообразил, что это актрисы, а дом, по всей видимости, музей.

Раздираемые любопытством, мы зашли в ворота. Читаем вывеску, точно: «Музей быта среднего буржуа». А дамы в старомодных платьях оказались экскурсоводами.

Поражённые достоверностью образов, купили билеты и в сопровождении двух чопорных барышень вошли в особняк. Прихожая оказалась тёмной, слабо освещённой и к тому же завешанной мрачноватыми картинами. По лестнице из морёного дуба поднялись на второй этаж. Здесь света было в достатке. Мимо нас то и дело с визгом и смехом пробежала малышня в костюмчиках и платьицах с рюшками. В зале затянута в корсет дама обучала девочку игре на фортепиано. В детской бросились в глаза простенькие, деревянные игрушки. В основном разодетые куклы, паровозики, фургончики. В конце коридора в открытую дверь увидели доктора в пенсне, с окладистой бородой. Он принимал больного.

Поражало то, что в доме всё, даже такие незначительные детали, как шпингалеты на окнах, латунные краны, соответствовало временам вековой давности. Мебель, гобелены, картины, лампы тоже из той, канувшей в Лету, эпохи. Атмосфера конца 19 — начала 20 века была воссоздана настолько достоверно, что у меня возникло ощущение, будто я переместился в то время.

Экскурсия завершилась на первом этаже. Здесь кухарка готовила еду в печке, заправленной углём, горничная гладила бельё чугунным утюгом, в боковых отверстиях которого краснели угольки (всё по-настоящему!).

ГУДБАЙ, АМЕРИКА!

Хотя правильнее будет сказать: «Гудбай, Соединённые Штаты!» Если честно, расставался с этой страной без сожаления. Что интересно, как только мы въехали в Мексику, все вздохнули с облегчением. Было ощущение, что из красиво и богато обставленной тюрьмы вырвались

на волю. Ни у кого из членов нашей команды (а мы представляем разные поколения) желания пожить в Америке не возникло. При всей красоте и ухоженности эта страна оставляет чувство ненатуральности. При этом нам очень понравилась необычная природа Штатов.

Сегодня, 12 апреля, День космонавтики и очередная годовщина первого полёта человека в космос! Это был гражданин Советского Союза — Юрий Гагарин. Когда неповторимый, слегка дрожащий от волнения, громоподобный голос Левитана торжественно извещал об этом событии, я жил под Хабаровском и хорошо помню ту безмерную радость, то воодушевление, которое охватило в те дни, даже не дни, а месяцы, всю страну. Гордость и ликование переполняли наши сердца! От избытка чувств мы стучали соседям, выбегали во двор и вопили: «Наши в космосе! Ура! Ура!» Обнимались, прыгали от счастья — мы первые! Ура-а-а! Вместе с нами ликовал весь мир — ведь сбылась мечта человечества!

И представьте себе наше возмущение, когда на АЗС двое молодых американцев стали доказывать, что первым в космос полетел их астронавт. Мы чуть не подрались с ними, убеждая, что они заблуждаются. Ещё раз убедились: обучение в США построено таким образом, чтобы каждый американец был уверен, что все достижения принадлежат его стране, что все иные народы — второй сорт. К сожалению, в последние десятилетия мы фактически живём по навязанным ими правилам. Всё оглядываемся: как бы не осудила нас «мировая общественность» в лице полосато-звёздного дядюшки Сэма*.

* Записки готовились до крымских событий 2014 года.

БУЭНОС ТАРДЕС, МЕКСИКА!

Мексика — площадь 1972,55 тыс. км,
население — 113 млн человек,
из них 30 млн индейцев,
столица — Мехико.

4

Покинув последний крупный населённый пункт США — город Тусон (штат Аризона), мы в 10 утра подъехали к мексиканской границе. Она проходит прямо посреди городка Ногалес (чопорного на американской стороне — и бойкого, весёлого на мексиканской). Как ни странно, мексиканцы на КПП даже документов не спросили. Мельком глянув в салон, небрежно махнули рукой: «Валяйте!»

Через пару километров видим: дорога сужается, а возле будки стоят вооружённые люди — второе КПП! Здесь одетые во всё чёрное мексиканские таможенники и пограничники сначала тщательно обследовали багажник, салон, а потом стали сличать фотографии на паспортах с нашими физиономиями. Узнав, что мы из России и совершаем кругосветное путешествие, сразу помягчели, а когда Константин подарил им выпел Русского географического общества, и вовсе растаяли.

Отъехав, мы долго гадали, почему на первом КПП у нас не проверили паспорта? Ведь мы могли второе КПП спокойно объехать по многочисленным боковым улочкам. Видимо, это такая форма «активной» борьбы с контрабандой, как у нас с наркотрафиком!

Колыбель загадочных цивилизаций майя и ацтеков встретила слепящим солнцем, бледным от зноя небом и тридцатиградусной жарой. На выжженном плато — лишь многочисленные кактусы, колючие кусты, пучки пожухлой травы. Лесов на севере Мексики практически нет. Лишь изредка мелькнёт жиденькая роща.

Панорама довольно однообразная: раскалённая, безводная равнина в зубчатой кайме невысоких гор. Земля желтоватого, иногда красноватого цвета. Кое-где монотонность равнины нарушают оплывшие конусы небольших вулканчиков. За два первых дня нам не попалось ни одного ручья, ни одного водоёма. Вернее, они были, но все пересохшие. У дороги, на приметных возвышенностях простирает руки к небесам гипсовый Иисус Христос. На широких участках отвесных скал можно увидеть и нарисованное изображение Девы Марии. В селениях почти у каждого дома — миниатюрные часовенки.

На дорогах и в посёлках нет ни белых, ни афроамериканцев — одни мексиканцы (потомки испанцев и индейцев). Что интересно, в Мексике мы задышали свободно, полной грудью. Здесь живут легко и просто, без мифов, обставленных красивыми декорациями и при-

украшенных искусным макияжем. Эта естественность сразу подкупает, располагает к стране, пусть не самой богатой, но активной и жизнерадостной.

Дороги в хорошем состоянии. Правда, изрядно портят впечатление заваленные мусором обочины. Машин много, но в основном подержанные: длиннющие американские громилы вперемешку с более компактными японскими и корейскими. Через каждые 60–80 километров шлагбаум и контролёр, собирающий плату за проезд. Рядом два-три автоматчика — попробуй не заплатить! За два дня нам пришлось раскошелиться шесть раз по 61 песо*.

В отличие от Америки, здесь встречи с военными обычны. Мимо нас проходило несколько больших колонн. Все бойцы экипированы так, будто едут на войну. Уже будучи в Мехико, на приеме у нашего посла, узнали об истинной причине такой концентрации силовиков в северных провинциях страны, но об этом позже.

Полицейских тоже предостаточно, все на внедорожниках. Один непременно в кузове с собакой. Они периодически проводят облавы: поперёк автостреды ставят несколько машин и выборочно проверяют документы и грузы у проезжающих. Тем не менее местные водители на правила не обращают внимания — гоняют похлеще наших. При знаке «60 км/ч» (мили здесь не признают) едут под сто. И хотя мы соблюдаем ограничение скорости, особенно в населённых пунктах, в Лос-Мочисе нас всё же подловили (первый случай за два месяца): при знаке «40 км/ч» мы «неслись» со скоростью 47 км/ч. И снова нас выручили сувенирные значки экспедиции и симпатия мексиканцев к России.

Наша ближайшая цель — огнедышащий вулкан Фуэго-де-Колима. Едем к нему параллельно Калифорнийскому заливу. Когда дорога приблизилась к берегу почти вплотную, свернули на стоянку и на перегонки побежали к океану — жутко хотелось освежиться. Однако радужные разводы на воде заставили повернуть обратно.

Чем дальше на юг, тем чаще видим поля. На них помидоры, табак, бобы, сорго. Больше всего, конечно, маиса, который мы называем кукурузой. Где-то она только ростки выпустила, а где-то уже под два метра вымахала, и на ней тугие початки желтеют. Часть полей свежеспахана, часть оштетинилась стерней. Похоже, что земля в Мексике плодоносит круглый год. Орошается она тут двумя способами: по трубам, перемещающимся на огромных колёсах, и через

разветвлённую сеть каналов, заполненных довольно чистой, проточной водой. В одном из них мы наконец смыли с себя остатки штатовской грязи.

Вот и первые сады появились. В них выращивают папайю, лимоны, авокадо, апельсины, кофе. Любопытно то, как мексиканцы омолаживают старые деревья: берут и отпиливают ствол на высоте метра полтора. Через неделю-две из пенька выстреливают новые побеги, растущие, благодаря мощной корневой системе, необычайно быстро.

Животноводство тоже развито. Хозяйства по преимуществу крупные. Большая часть из них занимается выращиванием коров. Коровы, правда, какие-то страшненькие, мало похожие на наших бурёнок. Мосластые, вымя тощее, на спине горб, как у верблюда, под шеей «борода» болтается. Зато неприхотливые — жуют даже пересохшие стебли кукурузы. Помимо крупного рогатого скота, разводят коз, овец. На юге ещё и шерстистых свиней. Поразило обилие лошадей: породистые, ухоженные, шерсть лоснится, гривы расчёсаны. Особенно много их в районах, где преобладают индейцы.

Обилие гигантских, занимающих десятки гектаров, модульных теплиц поначалу вызывало недоумение. К чему такие расходы при таком жарком климате? Потом сообразили: у них иное назначение — для сохранения влаги и защиты от палящих лучей солнца.

Вместо проволоочных оград вдоль дороги всё чаще видим капитальные заборы, сложенные из дикого камня. За ними на полянах иногда стоят небольшие, на восемь-двенадцать семей, пасеки.

Жара всё нарастает. Днём температура поднимается до 36 градусов. Чтобы ноги не сварились в горных ботинках, всем купили сандалии.

Приближаемся к цепочке невысоких вулканов, изъеденных оспинами кратеров. Вокруг безжизненные лавовые поля, состоящие из торосистых

82/83

* Мексиканское песо — первая в мире монета, использовавшая символ \$, впоследствии США заимствовали его для своего доллара (61 песо — это примерно 6\$).

нагромождений чёрных, уродливых глыб с довольно острыми, шершавыми краями. Проехав их, останавливаемся на ночёвку у края леса.

Надо отметить, что в разнокалиберных вулканах Мексика не испытывает недостатка — одних только действующих триста пятьдесят! И у каждого своё неповторимое лицо, свой характер. Вокруг большинства непроходимые леса. Непроходимые не только оттого, что густые, а и оттого, что стволы деревьев, как правило, покрыты тонкими, почти невидимыми в лесном сумраке, но необы-

чайно прочными шипами — достаточно слегка задеть их, и из кожи брызжет кровь. Вдобавок ещё кактусы во все стороны топорщат острые иглы. Прямоствольных деревьев практически нет. Все какие-то кривые, скособоченные. По ним деловито снуют вверх-вниз полтора-сантиметровые рыжие муравьи-листогрызы. В общем, жуть, а не лес.

На следующий день мы спустились в долину и вновь поехали мимо полей, залатанных лоскутами сахарного тростника, ананасов и остролистой агавы, идущей на изготовление текилы. Агаву в этих районах выращивают в гигантских масштабах. Причём агаву голубую — только её сердцевина пригодна для производства текилы. Из её сахаристого сока изготавливают попутно и слабоалкогольный напиток — пульке.

Перед городом Гусман сквозь дым пожарищ проступил наконец контур вулкана Фуэго-де-Колима (3820 м) — первого из тех, что мы должны обследовать в Мексике. Минут через тридцать его можно было уже рассмотреть детально.

Красивее вулкана я пока ещё не видел: идеальный конус, колоритно иссечённый цветными потоками лавы, издали напоминающими старческие морщины вокруг глаз. Из кратера то и дело вылетают сизые клубы. Ветер тут же подхватывает их и вытягивает в длинную, уходящую за горизонт цепочку.

Фуэго — классический образец стратовулкана. Они образуются множеством слоёв затвердевшей лавы, перемешанной с вулканическим пеплом. Среди других он выделяется необычайной крутизной склонов. Это связано с тем, что здешняя лава, в отличие от лавы гавайского типа, жидкой и текучей, — густая и вязкая (напоминает перезревшее тесто). Поэтому её большая часть застывает прямо на склоне.

Когда свернули на дорогу, ведущую к вулкану, навстречу нам стали попадаться огромные фуры, доверху гружённые коричневатыми, как будто обгоревшими, стеблями сахарного тростника. Позже наше предположение подтвердилось: действительно, тростник перед сбором поджигают, с тем чтобы остался лишь стебель, из которого и получают сахаристый сок. Сейчас в Мексике в разгаре «сладкая»

страда — из труб сахарных заводов круглые сутки валит густой чёрный дым (такого чёрного я уже лет тридцать пять не видел).

Заехав на широкое предвершинное плато (1600 м), встали на ночёвку рядом с недавно разбитым садом авокадо. До ужина я прогулялся вдоль длиннющих рядов молодых саженцев. Несмотря на неимоверную жару, приживаемость высочайшая — 97%. Такой фантастический результат обеспечивается упорством и трудолюбием крестьян. Они часами закачивают воду из горных ручьёв в бетонные и застеленные плёнкой бассейны и оттуда без усталости поливают из шланга каждую лунку. Кроме авокадо тут выращивают лимоны, мандарины, папайю.

Утро. Низкое солнце не жжёт, а лишь нежно ласкает. Фуэго тоже утихомирился — отдыхает после ночной вахты. В лесу стоит невообразимый птичий гвалт. Особенно громко радуются появлению светила павлины. Восхищает, с какой лёгкостью эти громадные птицы перелезают с дерева на дерево.

Ребята ушли на восхождение. Я остался в лагере — живот всю ночь крутило. Чтобы избавиться от пытки бездельем, принялся собирать валяющийся на поляне и у дороги бытовой мусор. Натаскав приличную кучу, запалил её и с удовлетворением наблюдал, как огонь пожирает пластиковые бутылки, разноцветные пакеты и упаковки. Когда пламя превратило весь этот «неперевариваемый» природой хлам в седую кучку пепла, я с гордостью оглядел очищенную территорию: не пустую день прожит!

Дождаясь ребят, то и дело мысленно возвращался к впечатлениям от США и сравнивал их с мексиканскими. Должен сказать, что ощущение того, что Америка — театр, а люди — артисты, умело играющие в богато декорированном представлении, за эти дни только окрепло.

Американцы никогда не дадут волю своим истинным чувствам, никогда не откроют душу. А в Мексике всё по-настоящему! Эмоции натуральные: радость неподдельная, презрение непритворное, равнодушие ненаигранное, даже пороки не маскируются. Никто не позирует — народ *живёт*! Страдает, веселится, плачет, смеётся, не тая своих истинных чувств! Наверное, по этой причине мы чувствовали себя в США скованно, а в Мексике раскрепостились, стали жить и поступать без оглядки.

ВУЛКАН ПАРИКУТИН — НАШ СОВРЕМЕННОК

История возникновения вулкана Парикутин трагична и комична одновременно.

...На кукурузном поле крестьянина Дионисио Пулидо была яма. В неё практичный малый бросал мусор и сухие стебли. При этом, сколько бы ни бросал, яма никогда не заполнялась.

В первых числах февраля 1943 года из неё стал доноситься приглушённый рокот. Причём сила его час от часа нарастала. Это встревожило крестьянина. Было очевидно, что вот-вот должно что-то произойти, но через пару дней гул прекратился, и земледелец успокоился.

Две недели спустя, 20 февраля, когда Дионисио рыхлил мотыгой поле для посадки маиса, земля зашевелилась и от ямы прямо к нему побежала, расширяясь, трещина. Одновременно зашатались, как будто пьяные, растущие вокруг поля деревья. Через расширяющуюся на глазах трещину повалил дым, сквозь который мелькали огненные сполохи. Дионисио в панике побежал домой.

Утром обеспокоенные жители деревни обнаружили на месте ямы миниатюрный конус высотой два метра. Из него то и дело вырывались клубы пепла. Вскоре к ним прибавились разлетающиеся веером камешки, а спустя несколько часов и раскалённые камни. Далее события развивались с кинематографической скоростью: 22 февраля из «прыща» полезла, потрескивая, огнедышащая лава, и вскоре на месте поля вырос настоящий вулкан, возвышающийся над плато на 350 метров.

В общей сложности извержения продолжались ещё восемь лет. За это время конус новорождённого достиг высоты 2774 метров, а выползавшая из жерла магма запечатала под многометровой базальтовой бронёй десять селений. Более 4000 человек остались без крова. Одно радовало: никто не погиб ни от лавы, ни от вулканических бомб.

Дионисио же выгодно продал свой участок с разбушевавшимся вулканом известному мексиканскому художнику Атлю, который

за несколько лет, проведённых у вулкана, сделал более одиннадцати тысяч рисунков и не менее тысячи пейзажей.

К Парикутину проще всего попасть через старинный городок Ангахуан, приульившийся на краю примыкающей к горам долины. Лишь только мы въехали в него, нас «атаковали» всадники на разномастных лошадях. Они окружили машину и, цокая по брусчатке, долго скакали рядом, убеждая, что нам к вулкану даже на внедорожнике не проехать, и предлагали подвезти на лошадях за умеренную плату (30 долларов в оба конца с человека). Но мы, приученные Костей к экономии средств, решили добираться самостоятельно.

Изрядно поплутав по узким улочкам и почти утратив надежду найти выезд к Парикутину, напоследок свернули в неприметный проулок. Вскоре увидели, что он упирается в высокий забор. Илья хотел было повернуть обратно, но Костя решительно скомандовал: «Едем!» Только подъехав к нему почти вплотную, обнаружили съезд вправо. Это и была та самая «засекреченная» дорога! Миновав сосновый лес, оказались на бугристом лавовом поле. Посреди него возвышалась грозным перстом колокольня. Вокруг шести- и семиметровый слой иссиня-чёрных комьев застывшей магмы, а колокольня невредима! Уцелели даже алтарь с иконостасом. Не чудо ли?! Через километр подъехали к нетронутой лавовым потоком, щедро присыпанной вулканическим пеплом площадке с базарчиком и массивными печами под навесами. Здесь уставшие паломники и туристы могут отдохнуть и подкрепиться блюдами индейской кухни, приготовленными дородными мексиканками.

Мы поинтересовались, как проехать к вулкану. Индейцы наперебой принялись объяснять, что самостоятельно ехать к нему нельзя: требуется разрешение шерифа. Мы попросили самого представительного, седовласого сеньора помочь связаться с ним.

Сделав несколько звонков по мобильнику, тот сообщил, что шериф разрешил, но только в сопровождении местного гида, которому мы должны будем заплатить 20 долларов. Гид сейчас занят с другой группой и придет за нами завтра в девять утра.

Делать нечего! Отъехали в сторонку и встали на ночлег. В назначенное время нашли вчерашнего сеньора. Он созвонился с гидом. Слушал его, разочарованно кивая головой. Затем развернул карту-схему и сам объяснил дорогу к вулкану. (Я на всякий случай сфотографировал её.)

88

Отблагодарив индейца, взобрались на лесистую гряду и поехали по ней между двух лавовых потоков. На многих стволах сосен видны косые насечки и жестяные воронки для сбора живицы. Через полчаса выехали на голое плато, покрытое раскалённым от палящих лучей солнца чёрным пеплом. В середине слегка дымился симпатичный конус — Парикутин.

На восхождение отправились сразу, без раскочки. Хотя вулкан не из высоких, попотеть, «буксуя» на текучей мешанине из пепла и крупчатой пемзы, пришлось изрядно.

Воронка кратера встретила нас парящими фумаролами и жутковатым лунным ландшафтом. Его безжизненность смягчалась робко пробивающейся между базальтовых глыб зеленью.

Сверху хорошо просматривалось всё двадцатипятикилометровое лавовое поле, навсегда похоронившее близлежащие селения. Единственным свидетельством того, что в этих местах жили люди, была та самая колокольня. Потоки лавы обогнули её, и теперь она возвышалась как символ торжества Божьей воли.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ — НЕВАДО-ДЕ-ТОЛУКА!

89

Весь день едем к городу Толука — центру штата Мехико. За ним начинается национальный парк с вулканом Невадо-де-Толука. Силуэты окружающих гор по-прежнему смазаны густым дымом. И здесь леса горят. Не удивительно! Любят мексиканцы пускать красного петуха — таким варварским способом они освобождают земли под новые сады и поля. При столь сухом климате это ведёт к обширным затяжным пожарам, после которых на месте зелёного, полного жизни лесного массива остаются безжизненные «погосты», утыканные скелетами обугленных деревьев. Жуткая картина! Но всё равно жгут и жгут!

У дороги то и дело мелькают небольшие рынки. На них продают свои изделия гончары, камнетёсы, краснодеревщики. Покупателей, правда, не видно.

На спуске к городу нас обогнал на мотоцикле полицейский и махнул рукой: «Прижмитесь!» Оказывается, засёк, что Илья ехал, не пристегнув ремень безопасности. Штраф — 200 песо (около 500 рублей). Илья по шофёрской привычке дал в два раза меньше. Тем не менее полицейский укатил довольный.

В Толуку въехали в шесть вечера. Город со всех сторон был осаждён армадами свинцовых туч, щедро поливающих окраины дождём, а в центре сухо — не упало ни капли. Стены домов от глядящего

в просвет между туч солнца залиты янтарным светом. Феерическая картина!

Немного поплутав по улицам, перекрытым через каждые 50–80 метров «лежачими полицейскими», выбрались на дорогу, ведущую к вулкану. Поднимаясь по гравийному серпантину, обрамлённому прямоствольными соснами с длиннющей хвоей, добрались при быстро сгущающихся сумерках до кемпинга с площадками для палаток. Здесь же, на посту охраны, приобрели за 140 песо пермит (разрешение) на завтрашнее восхождение. Не успели рассчитаться, как небо озарилось серебристыми сполохами. Земля содрогнулась от оглушительных раскатов грома, и на нас посыпался такой крупный и обильный град, что зрители (дай бог здоровья этим добросердечным ребятам!) предложили нам переночевать во временно пустующем горном приюте и даже согласились за символическое вознаграждение проводить к нему.

Ёжась от болезненных щелчков ледяной шрапнели, забежали в его холодное, но сухое нутро. Пока при свете налобных фонариков каждый устраивал место для ночлега, дежурный готовил ужин. Перекусив и немного обсохнув, легли спать под непрекращающийся барабанный бой градин по крыше.

Утро порадовало чисто вымытым небом и лёгким морозцем. На земле вокруг приюта алмазами сверкали мириады льдистых горошин. Деревья, утомлённые разгулом стихии, стояли тихо, неподвижно. На кончиках хвоинок мерцали всеми цветами радуги хрустальные капли.

При дневном свете осмотрели сложенный из дикого камня приют. Он оказался довольно просторным и вместительным, с несколькими залами-гrotтами и двухъярусными нарами по периметру. Интерьер достоверно воссоздавал обстановку средневекового замка: высоченные закопчённые потолки, с которых на массивных цепях свисал почти до пола очаг с медной вытяжной трубой, покрытой затейливой чеканкой. Люстры тяжёлые, кованые, с гнёздами под восковые свечи. Возле громадного, неподъёмного дубового стола — тяжёлые, обтянутые толстой, но эластичной кожей стулья. По углам — удобные кресла, похожие на троны. Состоятельный и, по всей видимости, творческий человек продумал и с любовью свил это уютное гнёздышко на высоте 3800 метров.

Поднявшись до отметки 4150 метров, мы оказались на террасе, покрытой высушенной травой. Отсюда начиналась каменистая тропа, ведущая к кратеру.

Пока ребята утеплялись, перекусывали, готовили фото- и видеокамеры, я успел вскарабкаться на самую высокую точку восточного гребня и поторжествовать — пусть скромный, но всё же успех! Тем более что поднялся легко и с удовольствием. Но, как оказалось, рано радовался. Костя повёл команду на другой, не менее высокий зубец западного гребня, обрывающегося ко дну гигантского кратера отвесной стеной. Поскольку я уже «подсел», ребят нагонял из последних сил. Хорошо, что они устроили привал у края кратера. Вскарabкавшись на него, плюхнулся рядом и огляделся.

Невадо-де-Толука стоит наособицу: ближайшие вулканы и хребты смутно проступают вдаль, в голубом мареве. Время основательно поработало над его кратером: стены местами совсем оплыли. Но даже сейчас каменная чаша, покрытая осыпями и струпами из угловатых глыб, украшенных плёнкой красноватого лишайника, впечатляла своими размерами: диаметр более километра, глубина — метров триста. В центре торчал курносый конус. По обе стороны от него на нас взирали голубыми глазами-плошками два озера, на дне которых темнели обломки скал. Неожиданно сбоку что-то зашумело. Сбиваясь в пыльный галопирующий поток, с гребня в метрах ста от нас лавиной пронёсся камнепад. Я невольно поёжился, а потом вздохнул с облегчением от того, что и сами целы, и на камнепад посмотрели.

Налюбовавшись панорамой, не спеша выполнили то, зачем, собственно говоря, и поднялись: измерили лазерной линейкой размеры кратера, шупом — температуру почвы на разных глубинах, нанесли на карту парящие фумаролы, провели съёмку для документального фильма. Завершив все дела, наперегонки спустились вниз.

Физическая форма и взаимопонимание в команде от восхождения к восхождению улучшаются. И это замечательно!

МЕХИКО

Проехав после обеда километров пятьдесят, поднялись на поперечный хребет и с высоты 3200 метров (относительно окрестностей он не так уж и высок — средняя отметка плато 2400 метров) увидели сквозь смог обширную холмистую котловину с бескрайним Мехико. Над ним висело бледное, будто вылинявшее, небо и такое же бесцветное солнце.

В этом городе нам предстояло провести несколько дней. Надо оформить визы в Панаму, купить велосипеды, отправить в РГО фото- и видеоматериалы, бухгалтерские отчёты для получения следующего транша.

Столица Мексики особого впечатления не произвела. Для меня она была интересна лишь тем, что на сегодняшний день Мехико не только один из самых многолюдных мегаполисов на нашей планете, но и самый неохватный по занимаемой территории — 200 километров в перечнике! Ещё в нём находится одна из самых больших площадей

мира (площадь Конституции) и крупнейший в Латинской Америке кафедральный собор.

Основали город в 1325 году ацтеки. Так что Мехико ещё и старейший город Нового Света. В доколумбовы времена он входил в число самых красивых городов мира. Правда, из построек того периода почти ничего не осталось, а современные постройки, за редким исключением, весьма заурядны.

Криминальная обстановка в городе, похоже, напряжённая. На первых и вторых этажах окна зарешечены, поверх ограды кольца колючей проволоки или замурованные в бетон остроколотые бутылки; въезды во двор наглухо закрыты железными воротами.

В центре города к нашей машине не цеплялись, а вот на окраинах каждый полисмен считал своим долгом остановить и поизмываться, придумывая немыслимые придирки: штатовский номер для них был подобен красной тряпке для быка.

Стычки с «копами» начались ещё на подступах к Мехико. Происходило это всегда по одному сценарию. После того как документы оказывались в руках полицейского, начинался классический «наезд»:

— Вы проехали на красный свет. С вас 3000 песо.

— Извините, но тут нет светофора!

— Ах да!.. Вы превысили скорость!

— Покажите показания локатора.

— Я в полиции столько лет, что сам могу безошибочно определять скорость... Потом у вас чрезмерно затонированы стёкла.

— Всё заводское, мы ничего не меняли.

— Ладно... можно 500 песо.

— Мы ничего не нарушали и платить не будем, — негодует Костя...

Первая подобная словесная дуэль длилась не менее получаса, но мы всё же выстояли — не заплатили. Командор вместе с непоколебимой принципиальностью продемонстрировал такой эмоциональный напор (включая и крепкие выражения), что ошеломлённые «блюстителю порядка» в итоге ретировались. В дальнейшем, дабы пресечь затяжные разбирательства на корню, мы стали, как говорится, «гнать дуру». На все вопросы отвечали: «Сеньоры, мы по-испански не понимаем, поехали в российское консульство, там через переводчика будем говорить».

Действовало безотказно. Озадаченно почесав затылок, ребята капитулировали либо сразу, либо после попытки получить «ну хотя бы 300 песо». Ещё больше портили впечатление о стране столичные торговцы: обсчитывали, обманывали без зазрения совести на каждом шагу.

Вечером провели встречу с журналистами. В их числе был собственный корреспондент РИА «Новости» Юрий Николаев, регулярно освещающий через своё агентство ход нашей экспедиции. В Мексике он работает не первый год. После общения с ним мы поняли, что родились в рубашке. Оказывается, мало кому удаётся без осложнений проехать по северным, граничащим с США, мексиканским штатам. Поскольку через них проходят основные каналы поставок наркоти-

ков в США, Канаду, там постоянно происходят разного рода разборки между конкурирующими бандами, ограбления с расстрелом водителей и пассажиров автомобилей и автобусов. Теперь было понятно, отчего в тех краях так много вооружённых до зубов армейских патрулей. (На коррумпированную полицию президент уже не надеется.)

По просьбе сотрудницы РГО Ольги Плотниковой (очаровательной, умной женщины) попытались, используя технические возможности посольства, провести видеоконференцию с российскими представителями СМИ, но, как нарочно, именно в тот день на канале связи возникли технические проблемы. Народ на двух противоположных концах земли собрался, просидел в ожидании эфира два часа и вынужден был разойтись.

Что ещё для полноты картины следует рассказать о Мехико?

Те телевизионные программы, которые нам довелось посмотреть, сделаны на высоком профессиональном уровне. Каналы самые разные, есть и чисто тематические (музыкальные, исторические и т. д.). Характерно, что на телевидении и радио не слышно иностранных песен. Конечно, это уже перебор, но, на мой взгляд, приоритет национальной культуры всё же необходим.

И ещё такая деталь — сомбреро здесь не носят. Как я понял, у мексиканцев это такой же сценический атрибут, как малахай у башкир или атласные шаровары у украинцев.

Наверное, пора коснуться такой деликатной темы, как естественная потребность человека в сексе. Мы в дороге уже третий месяц и в этом плане изрядно «оголодали». Особенно молодёжь. Но никто не сделал даже попытки воспользоваться услугами полуобнажённых проституток, которых на улицах того же Мехико с избытком и на любой вкус. Наоборот, когда мы искали велосипеды, наш красавец Николай вызвал у путан такой интерес, что они попытались силком затащить его в своё заведение. Бедолаге пришлось буквально вырываться из их страстных объятий. Так что могу засвидетельствовать: мы своих невест и жён не предавали и честно соблюдали «облико морале».

Наутро, оставив часть вещей в консульстве, отправились к вулкану Попокатепетль (5426 м). Он обосновался посреди отрогов Поперечной вулканической сьерры, всего в 55 километрах к юго-востоку от столицы, и в любую погоду заметен даже из окон приземистых лачуг.

В переводе с ацтекского Попокатепетль означает «дымящая гора». Индейцы всегда с большим почтением относились к вулканам, и у каждого племени был свой объект поклонения. Но лишь Попокатепетль вызывал единодушный священный трепет и любовь всех индейских племён. Подобно тому, как японцы поклоняются Фудзияме, непальцы — Джомолунгме, а масаи — Килиманджаро, они почитают свой «Эль-Попо».

Мексиканцы верят, что заснеженный исполин и сейчас обладает божественной силой и от него, как и прежде, зависит, преобразовать ли лёгкие облака в дождевые тучи и пролить на землю живительную влагу либо развеять их без следа. Ещё существует поверье, что

взошедшему на Попо даруется долголетие. Поскольку средняя продолжительность жизни российских мужчин составляет чуть более 60 лет, мне подняться на вершину сам бог велел!

Достигнув отметки 3800 метров, мы упёрлись в шлагбаум. Отсюда уже отчётливо был слышен гул и видны исторгаемые из жерла вихрастые клубы жёлто-бурого дыма. Пока мы любовались этим завораживающим зрелищем, подошёл охранник и объяснил, что вулкан в фазе повышенной активности, и он пропустит нас только по письменному распоряжению директора. Чтобы попасть к нему, следовало спуститься в городок Амекамека — в нём находится офис национального парка.

Директор встретил любезно, но был неумолим:

— Я не могу дать разрешения! В последние дни вулкан разбушевался — кроме вулканических газов и пепла выбрасывает магму.

Костя объяснил, что мы все имеем большой опыт, хорошо оснащены и подготовлены. Выслушав его, директор взял лист бумаги и довольно точно начертил на нём профиль вулкана:

— Куда вы хотите подняться?

Командор ставит точку на вершине. Директор меняется в лице и, перечеркнув рисунок, начинает, темпераментно жестикуюлируя руками, говорить, что это невозможно ни при каких обстоятельствах, что у кратера уже погибло много людей. Он не может допустить новых жертв.

Поняв по выражению наших глаз, что его слова не возымели действия, задал прямой вопрос:

— Вы, что, пришли, чтобы умереть в Мексике?

Немного помолчав, твёрдо объявил:

— Я не допущу гибели гостей из России! Если нарушите запрет, депортируем из страны!

Этот «аргумент» нас доконал — решили не лезть на рожон, тем более что впереди Орисаба (5636 м) — самая высокая гора Мексики и вторая на североамериканском континенте (уступает лишь Мак-Кинли).

За чаем директор рассказал нам, что на Попо главную опасность представляет не лава, а мощные грязевые потоки, образующиеся от таяния глетчеров при извержении. Ледниковая вода, смешанная с пеплом и кусками застывшей магмы, сметает всё на своём пути. Последнее крупное извержение, сопровождавшееся выбросом пепла на высоту 6 км, произошло в сентябре 2000 года. В прошлом году было зафиксировано появление нового конуса внутри кратера. Именно с этого момента охранную зону парка значительно расширили, а на вулкане установили видеокамеру. С её помощью вулканологи могут наблюдать за происходящим в режиме реального времени.

ОРИСАБА

Сегодня Господь уберёт нас от ДТП с непредсказуемыми последствиями: на скорости 70 км/ч у машины отлетело переднее колесо, и она, ткнувшись в асфальт, закрутилась, быстро смещаясь на встречную

полосу. Визг, скрежет тормозов несущихся на нас автомобилей, крики, дым, запах горелой резины...

Когда всё стихло, мы какое-то время не в состоянии были даже говорить: неужели пронесло?

Нас спасла хорошая реакция местных водителей. Не затормози они вовремя, столкновение было бы неизбежно — ближайшая фура остановилась в полуметре от нашей «Сафари».

Бледные, ошеломлённые пережитым, мы выползли на дорогу. Набежавшие мексиканцы ободряюще хлопали по плечу, поздравляли с благополучным исходом. Потом, облепив машину со всех сторон, стащили её на край дороги. Только тут до нас дошло: слава богу, живы!

Причину «бегства» колеса выявили сразу — от бесконечной тряски сорвало гайку на стойке. За всё время это третья поломка, если не считать четырёх проколов (до этого выходили из строя бензонасос и генератор). Не так много, учитывая возраст и пробег «Сафари». Автомастерская оказалась в километре. Ребята сбегали за нужным болтом с гайкой, и через час мы продолжили путь к Орисабе.

Её предвершинные склоны покрывали светлые сосновые леса, изобилующие родниками с чистой водой. Ливневые потоки местами вымыли грунт из дорожной насыпи до такой степени, что на дороге остались лишь крупные валуны. Они со скрежетом раздирали днище низко сидящей машины. Чтобы уменьшить осадку, дальше, до отметки

96

4270 метров, на которой находился приют, сложенный из крупных камней, шли пешком.

Открываем дверь — в высоком холодном помещении ни души. На широких, во всю длину здания, трёхэтажных нарах одновременно может разместиться до пятидесяти человек. Одно плохо — поблизости нет питьевой воды. Стекающая с ледников речушка настолько насыщена вулканической пылью, что в ней даже руки боязно мыть.

Окупировав дальний угол, занялись подготовкой к восхождению: облачались в термобельё, ветрозащитные костюмы, подгоняли кошки, складывали в рюкзаки самое необходимое. Дежуривший Андрей готовил на бензиновых горелках обед.

Вскоре подъехала на пяти вездеходах большая (не меньше тридцати человек) группа из Германии. Жизнь сразу забила ключом: смех, гортанная речь, выкрики, кучкование на нарах по интересам. Мы же взваливаем рюкзаки и отправляемся к белеющей вершине.

Поднимаясь между нагромождений базальтовых глыб, отполированных ледниками и ветрами до зеркального блеска, наткнулись на полуистлевшую палатку: похоже, не дождалась хозяина. Вскоре

среди хаоса камней видим красноречивое подтверждение нашему предположению: кресты и таблички с фамилиями погибших — ежегодная дань Горному духу.

Погода в поднебесье неустойчива, и сегодняшний день тому подтверждение. Чуть приметная, лёгкая облачность вдруг сгустилась, и на нас напозли пухлявые валы. Посыпал снежок, а когда достигли кромки ледника и обули кошки, налетел и по-волчьи завыл ветер. Снег загустел, закружил вихрями. Всё потонуло в молочной мгле. Идти дальше опасно. Ставим палатки прямо на «арене» ледникового цирка на отметке 4910 метров. Молим об одном: Господь, смилуйся, подари завтра ясное небо!

Я долго не мог уснуть. В отяжелевшей от нехватки кислорода голове бессвязно крутились кошмарные видения.

Костя разбудил нас в четыре утра: пока тихо, надо успеть подняться на вершину и вернуться к приюту. Выглянув из палатки, видим на чётко проступающем силуэте вулкана цепочку медленно покачивающихся огоньков: немцы с мексиканскими проводниками уже в пути. И, похоже, давно! Быстро перекусив оставшейся с вечера овсяной кашей, азартно бросаемся вдогонку.

Взглянув на небо, убеждаюсь, что ацтекское название Ситлальтепетль — Звёздная гора — дано этому вулкану не случайно: даже при свете ополовиненной луны звёзды сияли так ярко, что казалось, протяни руку и сможешь почистить их рукавицей.

Цепочка людей на склоне всё ближе. Неутомимые Лёха, Коля и Костя идут как шерпы — без отдыха. Илья с Андреем немного отстают. Я же плетусь в хвосте. Сердце работает, как хорошо отлаженный мотор, дыхалка не подводит, а вот ноги тормозят. Испугался: неужто не сдюжу?! Но в какой-то момент, кажется сразу после привала, вдруг почувствовал необычайный прилив сил и зашагал как заведённый. Чем выше поднимался, тем явственнее ощущал необычную лёгкость: казалось, будто теряю вес и становлюсь всесильным.

Одолев крутой лоб глетчера, до предела взвинчиваем темп и на конечном этапе обходим одного за другим членов немецкой команды.

Последний рывок, и взбираемся на подсвеченный восходящим солнцем ледяной бруствер, и видим идеально круглую воронку кратера. Окружающее нас безмолвие было нарушено нашим дружным, но как-то совсем слабо прозвучавшим в разрежённом воздухе троекратным «Ура-а-а!». Жерло откликнулось на эту бестактную выходку возмущённым эхо.

Восстановив дыхание, огляделись. От Орисабы во все стороны разбегались голые, бурого цвета хребты. От простора и первозданной мощи холодных, бесстрастных громад меня охватило состояние благоговейного восторга. И, похоже, не только меня. Как бы вторя моим мыслям, Коля произнёс:

— Эх, были б крылья, полетел бы!

Ветер тем временем крепчал. Пространство наполнилось мельчайшими кристалликами колючего снега. Подхваченные невидимыми струями, они кружились, вспыхивали в слепящих лучах солнца.

98

Отдыхавшая под нами отара туч зашевелилась и, неуклюже толкаясь, потянулась на юг. В открывшееся окно различаем спичечный коробок приюта и крохотные точки ползающих вокруг него людей.

Пока Николай занимался измерениями кратера, Костя достал из внутреннего кармана спутниковый телефон «Иридиум» и, набрав номер дежурного, передал в РГО информацию об успешном восхождении. Тем временем стали подходить немцы. На одного из них было жалко смотреть — позеленевшее лицо, блуждающий взгляд и оскаленные в неестественной улыбке зубы. Поздравив их с восхождением, поспешили вниз. Пройдя отполированный до блеска снежный купол, снимаем кошки и бежим по сыпучему туфу, лавируя между хаосом камней и вулканических бомб. Вокруг опять начинают вызревать молочные клубы. Поначалу полупрозрачные, они быстро темнеют, обступают со всех сторон и как бы говорят: «Поторапливайтесь, ваше время истекло!»

В приюте уже не повернуться: заехала ещё одна группа альпинистов из Мехико. Но, несмотря на толчею, обстановка самая доброжелательная. Чтобы дать нам возможность пообедать, мексиканцы мигом освободили стол и даже угостили свежими фруктами. Вскоре мы уже обменивались телефонами, адресами электронной почты, фотографировались на память. Когда прощались, Костя подарил их руководителю вымпел РГО и значок с эмблемой экспедиции «Огненный пояс Земли».

Спустившись в долину, оглядываемся: Орисабу уже не видно. Он целиком во власти грозового фронта. Сверкнул излом молнии. Один, другой. Следом громыхнуло. А через минуту вулкан уже сотрясала натуральная канонада. Краешек грозы накрыл нас крупным, размером с воробьиное яйцо, градом. У всех невольно вырвалось: «Как вовремя спустились!» Получилось это столь синхронно, что мы прыснули от смеха. Град на некоторое время покрыл разогретый асфальт пятисантиметровым слоем, и, когда льдистые шарики начали таять, вдоль и поперёк дороги потекли, сметая мусор, мутные потоки.

Миновав равнину, долго взбирались на высокий водораздел. За ним на смену светлому основному лесу пришла пышная, непроходимая сельва. (Она так и будет сопровождать нас по горам и долам до самого Эквадора, с единственным засушливым пятном в богом забытом Гондурасе.)

МЕКСИКАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

5 мая. За спиной почти вся Мексика. В начале главы «Буэнос тардес, Мексика!» я уже делился некоторыми своими впечатлениями об этой стране. Настало время дополнить их.

Абсолютной неожиданностью для нас явилась бедность фауны. За всё время видели лишь несколько белок и одного зайчика. В изобилии лишь ящерицы и муравьи самых разных размеров. От их гороподобных «хижин» по лесу веером расходятся выбитые до земли тропы. (Это не преувеличение — именно тропы, а не едва приметные тропки!) Температура воздуха сильно зависит от высоты над уровнем моря. Если на вершине Орисабы было минус 7, то у побережья Мексиканского залива наша портативная метеостанция зафиксировала плюс 39 градусов по Цельсию при почти 100-процентной влажности.

Небольшие торнадо гуляют повсюду. Порой наблюдали сразу несколько высоко закрученных и медленно ползущих над землёй пылевых вихрей, несущих в своём чреве всевозможный мусор. Жуткое и в то же время захватывающее дух зрелище!

В засушливых северных штатах уровень жизни заметно ниже, чем в южных: влажных и плодородных. На севере преобладает животноводство, на юге — полеводство и садоводство. Там, где влаги недостаёт, к полям и садам проложены водоводы с мощными насосами, а под естественными водостоками устроены бетонные или накрытые толстой полиэтиленовой плёнкой бассейны для аккумуляции в сезон дождей тысяч тонн воды. Ради расширения площадей, пригодных для садоводства, в ряде штатов ведётся тотальная вырубка лесов.

Про аграрную Мексику вряд ли можно сказать, что эта страна обладает мощной экономикой, но большинство семей живёт в достатке, а у государства хватает средств как на социальные программы, так и на развитие инфраструктуры: автострады в хорошем состоянии, поля орошаются, сады ширятся, улицы во всех деревнях освещены. В самой захудалой деревушке дороги вымощены камнем, на площади

99

клумбы с цветами, красиво подстриженные кусты и неперменный памятник самому заслуженному селянину. Техника на полях и дорогах самая современная.

Как это мексиканцам удаётся?

У нас, россиян, есть привычка жаловаться: «Земля не родит! Погода подвела!» Посмотрели бы, на каких каменистых, практически безводных, почвах мексиканцы умудряются выращивать урожай, которого достаточно, чтобы и семью прокормить, и машину купить, и дом построить. Может, нам следует поменьше ныть и лениться, а больше работать?! Кто у нас сейчас 8–10 коров держит? Единицы! И это в то время, когда тучная душистая трава под снег из года в год без пользы уходит. В 2008 году я проехал по Хабаровскому и Приморскому краю (местам детства и юности) более двух тысяч километров и, представьте, не увидел ни одного стога (!), ни одной пасущейся на богатом травостое коровы! А в былые времена мы коровам даже веткорм на зиму заготавливали. А тут — луга некошены!

Понимаю, тема эта неоднозначна и многослойна. В ней сконцентрирован целый клубок проблем. Ведь и тем, кто работает, перекупщики развиваться не дают, а власти на это закрывают глаза. Говорят правильные слова, но на деле бездействуют. К тому же в 90-е годы, когда крестьянам, тогда колхозникам, невзирая на то, что они добросовестно выполняли свою работу, платили гроши, да и те с многомесячной задержкой, народ настолько устал от обмана, что, не получая за свой труд достойного вознаграждения, постепенно утратил привычку и стимул к работе на земле. Подобная реакция объяснима, но уж иметь скотинку хотя бы для собственных нужд нам никто не мешает! Извините, опять отвлёкся.

Индийский колорит в Мексике сохранился только в сельской местности. Там по сей день большинство женщин ходит в национальных одеждах: однотонная юбка с широкой оторочкой понижу из материала другого цвета, поверх неё цветистый фартук; на свободную блузку надето что-то вроде распашонки с узенькой оторочкой по краям и завязками по бокам. Самый броский элемент костюма — широкий одноцветный шарф, кокетливо переброшенный через плечо. В южных штатах ещё популярны белые кофточки свободного покроя с ручной вышивкой вокруг горловины.

Замужние женщины — с косами, девушки — с распущенными волосами. Надо сказать, что мексиканки довольно миловидны, есть просто красавицы. (Это особенно заметно в сравнении с американками.) Все черноволосые, у некоторых пряди прямо синевой отливают. Крашеные блондинки — редкость.

Молодые женщины лихо гоняют на мотоциклах и квадроциклах. Сидят, будто принцессы: спина прямая, голова гордо вскинута. Пожилые мексиканки довольно тучные. Но полнота у них не дряблостуденистая, как у американок, а упругая, говорящая о хорошей жизненной силе. В южных штатах женщины ходят под большими зонтами — прячутся от жгучих лучей солнца. Мужчины одеваются по-европейски. Единственное отличие — жёлто-белые шляпы, спле-

тённые из волокон сахарного тростника. Куращих — ничтожный процент.

Что удивило и вместе с тем порадовало — даже в самых крошечных деревнях имеются школа и спортплощадка. Ученики в форме. У каждой школы — своя. Промышленных предприятий мало. В основном небольшие заводы по производству сахара и текилы. Ближе к центру растёт число кустарных мастерских: каменотёсных, гончарных, столярных. Их продукцией заставлены все придорожные рынки. Керамическую посуду местные гончары умудряются лепить вручную, не прибегая к помощи гончарного круга. Кладбища в Мексике, как, впрочем, и во всей Латинской Америке, можно сравнить с выставкой помпезных мини-дворцов, украшенных ажурными башенками, арками, колоннами. Они представляют собой миниатюрные городки со всеми присущими им атрибутами: улицами, площадями и цветниками.

Транспортная сеть Мексики развита хорошо. Первые два дня мы возмущались тем, что дороги платные (примерно 180 рублей на 100 км). Только на третий выяснили, что на каждом направлении имеются как платные (квота), так и бесплатные (либре), идущие параллельно платным, дороги. И водитель сам решает, по какой ехать. Большинство ездит по бесплатным. И нельзя сказать, что они плохие. Главное их неудобство в том, что все они заходят в населённые пункты, где каждые 50–80 метров приходится снижать скорость до 20 км/ч. Иначе не переехать, вернее сказать, не переползти через «лежачего полицейского». Мексиканцы просто помешаны на них. Изобретение не новое, но в таком количестве и таких высоких (то и дело цепляли фаркопом) мне прежде не доводилось встречать. Безусловный плюс — практически изжиты случаи наезда на пешеходов. Но, с другой стороны, пропускная способность трассы резко снижается.

Что ещё хотелось бы отметить, говоря о дорогах? Прямая и встречная полосы проложены для большей безопасности на разных уровнях или на значительном удалении друг от друга. Для пешеходов повсюду имеются надземные переходы. Ремонтные работы организованы настолько грамотно, что не создают никаких проблем для движения транспорта.

Местные автомобилисты ездят, мало обращая внимания на знаки. И чем южнее мы спускались, тем больше нарушений ПДД. Один дорожный знак, «1×1» («Проезжай через одного»), устанавливаемый на нерегулируемых перекрёстках, нам показался весьма разумным и удобным.

Железнодорожный транспорт в Мексике не популярен. В пассажирских и грузовых перевозках явно доминирует автомобильный. Сеть автобусных маршрутов охватывает все, даже отдалённые и мало заселённые, районы страны. На междугородних рейсах автобусы двухэтажные, с очаровательными стюардессами, кондиционером, телевизорами, туалетом и бесплатными напитками (чай, кофе с бутербродом), на протяжённых маршрутах питание посерьёзней.

Народ в селениях и небольших провинциальных городках, в отличие от Мехико и его окрестностей, приветливый, отзывчивый и вместе с тем с хорошо развитым чувством собственного достоинства. Отношение к иностранцам почти равнодушное, нет такого низкопоклонства, как у нас. А неприязнь к американцам простыми людьми вообще

не скрывается. Это мы многократно испытывали на своей шкуре. И всё из-за броского номера нашего автомобиля — на нём крупно выведено: «Аляска». Увидев его, простые мексиканцы зачастую выкрикивали нам вслед нелестные пожелания и грозили кулаком. Поэтому общение с местными мы начинали со слов: «Носотрос руссо туристо». Было приятно видеть, как глаза людей сразу теплели.

Застройка городов малоэтажная, видимо, из соображений сейсмоустойчивости. Дома лепятся друг к другу вплотную, без зазора. Натуральные лачуги чередуются с шикарными виллами. Многие — ступенчатой архитектуры: сложены из кубиков и параллелепипедов. Одна половина дома в один этаж, а вторая может быть в два, три. Постройки в основном кирпичные (кладка «тощая» — в полкирпича), шлакоблочные и бетонные. Те, кто побогаче, штукатурят стены не только внутри, но и снаружи. Фасады таких домов декорированы лепниной и весело, порой даже крикливо, раскрашены. Наиболее популярные цвета: оранжевый, жёлтый и сиреневый. Крыши по большей части плоские: осадки в этих краях — редкость. На них чёрные баки для подогрева воды. Поразительно, но не видели ни одного кондиционера! А жара нестерпимая! (Когда упаковываем палатки, капрон хрустит, как новенькая банкнота, — до того сухой воздух.)

Дворы окружены высокими стенами-оградами. Улицы узкие, захламлённые. Архитектурные стили смешанные: от колониального до суперсовременного. На въезде в некоторые городки встречаются сооружения, похожие на громадные триумфальные арки, — подобный патриотизм жителей впечатляет и вызывает уважение.

Помимо пёстрой, многоголосой толчеи в городах бросается в глаза обилие мастерских, лавок, магазинчиков небольших размеров. Супермаркеты — редкость. Торговаться с мексиканцами и вообще с латиноамериканцами сложно. Редко уступят 10–15%. Внутренний туризм среди самих мексиканцев весьма развит. В горах, на озёрах много турбаз, приютов, кемпингов.

Цены на дома как минимум в два раза ниже европейских. На продукты питания и промышленные товары сопоставимы — глобализация в действии! По качеству мексиканские продукты превосходят американские, здесь предпочитают всё натуральное.

Местная кухня оригинальна и своеобразна, что объясняется смешением кулинарных традиций индейских племён с испанской рецептурой. Главенствующее место в ней занимает маис: жареный, варёный, в виде муки, с тёртым сыром, мясом, молотым перцем. Но истинной визитной карточкой здешних поваров является жгучий стручковый перец. Они из него готовят сотни разнообразных соусов к мясу, рыбе, гарнирам.

Плоский известняковый полуостров Юкатан — колыбель цивилизации майя — сосредоточивший в себе огромное количество археологических памятников, не входил в программу нашей экспедиции. Так что на этом излюбленном и много раз описанном путешественниками сюжете особо останавливаться не буду. Коснусь его слегка в связи с прохождением маршрута через штат Чьяпас, где некогда процветало Баакульское царство, относящееся к цивилизации майя.

Костя, увидев на карте, что мы находимся вблизи их пирамид, после недолгих колебаний дал команду сворачивать и ехать к ним. Просёлочная дорога вывела нас на вытянутую грядку, затянутую густой сельвой. Проехав по ней несколько километров, мы упёрлись в шлагбаум. Сбоку от него под навесом читал книгу представительный седоглавый мексиканец. Узнав о цели нашего визита, он придал своему лицу ещё более значительное выражение и стал записывать в засаленный журнал наши данные. Услышав, что мы из России, оживился, пожал каждому руку — оказывается, до нас русские здесь не бывали. Заполнив все графы, объяснил, что музей по дорожке слева, а к пирамидам следует идти прямо. Поднимая перегораживающую проход трубу, он не без гордости добавил, что посещение парка и музея бесплатное.

К возвышавшимся над деревьями пирамидам канувшего в Лету царства вела уютная лесная дорога. Её в нескольких местах пересекали тропы, вытопанные... мириадами муравьёв.

Культовые сооружения располагались на обширной, ровной площадке. В центре — небольшая пирамида. Перед ней — стоящий на ка-

менных блоках то ли стол, то ли жертвенник округлой формы. Справа наискосок пирамида повнушительней. К её вершине, где некогда возвышались башни, вели отполированные за многие века каменные ступени. На самом верху — плиты с едва различимым орнаментом. Третья пирамида, более длинная, но частично разрушенная, расположена слева от центральной. От всего этого комплекса веяло покоем и вечностью. Трудно поверить, что в былые времена здесь кипела жизнь.

Перед тем как покинуть парк, посетили стоящий прямо в лесу музей, хранящий уникальные экспонаты эпохи, предшествующей нашествию конкистадоров. Молодой экскурсовод, студент-историк Стефан, рассказал, что некоторые пирамиды майя по размерам не уступают египетским. А длина основания пирамиды Чолула (440 м) больше, чем у знаменитой пирамиды Хеопса. Мы узнали, что у майя существовал культ бога Кукулькана, пернатого змея с че-

ловечей головой. Он дал людям знания, которые легли в основу развития их общества. В 1935 году недалеко отсюда был найден каменный барельеф с его изображением: человекоподобное существо с заострённым носом, восседавшее на трубе. Посреди трубы странное расширение, похожее на кабину, а из хвостовой части тянутся прямые линии (вырываются струи пламени?). На голове «пассажира» некое подобие шлема с «антеннами» наверху. Чем не инопланетянин?!

В более поздней цивилизации ацтеков бога Кукулькана неизменно связывают с бородатым Кетцалькоатлем, воплощавшим силу Земли (коатль) и силу Неба (кетцаль). По преданиям, он явился со стороны солнца и обучал ацтеков наукам. А когда его миссия завершилась, он удалился на корабле к утренней звезде, пообещав вернуться.

Видя, с каким интересом мы слушаем, Стефан поведал и о порабощении европейцами американских континентов, которое началось именно с полуострова Юкатан в 1517 году.

Покидали Мексику с двойственными чувствами. Мы были благодарны ей за незабываемые впечатления и в то же время возмущены постоянным обманом при покупках в магазинах. При этом что-либо доказывать, спорить с продавцом было бесполезно. Но всё же хорошего в этой стране мы видели несопоставимо больше. Так что простим горожанам их меркантильные наклонности.

Впереди загадочная Гватемала!

ЧП В ГВАТЕМАЛЕ

Гватемала — площадь 108,89 тыс. кв. км,
население — 14 млн человек,
столица — Гватемала.

5

Чем ближе к границе, тем чаще видим армейские патрули: проверяют документы и грузы. Благополучно миновав во второй половине дня приграничный городок Нагалес с мексиканским КП, подъехали к полосатому шлагбауму, закрывающему проезд в гватемальский Лас Чамрес.

За ним многоголосо шумела улица, заставленная по обе стороны торговыми лотками со всевозможным товаром, запруженная людьми с неподъёмными тюками, менялами с толстенными пачками купюр, трёхколёсными моторикшами «тук-тук», вычурно размалёванными автобусами.

Как только мы заехали на досмотровую площадку, к нам подбежал шустрый парнишка, включил компрессор и распылителем продезинфицировал колёса нашей выносливой и трудолюбивой «лошадки». Закончив процедуру, объявил: «С вас 40 кетцалей!» (примерно 160 рублей). Получив деньги, провёл в небольшое полупустое здание паспортного контроля.

Мы, обрадованные отсутствием обычной у окна очереди, торопливо выложили симпатичному гватемальскому пограничнику свои красные, с позолоченными орлами паспорта. Пролистав все странички, он недоумённо покачал головой и объявил, что не может пропустить нас, так как нет штампа о выезде из Мексики. Делать нечего — возвращаемся на мексиканскую сторону. Дежуривший там офицер, ознакомившись с нашими документами, удивился ещё больше: в паспортах не было отметки и о въезде в Мексику! Данный факт удивил уже нас: при пересечении американо-мексиканской границы паспорта проверялись! Мы пытались объяснить это контролёру, но он заладил: «Вы в Мексике незаконно! Вы нарушили порядок!»

Звоним в Мехико консулу Андрею Ивановичу Маркелову. Выслушав Костю, он попросил передать трубку офицеру и долго разговаривал с ним. В итоге пришли к компромиссу — мы платим штраф, а мексиканцы делают отметку о выезде.

В кассу следовало внести 7176 песо, что соответствовало 21000 рублей! Мы расстроены — немалые деньги! Но делать нечего, платим. Нам ставят заветные штампы. Дорога в Гватемалу открыта!

Анализируя произошедшее, мы пришли к выводу, что при въезде в Мексику отметку в паспортах не поставили умышленно — хороший способ пополнять казну!

108

Гватемала — страна маленькая. Наверное, поэтому в ней и долины тесные, и дороги узкие. Они вьются замысловатым серпантином над бездонными каньонами, на дне которых грохочут, ворочая валуны, пенные потоки. Миниатюрны и города с крошечными домиками, и даже люди какие-то совсем малорослые. (Возможно, это связано с тем, что местное население — сплошь индейцы, а они значительно ниже североамериканских собратьев.)

Единственное, что в Гватемале большое, — это величественные, изрубцованные шрамами ущелий, горные цепи и высоченные, обычно правильной конической формы, вулканы.

На одном из поворотов нас тормознула полиция. Памятуя Мексику, мысленно взвыли: «И тут поборы!» Но ребята, проверив документы, просто предупредили, что дорога сложная, и посоветовали быть повнимательнее. Мы, привыкшие к иному отношению со стороны полицейских, до того растрогались, что едва не заплакали от умиления! Илья не сдержался и выкрикнул: «Да здравствует гватемальская полиция!»

Вокруг прилепившихся к склонам селений среди деревьев проступают лоскутки наделов, засаженных маисом, бобами, горохом, а кое-где даже плодовыми деревьями. Расположены эти участки на таких крутых скатах, что без страховки по ним и ходить-то опасно. А местные крестьяне умудряются не только ходить (вот где малый рост выручает!), но и землю рыхлить, и сорняки полоть, и урожай соби-

рать. Почвы здесь бедные — каменистый суглинок, травы мало. Соответственно, мало и скотины. (На юге страны и земля побогаче, и урожаи пощедрее, и животинка чаще взор радуется.)

Ближе к обеду завернули в небольшой городок пополнить запас продуктов и заодно купить карту Гватемалы. Я остался в машине — на магазины у меня «аллергия». От нечего делать наблюдаю за проходящими и проезжающими гватемальцами. Наблюдаю с удовольствием: добрые, открытые лица. Если заметят, что я смотрю, просят и головой, как старому знакомому, кивнут. Оказывается, это так приятно, когда тебе искренне и радостно улыбаются совершенно незнакомые люди.

Гватемала — царство мотоциклистов, при этом женщины лихачат похлеще мужчин. Одной рукой руль держат, в другой — сотовый телефон, а за спиной малыш головой вертит. Большинство женщин в колоритных национальных костюмах (запашные юбки, цветистые вышивки на рубашках и накидки, украшенные вышивками из серебристых и золотистых нитей). Любимый цвет: фиолетово-сиреневый. На головах по-особому сложенные грубо тканые, преимущественно бордового цвета платки. При необходимости прямо на них водружают тяжеленные корзины и шествуют, небрежно помахивая рукой, а то и обеими. Впечатлила самобытность одежды на некоторых мужчинах: короткие штанишки из лёгкого пёстрого материала, поверх них — домотканая юбочка. Одетых так пока меньшинство, но говорят, что костюмы, соответствующие канонам культуры майя, входят в моду. Почти 500 лет испанцы приобщали аборигенов к европейским традициям, а душа индейца всё равно тянется к истокам.

Нравственные устои вообще мало изменились. Разводы — большая редкость. Каждая супружеская пара имеет по пять-семь детей. Старые люди окружены вниманием, и, хотя пенсию получают немногие, большинство, благодаря заботе детей и внуков, не бедствует. У гватемальских дорог (они бесплатные) есть интересная особенность: все крупные камни по обочинам раскрашены. Где-то в оранжевый цвет, где-то в белый, где-то в жёлтый. А на гранях скал нарисованы флаги ведущих партий с многообещающими лозунгами.

Поднявшись по змеевидным извивам дороги на высоту в 2500 метров, увидели обрамлённое зубчатой короной вулканов озеро Атитлан. Оно смотрелось столь эффектно, что Костя загорелся идеей заснять его целиком. Для этого следовало заехать по узкой, предназначенной только для телег и мотоциклов, дороге на одну из вершин. Подъём и извивы серпантина были столь крутыми, что порой казалось, вот-вот опрокинемся или не впишемся в радиус. Повернуть обратно уже не было возможности — дорога в тисках непролазной сельвы. Так и ехали, замирая то от восторга, то от ужаса. И опять наша

109

безотказная «лошадка»-труженица не подвела. Машине пятнадцатый год, привод один — задний, а тащит как добротный джип. Не случайно название у неё такое многообещающее и звучное — «Сафари».

Запечатлев сказочную панораму озера, поехали по всё той же узенькой дорожке дальше в расчёте, что она выведет на более широкую. Но в итоге въехали на тесную, предназначенную только для велосипедистов и всадников, улочку старинного городка. Пришлось сразу сложить зеркала заднего вида. И всё равно, протискиваясь между домов, мы то и дело царапали о выступы сложенных из камня стен бока и двери машины. Изумлённые жители прильнули к окнам: автомобиль ехал по этой улице впервые за всё время существования селения. Но и этот экзамен наша машина, благодаря мастерству Ильи, сдала на пять с плюсом. Заночевали у дороги, ведущей к неразлучной парочке: вулкану Акатенанго (3968 м) и примыкающему к нему стратовулкану Фуэго (3763 м, не путать с мексиканским Фуэго де Колима). Их лысые вершины, окутанные венчиками из пухлявых облачков, напоминали головы седовласых великанов. Утром по холмистому нагорью быстро достигли деревни, раскинувшейся у подножья конусов, и договорились с хозяином крайнего дома Рональдо оставить машину в его дворе.

Вышли налегке. Взяли только воду и небольшой запас продуктов. По тропе, разделяющей наделы, шагали довольно резво. Но, когда она упёрлась в густой тропический лес, оглашаемый жуткими воплями павлинов, никак не вяжущимися с их царственным обликом, склон загнулся вверх до того круто, что пришлось, цепляясь за выступы камней, свисавшие корни, стволы бамбука, буквально подтягиваться на руках. Молодёжь задала такой темп, что я еле поспевал.

Чтобы справиться с резко возросшей нагрузкой, моё сердце набирало обороты и вскоре забухало в грудной клетке, как рвущаяся на волю птица. Пот заливал глаза, по спине потекли ручьи. Чтобы восстановить дыхание, приходилось то и дело останавливаться. Отставание нарастало. На моё счастье, после отметки 3000 метров тропа заплеталась пологим траверсом. Я приободрился, но метров через 150 она снова устремилась резко вверх. Настроился было на очередной рывок, как вдруг шедшие впереди ребята остановились и, скинув рюкзаки, скрылись в кустах. Оттуда доносились сдавленные стоны.

Подойдя ближе, я увидел, что они выносят из колючих зарослей окровавленного мужчину лет сорока в форме охранника парка. Низ рубашки и штаны обильно залиты кровью. Когда раненого положили на землю, Андрей Колодкин, наш доктор, приступил к осмотру.

Рваная сквозная огнестрельная рана, проходящая через бедро и нижнюю часть живота, выглядела настолько страшно, что я отвернулся. Тем временем Андрей, повидавший, работая на скорой помощи, и не такое, открыл походную аптечку, надел перчатки и, набрав в шприц какое-то лекарство, сделал укол. После чего приступил к остановке бьющей из ран крови. А мы подавали ему то ножницы, то салфетки, то тампоны. Лицо индейца тем временем порозовело, появился пульс. Когда Андрей стал вводить в рану тампоны, он

с такой силой забил руками и ногами по земле, что пришлось всем навалиться на него.

Наконец кровь остановлена, раны перевязаны. Мужчина приоткрыл глаза и стал, пересиливая боль, что-то торопливо бормотать. Сообразив, наконец, что мы его не понимаем, умолк и только временами, стиснув зубы, мычал от боли. Мы с Колей и Ильёй принялись рубить бамбуковые жерди, нарезать верёвки, а Костя с Лёхой мастерить из них носилки. Настелив поверх перекладин ветки с длинными листьями, уложили раненого и понесли, сменяясь, в долину. Чем ниже спускались, тем суше становилась земля. Последние километры шли в облаке вулканической пыли, поднимаемой шестью парами горных ботинок. Она разъедала глаза, забивала лёгкие, но мы не сбавляли темпа. Увидев на склоне земледельца с мотыгой, попросили его как можно быстрее бежать в деревню и вызвать полицию, скорую помощь.

Когда вышли на дорогу, нас уже поджидали все жители селения, а минут через тридцать подъехали и полицейские. Они погрузили пострадавшего в машину и помчались в город. Надо было видеть, с какой благодарностью смотрел на нас в эту минуту гватемалец. Такой взгляд дорогого стоит!

Местный учитель, знавший английский, подтвердил, что раненый действительно охранник национального парка. Зовут его Диего. Во время обхода он заметил на тропе обросшего человека. Поскольку в последнее время случались нападения на туристические группы

(отбирали продукты, снаряжение, камеры, деньги), Диего попытался задержать его для выяснения личности, но сидевшие в засаде по-дельники открыли по нему огонь. Тяжелораненый охранник скатился с обрыва в колючий кустарник. Это его и спасло — бандиты не стали продираться за ним сквозь острые шипы. Выходит, Диего — наш спаситель! Караулили-то не его, а нас. Спасибо ему!

И опять я невольно вспомнил подаренную старовером в Берёзово иконку Богородицы. Похоже, верно сказал тогда дед, что Матерь Божья защитит нас. От этой мысли сердце окатила тёплая волна благодарности к берёзовскому старцу.

В связи с этим драматическим событием Костя решил перенести восхождение на Фуэго на более поздний срок, а пока ехать в столицу страны — город Гватемалу. Там нас уже давно ожидал друг Алексея Ярошевского — гватемалец Хуан-Пабло Авенданьо. Он получил образование в Санкт-Петербургском педагогическом университете и прекрасно владел русским языком. У него же лежали и отправленные для нас Ярошевским из Москвы велорюкзак.

Хуан-Пабло, обладатель красивой гривы вьющихся чёрных волос, оказался весьма эрудированным, с первого взгляда располагающим к себе парнем лет тридцати пяти. О России и русских он отзывался с такой теплотой, что мы сразу загордились, что являемся гражданами столь почитаемой им страны. Жил Пабло недалеко от столицы, в тихом, уютном городке Сан-Лукас, в так называемой «Колонии» — элитном посёлке, огороженном высоким забором и охраняемом вооружёнными стрелками.

Во дворе между прямоствольными соснами имелась лужайка, на которой мы и разбили свой палаточный лагерь. Жена Пабло, русоволосая петербурженка Екатерина, смело могла бы претендовать на титул самой красивой женщины Гватемалы (как и каждая вторая россиянка: уж кем-кем, а красивыми женщинами Россия не обделена). За ужином Пабло предложил организовать пресс-конференцию с местными журналистами и телевизионщиками, на которой мы рассказали бы о целях и ходе кругосветной экспедиции по вулканическому поясу земли. Костя охотно согласился. Спать легли далеко за полночь — за беседой время летит незаметно.

ГОРЯЧИЙ ТИХИЙ ОКЕАН

Сдав в российское посольство документы для оформления виз в Панаму и Коста-Рику, поехали вместе с Пабло в национальный парк на берегу Тихого океана. Поскольку в Сан-Лукасе было всего 15 градусов тепла, я порывался надеть утеплённую куртку, но Лёха резонно заметил:

— Камиль, там же нулевая отметка, жара, небось, под сорок.

И действительно, уже на полпути, сразу после резкого спуска на равнину, температура подскочила до 34 градусов, а у океана её усугубила тяжёлая, липкая влажность.

На площадке для автомашин в тени пальмы нас поджидал директор парка — улыбчивый мужчина, непривычно крупных для гватемальца габаритов. Он проводил нас к каналу, тянущемуся на десятки

километров сквозь мангровый лес почти параллельно побережью океана. Балансируя руками, прошли по хлипким доскам к лодке с матерчатой крышей, натянутой на высокие стойки. Моторист запустил движок и повёл длинную, неповоротливую посудину по тоннелю, образованному смыкающимися высоко над головой ветвями. Нас провожали восседавшие на обнажённых корнях угрюмые бакланы и ослепительно-белые цапли.

Что собой представляет мангровый лес? Густой, практически непроходимый «ивняк» высотой до десяти метров. Растёт он на водоёмах или на переувлажнённой почве, опираясь на сотни длинных и тонких древовидных корней. Их так много, что издали деревья напоминают опущенные в воду кисточки. Зрелище довольно однообразное и скучное. Директор парка предложил поискать в глубине этих зарослей двухметровых кайманов, но мы из-за изнуряющей духоты мечтали только об океане!

Минут через тридцать в зелёном тоннеле посветлело, и слева появилась взгорбленная коса из крупнозернистого чёрного песка вулканического происхождения, за ней шумел океан. На косе сиротливо стояла крытая соломой хижина, вокруг которой бегала за собакой голопузая детвора. Рядом вился дымок. Чуть выше, на песчаном скате, — площадка, издали напоминавшая плитку шоколада. Позже я прогулялся к ней и, пообщавшись с хозяином-гватемальцем, узнал, что эта «шоколадка» предназначена для получения соли и представляет собой шесть рядов широких корытообразных траншей, застеленных чёрной плёнкой. В самую верхнюю мотопомпой периодически закачивают из скважины солёную воду (напрямую из океана нельзя — соль получится некачественной). По мере её испарения остатки воды сливают через шланг в нижние «корыта», а в верхние вновь закачивают свежую воду. В самом нижнем «корыте» раствор получается уже настолько насыщенным, что соль начинает выпадать белыми кристаллами на плёнку. Когда толщина этого слоя достигает пяти-семи миллиметров, их сгребают лопатой на специальную площадку для просушки. После неё чистая, беленькая соль готова к употреблению.

Доплыв до пролива, соединяющего канал с океаном, вышли на косу, подрагивающую от ритмичных ударов прибойной волны. Скинув одежду на обжигающий ступни песок, побежали наперегонки навстречу рокочущим валам, грозным и прекрасным одновременно. Вода — парное молоко, только чрезвычайно солёная. Для начала зашли по колено. Осмелев — по пояс. Глубже заходить не решились — падающие с четырёхметровой высоты белопенные гребни, закручиваясь вовнутрь, откатывались до того стремительно, что запросто могли унести в бездонную пучину. В этих громадных валах чувствовалась такая мощь, что сердце непроизвольно сжималось.

Остыв под каскадами брызг, ребята, словно расшалившиеся молодые жеребцы, принялись с диким гиканьем носиться то по «кипящей» воде, то по плотному песчаному накату, гоняясь попутно за шустрыми крабами. Я же, освежившись, ушёл посмотреть, как трое местных рыбаков ловят рыбу в канале. Ловко забросив в воду округлую, диаметром метров восемь сеть со свинцовыми грузилами по периметру, они секунд семь выжидали, а затем быстро-быстро вытаскивали снасть за длинный шнур. Попадались в основном придонная камбала и некрупные сардины. Однажды вытащили громадную рыбину с хвостом как у тунца, но почему-то сразу отпустили её. Несъедобная, что ли? Когда рыбаки с уловом направились к своей лодке, я поинтересовался, не могли бы они продать килограмма три?

Рыбаки с радостью согласились. Пока выбирали и взвешивали рыбу, я заметил на носу судёнышка полую деревянную трубочку длиной сантиметров 60 с небольшим раструбом на более толстом конце. Рядом обрезок бамбукового ствола — колчан, из него торчали десятки тоненьких стрел. К нему плотно притянута высушенная тыковка, совсем крохотная, полная то ли ваты, то ли хлопка. Даже не спрашивая индейцев, я понял, что это сарбакан — духовое ружьё для стрельбы стрелами. Чтобы создать необходимое для выстрела давление, на тупой конец стрелы накручивается клочок хлопка — он исполняет роль пыжа.

Хотя дальность прицельной стрельбы из духового ружья не превышает пятнадцати метров, она добычлива благодаря тому, что кончик стрелы смачивается сильнейшим ядом — кураре, получаемым из коры южноамериканских растений стрихнос. Низкая пробивная способность стрелы не играет большой роли — достаточно проткнуть кожу. Яд довольно быстро парализует дыхательные центры, и животное погибает от удушья. К примеру, ягуар — самая могучая кошка Южной Америки — после ранения отравленной стрелой через двадцать-тридцать шагов начинает шататься и через несколько минут умирает.

Что интересно, мясо животного, убитого с помощью этого яда, не оказывает вреда человеку. Более того, становится мягче и нежнее. (Яд кураре опасен только при попадании непосредственно в кровь, через пищевод и желудок он не всасывается.) Сарбакан особенно удобен при охоте в густых экваториальных лесах, к тому же бесшумный полёт стрелы не пугает других зверей и птиц.

Во время обеда Пабло с гордостью сообщил, что в гватемальской акватории Тихого океана самая лучшая в мире рыбалка на марлина: ещё не было случая, чтобы кто-то вернулся с неё без знатного трофея. Правда, отплывать от берега надо километров за двадцать, не меньше.

Покидали гостеприимную косу посвежевшими, заряженными энергией неутомимого прибоя. Несколько портил настроение мусор под ногами: одноразовая посуда, банки, бутылки, пакеты щедро разбросаны по всей косе. Я высказал директору парка недоумение по поводу безответственного отношения его сотрудников к своим обязанностям (а их немало — восемь человек на двадцать километров береговой линии!), но тот в ответ лишь мило поулыбался. Свалки, горы мусора у дорог и мест отдыха в Гватемале, можно сказать, национальная проблема. Впрочем, у нас в России примеров подобной дикости тоже с избытком. Пора бы повзрослеть. На обратном пути нам повезло: среди корней мангровых деревьев отдыхал белый, как мел, кайман. При появлении нашей лодки он вскинул голову и нырнул в воду.

115

ВУЛКАН ПАКАЙЯ

Пакайя — один из активнейших вулканов на земле. С 17 века он двадцать три раза изливал на окрестности раскалённую магму, и не прекращает бурную деятельность по сей день. Последнее крупное извержение случилось в 2010 году. Тогда Пакайя за сутки выбросил столько пепла, что он покрыл округу в радиусе 50 километров десятисантиметровым слоем. Особенно сильно пострадали селения, расположенные на склонах вулкана: помимо пепла они подверглись «бомбардировке» раскалёнными камнями и сгустками раскалённой магмы, что вызвало многочисленные пожары. (О чём думали люди, строящие свои жилища в двух-трёх километрах от кратера?)

Конус вулкана невысокий (2552 м) и технически несложный — специального снаряжения для восхождения не требуется. У подножия нас встретили всадники и предложили подвезти поближе к кратеру. Мы вежливо отказались и, заплатив за вход в национальный парк 75 кетцалей, пошли по тропе, усыпанной вулканическим пеплом и шлаком. В этот день я был в прекрасной форме и даже притормаживал, чтобы не отрываться от ребят.

“

Пакайя — один из активнейших вулканов на земле. С 17 века он двадцать три раза изливал на окрестности раскалённую магму, и не прекращает бурную деятельность по сей день. Последнее крупное извержение случилось в 2010 году. Тогда Пакайя за сутки выбросил столько пепла, что он покрыл округу в радиусе 50 километров десятисантиметровым слоем.

На склоне то и дело натыкались на полузасыпанные железобетонные и кирпичные коробки домов с обугленными дверными проёмами. Обильное извержение магмы случилось и за две недели до нашего прихода. Но не из главного кратера, а из разлома между двух конусов. Буро-красное лавовое поле ещё не совсем остыло, и из трещин веяло жаром, как из раскалённой духовки. Лёха, допив воду, бросил в одну из щелей пластиковую бутылку — она мгновенно вспыхнула, словно облитая бензином. Стало страшновато. Ведь, чтобы пройти к главному конусу, следовало пересечь всё это огнедышащее пространство. На наше счастье, верхушки комьев лавы уже остыли, и мы пошли, ступая по ним. Из-за нестерпимой жары заранее сняли с себя почти всю одежду, но всё равно чувствовали себя как сталевары у мартеновской печи.

Николай на ходу измерял датчиком температуру верхнего слоя — в большинстве мест она равнялась 180 градусам. Под ногами ничего, кроме пышущих жаром буро-красных глыб. Вскоре даже в горных ботинках стало чувствительно жечь ступни, едко пахло химией. Но поворачивать обратно неразумно: мы были уже посреди лавового поля. Прибавляем шаг и проходим мимо грота, образованного причудливым нагромождением застывших глыб. Из его красноватого нутра пынуло таким жаром, что подумалось: а не здесь ли врата ада?

На самом конусе было прохладнее. Его склоны покрывал сыпучий шлак, местами спёкшийся в крупные комья. Разойдясь в линию, стали карабкаться вверх, помогая себе руками. Угловатые конгломераты выкатывались из-под ног и, увлекая за собой нижние комья, вызвали пыльные лавины. Оглядываемся: красиво, но жутко! Чем ближе к кромке кратера, тем гуще запах сернистого газа. От него першило в горле, резало глаза. Гребень кратера залеплен спёкшимся от высокой температуры пеплом с жёлтыми прослойками серы. Местами чернеют отверстия, из которых с шипением и свистом вырывается едкий пар. Тут вновь пришлось задействовать все четыре конечности: на осклизлых участках ноги разъезжались в разные стороны. Докарабкались до края и заглянули в нутро жерла. Оно, к сожалению, было скрыто клубами пепла и дыма. Неожиданно грунт между мной и Костей вспучился, вылетела «пробка» и из образовавшегося отверстия забила, ширясь, струя пара, и мы оказались посреди беловато-жёлтого облака. Концентрация сернистого газа была столь велика, что у меня перехватило дыхание, кто-то зачихал, кто-то зашлёлся в надрывном кашле. Костя крикнул: «Всем вниз!» — а сам лёг на гребень и приступил к съёмке. Но вскоре тоже поспешил за нами.

Когда спускались, сверху то и дело доносился какой-то гул. Мы каждый раз оглядывались — не камнепад ли догоняет?! Слава богу, нет! По всей видимости, это рушились внутренние стенки кратера.

Вечером, уже во дворе Пабло, добавила адреналина чудовищная гроза. Огненные жгуты молний с шипением вонзались в залитую водой землю всего в нескольких метрах от нас. Как мы остались живы, уму непостижимо. Вода лилась с небес сплошной стеной. Мы едва

успели убрать палатки с пути хлынувшего со склона холма грязевого потока. Вещи даже в рюкзаках промокли так, что их пришлось выжимать перед тем, как вешать сушиться.

ТРОПОЙ ИСПЫТАНИЙ

Рано утром 12 мая покинули гостеприимный Сан-Лукас и вновь взяли курс к вулканам Акатенанго и Фуэго. Стоят они так близко, что со стороны напоминают двуглавый красавец Эльбрус, только без снежных куполов. Подняться на них 8 мая, как вы помните, нам помешала операция по спасению тяжелораненого сотрудника национального парка. Автомобиль оставили во дворе того же дома, что и в первый раз. Хозяина Рональдо не было, но его сыновья встретили нас как героев и тут же освободили место под тенистым деревом.

Проходя мимо крыльца, мы с удовлетворением отметили, что подаренный нами выпел Русского географического общества висит на самом видном месте, у входа. Ещё подъезжая к деревне, с тревогой наблюдали, как навстречу нам из-за вздыбленных кряжей выползают разлохмаченные груды облаков. К моменту старта они залили всю окрестность сырým туманом. Сразу резко похолодало. Ребята надели зимнее термобельё, кто-то даже куртку. Я же, несмотря на то что основательно продрог, решил подниматься в шортах и сетчатой безрукавке. Причин тому было две. Во-первых, я понимал, что кому-

кому, а мне будет жарко. Во-вторых, каждый грамм в конце восхождения превращается в полновесный килограмм (я даже часы снял). Для ребят подобные ухищрения пока удивительны, а мне лишний вес ни к чему — ведь за плечами, по сравнению с ними, имею солидный довесок в возрасте: мне за 60, а им по 25.

Первый километр шли по тропке, разделяющей поля кукурузы. Её сажают здесь на расстоянии раза в два большем, чем у нас в России. Труднообъяснимое расточительство при такой острой нехватке земли, но оно наверняка имеет своё, неизвестное нам, рациональное объяснение.

Сквозь туман видим копошащихся на наделах крестьян. Заметив нас, они радостно машут руками, желают успешного восхождения.

Вскоре поля упёрлись в гору, и едва приметная тропка взмыла вверх. Слава богу, что дождя два дня не было! Иначе без верёвок здесь не взобраться. Первые километры всегда самые тяжёлые: организм не перестроился, а тут сразу резкий подъём, исполосованный мускулистыми корнями деревьев! Уже через пять минут я задыхался как перегруженный мерин, а сетчатая безрукавка потемнела от пота. Сердце, чтобы обеспечить мышцы дополнительным питанием, удвоило обороты. Тем не менее отставание от ребят росло. Я задыхался в тщетных попытках догнать их. Прошли памятную развилку. Там, где перевязывали раненого, земля в бурых пятнах запёкшейся крови. Выше, прямо на тропе, стреляные гильзы и один заряженный патрон — похоже, полиция даже не удосужилась обследовать место происшествия.

По мере набора высоты характер леса менялся: на смену субтропическому, с лианами, пальмами и непроходимым колючим подлеском, пришли разлапистые сосны. Чем выше мы поднимались, тем ниже становились они. Туман густел. Из-за белой мути казалось, что на нас наступают скелеты рукастых чудищ. Вблизи они превращались в обугленные пожаром деревья. Временами «молоко» становилось до того густым, что из поля зрения исчезал даже впереди идущий. Были видны лишь камни под ногами и растущие в беспорядке пучки травы. При каждом шаге они появлялись из ниоткуда, а если обернуться и посмотреть назад — пропадали в никуда. Полный сюрреализм!

Наконец, обливаясь потом, пробили облачный покров, и на нас брызнули лучи стоящего в зените солнца. Стало жарко. Если бы не порывы холодного ветра, нам пришлось бы совсем худо. Деревья и трава исчезли. Одни голые камни, испятнанные мазками лишайника. Подъём из-за возросшей крутизны склона давался всё труднее. Несмотря на ветер, я снял даже безрукавку. Первый купол, усеянный ноздреватой золой и мелкой галькой, походил на прокопчённую лысину великана. Взобравшись на него, расселись на вулканические бомбы. Перекусили шоколадками, попили воды. После чего спустились в неглубокий, хорошо выраженный боковой кратер идеально круглой формы.

Проведя традиционные измерения температуры почвы, уровня загазованности и физических размеров кратера, полезли на главный конус, усыпанный исторгнутыми из нутра земли комьями магмы. Пространство между ними заполнял толстый слой чёрной крупки. Стоило наступить на неё, как она приходила в движение, и если не успеваешь

пересечь этот поток скользящими шажками, то «едешь» вместе с ним вниз до тех пор, пока не упрёшься в базальтовую глыбу. А если таковой на пути не окажется, то можешь «проехать» вниз метров сто, после чего — повторяешь подъём.

Ребята уже высоко. Из последних сил, цепляясь за острые кромки застывшей лавы и проворно пересекая сыпуну, пытаюсь их догнать. Но чем выше, тем тяжелей даётся каждый метр: уже ощущаю нехватку кислорода. Останавливаясь через каждые 10–15 метров. И вот наконец последний шаг! Передо мной открывается громадная воронка, забитая чёрным пеплом и пористыми гранулами. Между комьев лавы сочатся струйки пара. Вокруг них солнышками желтеют пятна серы. Ребята, оседлав вулканические бомбы, уже жуют кто курагу, кто шоколад. Я, глотнув воды, оглядываюсь.

Вершину широким кольцом опоясывали «жирные» облака, проткнутые вулканами пониже. И такая библейская тишина обступала нас, что казалось,

будто не существует в мире ничего, кроме этих каменных стражей, парящих над уходящими вдаль белыми бутристыми полями. Пока я предавался созерцанию, отдохнувшие Лёха и Николай побежали наперегонки к противоположному гребню кратера разведать переход на Акатенанго. (Пробежка на высоте почти четыре километра даром не прошла: у Николая после неё из носа пошла кровь.) Вернувшись, ребята сказали:

— Акатенанго обрывается к Фуэго отвесной стеной, и без верёвок на него не подняться.

Решили возвращаться. Чтобы ускорить приготовление обеда, Костя отправил самых резвых — Лёху, Колю и Илью — вперёд, а мы пошли в умеренном темпе.

От спуска у меня осталось ощущение, будто он тянулся бесконечно. Шагал и удивлялся: как я утром смог осилить эти затяжные крутяки?! Спускаться и то страшно — того и гляди покатишься кубарем в пропасть! Это изумление было настолько велико, что даже заглушило радость того, что всё же сдюжил, дошёл до кратера. Правда, не в первой двойке, как на Пакайя (там я выложился до упора и после этого ещё не восстановился), а замыкающим, но тем не менее по гребню кратера потоптался и наряду с флагами России и РГО поднял флаг Башкирии.

Когда проходили горелый лес, снизу донёсся хлесткий выстрел, следом второй. Сердце кольнуло: «Как там ребята? Не в них ли стреляют?»

Но беспокоились мы напрасно. Подходя к стану, увидели, что «стол» накрыт, рядом дымится кастрюля с супом из рыбных консервов. А Илья, уже сносно говорящий по-испански, о чём-то беседует с хозяином дома. Рональдо, увидев нас, вышел навстречу и долго тряс каждому руку.

За трапезой он рассказал, что вчера им пришлось вместе с полицейскими спускать обнаруженные на дне котлообразной впадины четыре скрюченных судорогой труп. Обросшие, оборванные мужчины, у двоих пистолеты. Полиция предполагает, что это те самые бандиты, которые тяжело ранили охранника парка. Все они умерли от удушья. Похоже, что во время ночёвки произошёл обильный выброс ядовитых газов. Верно говорят, что за греховные деяния рано или поздно приходится нести ответ.

Возвращались в Сан-Лукас в темноте. На небе непривычно быстро вызревали первые созвездия (чем ближе к экватору, тем короче сумерки). Дохнуло ночной прохладой. Мы уже представляли, с каким блаженством растянемся на спальниках, как при въезде в город уперлись в пробку. От проезжающих узнали, что движение перекрыто в связи с перестрелкой в рейсовом автобусе. Оказывается, четверо вооружённых бандитов (опять четверо!) пытались ограбить пассажиров, но в салоне оказался одетый в гражданское офицер. Когда бандиты приблизились, он застрелил двоих. Сейчас организована облава на остальных, и все машины досматривают.

Добравшись до «Колонии», рассказали о случившемся Пабло. Он с горечью подтвердил, что подобные случаи у них не редкость. У него самого недавно прямо на улице отняли телефон: приставили «пушку» — пришлось отдать. По его словам, в стране практически каждый житель после окончания гражданской войны подвергался ограблению.

Пабло объяснил разгул преступности слабостью президента, идущего на поводу у «защитников» прав человека, которые под флагом улучшения имиджа страны в глазах мировой общественности (читай — США) добились отмены смертной казни и проводят самое тщательное расследование по каждой жалобе заключённых (плохое питание, отсутствие телевизора в камере и т. п.).

В итоге в стране возникла парадоксальная ситуация: когда ежедневно убивают по несколько законопослушных граждан, включая детей, а десятки подвергаются ограблению, «защитники» прав человека молчат, но попробуй задеть права преступника — сразу шум поднимают. Его, оказывается, надо холить и лелеять, создавая за счёт твоих же налоговых отчислений комфортные условия содержания. И это на языке американцев называется проявлением гуманности! А у самих, например, даже за открытую бутылку спиртного в машине могут трезвого водителя посадить в тюрьму. В своей стране нужен порядок, а в других странах пусть процветает преступность. Очень выгодная для Соединённых Штатов идеология: деморализованными, боящимися друг друга людьми легче манипулировать.

Может, вы удивитесь, но при всех этих ярких примерах разгула преступности моё мнение о гватемальцах не изменилось — это работающий, дружелюбный и отзывчивый народ.

Помимо восхождения на вулканы в Гватемале состоялось ещё одно важное событие. На следующий день после возвращения с Фу-эго нас пригласили в Президентский дворец на пресс-конференцию с корреспондентами гватемальских газет и телевизионных компаний. К назначенному времени подошёл консул России в Гватемале Виктор Попович и провёл нас через несколько залов-коридоров в специально оборудованную комнату. Там уже ожидали репортёры с диктофонами и телекамерами. В президиум сели консул, Костя и Пабло. Остальные разместились в зале. Андрей заранее подготовил подборку фотографий, и они прокручивались на большом мониторе в режиме слайд-шоу. Представив нас собравшимся, консул на испанском языке произнёс вступительное слово, упомянув про эвакуацию раненого гватемальца с вулкана, что вызвало аплодисменты зала. Костя рассказал о целях и задачах экспедиции. После чего мы отвечали на вопросы как научного, так и бытового характера.

Вечером того же дня по всем основным телевизионным каналам Гватемалы прошли передачи о русских, спасших жизнь их соотечественнику. Один корреспондент даже успел взять интервью у лежащего в больнице охранника.

За ужином отец Пабло угостил нас виски «Гленфиддик». Будучи большим ценителем этого напитка, он прочитал нам целую лекцию о том, как правильно пить его. Гурманы, оказывается, в виски более всего ценят не вкусовые свойства, а обонятельные — качество

виски определяется по выдоху через нос. Чем старше виски, тем оно лучше. Как выразился Пабло, «время забирает из виски огонь и оставляет тепло».

НАШ БЫТ

С 14 мая начался новый этап — велосипедный. Что с машиной? — спросите вы. Она на ходу и пока сопровождает сзади, обеспечивая безопасность велосипедистов.

Движемся к границе с Сальвадором. Кругом всё цветёт, а что-то уже и плодоносит — в этих краях нет выраженной сезонности. Особенно хороший урожай на манговых деревьях: плодов на них больше, чем листьев.

За рулём «Сафари» поочерёдно то я, то Илья. В таком режиме будем ехать до Панамы, где с машиной расстанемся окончательно. Дневной пробег, естественно, заметно сократился. И фотографировать стали меньше. (Чтобы сделать кадр, надо остановиться, а потом... долго и упорно догонять команду.)

В этой главе поподробнее опишу распорядок нашей экспедиционной жизни. Он довольно жёсткий.

Первым в шесть утра встаёт дежурный и потихоньку, чтобы не разбудить похрапывающих счастливицев, выползает из палатки, надевает налобный фонарик. Затем достаёт из специальной сумки две бензиновые горелки. Находит самое безветренное место (если такового нет, то сооружает из подручного материала ветрозащитную стенку), подкачивает воздух в баллоны с бензином (для создания избыточного давления), устанавливает горелку, надевает распылитель и, открыв по очереди оба краника, поджигает бьющее тоненькой струйкой горючее.

Когда распылитель раскалится докрасна, пламя приобретает голубой цвет и начинает гореть с ровным жизнерадостным рокотом. Теперь можно ставить котелок с водой и засыпать в него выданные Лёхой ещё с вечера продукты (как правило, это крупа — перловая, рисовая, гречневая — либо сублимированное картофельное пюре). Во втором котелке кипит вода для кофе или чая в пакетиках (листового никак не найдём). В утреннем меню хлеб не предусмотрен. Зато полагается по две, изредка по четыре печенюшки. Ровно к 7.00 завтрак должен быть готов и поровну разложен в миски.

После этого наступает самый торжественный момент: дежурный играет побудку. Тут разрешается импровизировать. Один бодро «прогорнит» из пионерского детства: «Вставай! Вставай! Постели заправляй!» (Был ещё и такой вариант: «Вставай, дружок, с постели на горшок!») Другой просто гаркнет раза три: «Подъём!» Третий просто позовёт: «Мужики, завтракать!»

Просыпается каждый по-своему. Кто-то за пять минут оделся, умылся и у своей миски стоит, а кто-то только из палатки выползает. Тяжелее всех утро начинается у Андрея (видимо, никак не отоспится от работы на станции скорой помощи на две ставки). В это время с ним лучше не общаться (через час — милейший человек). Аппетит в такую рань, конечно, нулевой, но заставляем себя съесть всё до последней крошки,

иначе к обеду выдохнешься. Личную посуду каждый моет сам, а общую — котелки, поварёшку и сковородку — дежурный. Он же упаковывает продуктовую сумку. Остальные в это время вытряхивают из палаток в начале экспедиции — изморозь, а сейчас — капельки конденсата, осевшего от дыхания, и «забивают» палатки в компрессионные мешки. То же самое проделывается со спальниками. После этого либо карабкаемся с одно- или трёхдневным запасом продуктов на вулкан, либо едем к очередному коптящему голубой свод «прыщу». Неизменно одно: выход в 8.00. Кто не успел собраться — догоняет. Как? Это уже его проблема.

Время остановки на обед, в зависимости от ситуации, плавает в районе часа дня. Обеденное меню обязательно из трёх блюд. Суп — варьируется в зависимости от того, какие продукты в наличии, а вот салат обязателен и неизменен (мелко нарезанные помидоры, огурцы, капуста, чеснок, лук, с растительным маслом). Да, к супу ещёлагается два куска хлеба. Правда, зачастую это какая-то пустая, безвкусная, мнущаяся, как пластилин, гадость, только внешне похожая на хлеб. Мы тут даже зауважали отечественные хлебозаводы. В завершение — чай с вафлями или печеньем.

Жизнь и критика товарищей заставила всех, вне зависимости от опыта, стать ещё и поварами. Маяк и наставник в этом ответственном деле для нас — шеф-повар одного из лучших ресторанов Краснодара Алексей Казаченко. Костя, придавая большое значение качественному и полноценному питанию, даже объявил конкурс «Лучший повар экспедиции». Все с азартом включились в него.

Чтобы заполучить голоса товарищей, каждый из нас на ужин, завтрак и особенно обед изобретал поражающие воображение рецепты, а потом подолгу колдовал над продуктами. Оценки трижды в день заносились в таблицу. Через шесть дней подвели итог. Он оказался неожиданным: двое набрали одинаковое количество баллов. Поэтому звание «Лучший повар экспедиции» получили Коля и — гип-гип-ура! — автор этих строк. Наш учитель Лёха занял второе место. Ему присудили утешительный титул «Лучший наставник».

После обеда всегда часовая передышка. Костя строго соблюдает главную заповедь профессионального путешественника: «Не ленись отдыхать!» Тем более что в это время пик жары. (Если не соблюдать это правило, неизбежны срывы и конфликты.)

Отдохнув, садимся на своих железных «коней» и, обливаясь потом, ещё четыре часа крутим педали при температуре плюс 35 градусов. Место для ночлега начинаем присматривать задолго до захода солнца. Дело в том, что почти вся земля в частной собственности и огорожена колючей проволокой. Съезды к речкам тоже перекрыты шлагбаумами. Порой поиск бесхозного пятачка затягивается до темноты, и палатки ставим уже при свете налобных фонариков.

Вечер — время систематизации собранной информации, ремонта снаряжения, велосипедов, написания отчётов для сайта РГО, заполнения экспедиционного журнала. Последнее делаем по очереди, при этом каждый ещё ведёт свой персональный дневник. Николай, помимо этого, заполняет сводку метеонаблюдений и таблицу обследованных вулканов; Илья — дневник ремонтных работ, а Андрей — медицинский журнал.

Уже три месяца, как мы в пути, однако результаты медицинского и психологического мониторинга стабильно хорошие. Из заболеваний — одно простудное и радикулит. Из травм — несколько ссадин об острые кромки вулканической породы. Так что расход медикаментов невелик.

Помимо армейского распорядка и полноценного питания, помогают переносить нагрузки витамины, которые мы пьём под строгим контролем доктора ежедневно. Начиная с Гватемалы ещё принимаем и противомаларийные препараты: риск заражения малярией актуален до Боливии включительно.

После ужина, сдобренного парой смешных историй из богатой биографии командора, объявляется отбой. Обычно не проходит и трёх минут, как окрестности начинает сотрясать могучий храп уставших мужиков. Иногда, под настроение, ужин плавно переходит в вечер воспоминаний и душевных бесед.

Думаю, не лишним будет пояснить, как мы поддерживаем связь с Россией. Чтобы отправить в РГО топик или новость, заезжаем в ближайший городок и, поймав на свой ноутбук сеть беспарольного доступа, по-быстрому передаём в Москву заранее приготовленные фотографии с текстами. Если открытую сеть найти не удаётся, подъезжаем к кафе, заказываем на шестерых один чай и получаем пароль для вхождения в Интернет. Для личной переписки используем СМС-сообщения. В зависимости от количества передаваемых знаков они обходятся в 8–12 рублей каждое.

САЛЬВАДОР

Сальвадор — площадь 21,04 тыс. кв. км,
население — 7 млн человек,
столица — Сан-Сальвадор.

6

Въехали в самую плотно заселённую страну Центральной Америки — Сальвадор. Горы здесь пониже, зато леса и погуще, и побогаче. Осыпавшиеся с деревьев плоды местами покрывают землю сплошным ковром. Хозяйственный Коля набрал полный мешок манго, и теперь на привалах мы обедаем ими. На полянах и в лесу половина растений — это наши комнатные цветы. Живности тоже прибавилось. Когда я углубился в кущи и присел подумать о смысле жизни, меня здорово напугал броненосец. Он затаился в траве, а в решающий момент, недовольно фыркая, побежал прочь, да так шумно, что переполошил стаю ярко раскрашенных попугаев.

Народ в Сальвадоре беднее, чем в Гватемале, но ещё приветливее. Стоит с прохожим поздороваться, как его лицо расплывается в доброй улыбке и, кажется, начинает светиться изнутри. На улицах стайки школьников: девочки в белых гольфах, клетчатых юбочках, белых сорочках, мальчики в чёрных брюках и светлых рубашках.

Помимо автомобильного транспорта, в этой стране много и гужевого, запряжённого волами. Что любопытно, колёса у повозок деревянные, без металлических ободков. Часто видим мини-заводики по обжигу кирпича и черепицы: три-четыре печи, поддоны с готовой продукцией под длинным навесом прямо у дороги — покупай и тут же грузись. Удобно!

В Сальвадоре запланировано одно восхождение — на вулкан Сан-Мигель. С трассы его хорошо видно, но, пока подбирались к нему, прилично поплутали: то свернём не туда, то нужный поворот зевнём — указателей-то нет. Ещё проколы замучили — аж четыре за день! Так что к его подножью подъехали только к вечеру.

На ночёвку встали на склоне, покрытом чёрным «керамзитом». По боковому срезу дороги видно, что его в последний раз насыпало под три метра!

Когда разворачивали лагерь, из чащи вышел и направился к нам местный житель, худощавый индеец лет сорока.

— Хуан Мигель, — представился он.

Из его туго набитой заплечной сумки торчали фазаньи хвосты. Мы были в недоумении: у человека ни ружья, ни лука, как же он их добыл? В этот момент индеец вскинул рогатку и, растянув резину на весь размах рук, выстрелил. Поворачиваем головы: метрах в двадцати пяти на земле бьёт крыльями фазан, второй скрылся за макушками деревьев. Оказывается, местные охотятся с рогаткой! Правда, она несколько отличается от нашей: вилка узкая, с параллельными сторонами, а резина

128

очень тугая. Стреляют тяжёлой галькой, шарикоподшипниками и даже гайками — все эти боеприпасы лежат на дне «ружейной» сумочки. Я был так восхищён возможностями «древней пращи», что принялся уговаривать Хуана продать её для моей этнографической коллекции. Когда сделка состоялась, поинтересовался, не продаст ли он и висевшее на поясе в толстом кожаном чехле мачете. (Мачете сальвадорских мастеров считаются самыми лучшими в Латинской Америке. Они заменяют и топор, и нож, и косу, и газонокосилку.)

К моему удивлению, индеец легко согласился. И цена оказалась приемлемой — 10 долларов.

Пока общались, Николай накрыл стол. За трапезой Хуан рассказал, что, когда он был маленьким, из кратера вулкана несколько раз текли огненные реки, а сейчас лишь пепел выбрасывает. Тем не менее посоветовал быть наверху осторожнее, потому что из жерла иногда вылетают «горячие лепёшки».

В тропиках осадки выпадают, как правило, во второй половине дня, поэтому на Сан-Мигель вышли спозаранку. Поначалу поднимались почти вприпрыжку, но примерно через километр лес сменился до того густыми зарослями высокого кустарника, что пробраться сквозь него можно было лишь звериными тропами-тоннелями и только встав на четвереньки. Одолев их, облегчённо вздохнули. Но рано радовались — через метров пятьдесят путь преградила стена травы высотой в три метра (!). Пробивая сумрачные траншеи (неба не было

129

видно), промокли от обильно выпавшей росы. Наконец и эта полоса препятствий позади. Ура! Основной конус уже совсем рядом! К нему вела узкая, шириной не более полутора метров, рыхлая перемычка, разделявшая два боковых кратера. Она состояла из округлых комочков чёрной и красноватой пемзы. То, что она такая узкая, мы не могли сразу разглядеть, так как находились внутри наехавшего на нас облака. И хорошо, что не видели, иначе вряд ли решились бы идти по ней.

Ступали, как канатоходцы, балансируя широко раскинутыми руками. У меня от одного воспоминания об этом акробатическом переходе даже сейчас холодеет спина — по обе стороны угадывались теряющиеся в молочной мути пропасти. Один неверный шаг — и полетишь вниз. Я шёл последним, и, когда за моей спиной тяжёлым, густым выдохом что-то прошелестело, мне показалось, что ещё миг, и перемычка уйдёт из-под ног...

Взойдя на скальный выступ, стали карабкаться по базальтовым плитам, присыпанным вулканическим пеплом и шлаком, туда, где грозно урчало жерло. Текучий шлак то и дело стаскивал вниз, но мы, цепляясь за подворачивающиеся глыбы, упорно продолжали карабкаться вверх. До кромки кратера оставалось совсем немного. Последний рывок — перед нами разверзается огромный провал, завершающийся конусообразной воронкой — жерлом. Из его невидимого истока вылетают клубы пепла, с боковых стен бьют струйки вонючего, желтоватого цвета пара. Отсняв эту жутковатую картину, мы прошли вдоль ребра кратера к ме-

сту, где была возможность спуститься по ступенчатым уступам к базальтовой террасе, опоясывающей кольцом теряющуюся в дыму раскалённую утробу напряжённо рокочущего Сан-Мигеля.

Сойдя на неё, осторожно приблизились к краю, покрытому ещё не остывшими вулканическими бомбами: следы ночного выброса. Обдало жаром, густо пахло серой. Тут перед нами что-то неуловимо меняется, и мы видим сквозь дым четыре — нет, вон и пятый проступил — ярких фиолетово-зелёных тороидальных кольца, каждое с метр в диаметре. От них исходит пульсирующий свет.

Я замешкался, а Костя успел вскинуть фотоаппарат, но в этот момент раздался хлопок, и... кольца разлетелись быстро гаснущими брызгами. Феерическое зрелище! Мы чуть не плачем — такой снимок зевнули! Первым вспомнил о цели посещения вулкана неустойчивый труженик Николай. Достав свой термошуп, лазерную линейку, он приступил к измерениям. Мы же не сводим глаз с курящегося провала в надежде ещё раз увидеть кольца. Когда Коля завершил стандартный перечень работ и мы полезли обратно на гребень кратера, всё оглядывались — а вдруг?! Выбравшись наверх, Лёха достал две плитки шоколада и разделил на всех.

— Ну как вам «летающие бублики»? — спросил командор, отхлёбывая из пластиковой бутылки воду.

— Оптический обман или игра света. Что-то вроде радуги, — рассудительно произнёс Коля.

— Ничего себе радуга! Так рванули! — возразил Андрей.

— Эх вы, индейцы! Это ж один из видов шаровой молнии.

Чтобы не рисковать, к лагерю решили спускаться в обход нижних кратеров, значительно правее остатков перемычки. Выйдя на открытое лавовое поле, увидели у подножия конуса оранжевые купола наших палаток. В лагере нас поджидал Хуан Мигель, но уже не один, а с застенчиво прячущейся за его спиной супругой. Они принесли нам испечённого на углях фазана. Прощаясь, Хуан пригласил к себе в гости помыться. Его предложение было как нельзя кстати: после восхождения мы были грязнее трубочистов.

Сворачиваем лагерь, загружаем вещи в «Сафари» и на велосипедах спускаемся вниз. Илья на машине следом. Соединённые тропками хижины стояли прямо в лесу. Дом Хуана второй от дороги. Первый — его родителей. Правда, дом — это громко сказано. Хлипкие строения больше походили на крытые террасы. К ним по ветвям деревьев подведены водопровод и электричество: просто, быстро и минимум затрат. Внутри дома между стоек висят гамаки, а вдоль стен полки, заставленные всевозможной домашней утварью.

Хуан вместе с чёрной, вертлявой, очень худой собачкой поджидал у калитки. Вокруг, перелетая с одного куста гуавы на другой, выкрикивали приветствия попугаи-неразлучники.

Пока по очереди отмывались под прохладными струями душа, посмотреть на русских собрались почти все жители деревни. Мы рассказали об экспедиции, ответили на многочисленные вопросы — их интересовало, как живут, чем занимаются люди в России. Завершив беседу, трогаемся. Впереди Гондурас!

СЛУЧАЙ В ГОНДУРАСЕ

Гондурас — площадь 112,09 тыс. кв. км,
население — 7 млн человек,
столица — Тегусигальпа.

7

Через Гондурас, покрытый выжженной травой, пнями вырубленного леса, по которому уныло бродят стада голодных, костлявых коров, бамбуковыми хижинами, неряшливо обмазанными глиной, проскочили на велосипедах за день с небольшим. Запомнилась эта страна алчущими полицейскими и жуликоватыми (точь-в-точь как в Мексике) продавцами. Тягостное впечатление усилили грифы, терзавшие возле обшарпанного КПП жеребёнка.

Наш приезд имел для жителей этого мини-государства самые благоприятные последствия: мы привезли долгожданный дождь. Он как с вечера зарядил, так и лил всю ночь. Стволы деревьев почернели, потрескавшаяся за время засухи земля набухла, покрылась пузырящимися лужицами. Она жадно упивалась живой влагой, а когда насытилась, вода стала скатываться мутными потоками в русла пересохших ручьёв и речушек.

Утром окрестности было не узнать. От обилия влаги и тепла (плюс 31 градус) всё враз зазеленело, а воздух наполнился радостными трелями порхавших с дерева на дерево птиц. Мы тоже заразились всеобщим праздником чудесного преображения ещё вчера безжизненной, дрожащей от жары панорамы и в самом благодушном настроении приближались к границе Никарагуа — страны, в которой долгое время шла с переменным успехом гражданская война между проамериканскими силами и мощным патриотическим движением сандинистов, возглавляемым нынешним президентом страны Даниэлем Ортега.

Процедуру выезда из Гондураса прошли, благодаря наработанному опыту, довольно быстро — минут за тридцать. При этом Костя с Андреем ещё умудрились отбить попытки жуликоватых служак заполучить с нас несколько десятков долларов за придуманные ими самими «налоги».

Воодушевлённые торжеством справедливости, бодро подкатили к никарагуанской границе. Площадка вокруг шлагбаума была забита юркими трёхколёсными мототакси, ордами снующих по всем направлениям людей, а по краям заставлена прилавками, тележками со всевозможным товаром, часть которого лежала прямо на асфальте. Для доступа в помещение пограничной службы в торговых рядах устроены проходы.

Как только мы остановились, нас окружили валютные менялы и шустрые ребята, демонстрирующие бейджики с подтверждением их полномочий на оформление необходимых для пересечения границы бумаг. Мы уже знали, что эта шпана реально ничем не поможет, а деньги тем не менее потом будет требовать. Поэтому Костя деликатно раздвинул их и отправился в турне по кабинетам самостоятельно. Мы же, чтобы не мешаться, зашли в тень под металлический навес.

В этот момент раздался взрыв, и между стен заметалось раскатистое эхо. Лежавшие у стены собаки вскочили и, поджав хвосты, кинулись врассыпную. Клевавшие раздавленное манго птицы взмыли в небо. Люди тревожно завертели головами. Один из менял, видимо участник боевых действий, мгновенно распластался на грязном асфальте, закрыв затылок руками. Полногрудая женщина с кувшином на голове запнулась об него, и посуда грохнулась прямо на развал с майками, безрукавками и цветастыми платками. Сам кувшин не разбился, но из него хлынула, заливая товар, густая коричневая жидкость.

Что тут началось! Обезумевший хозяин, вопя испанские проклятия, стал выдёргивать и откидывать подальше от расплзающейся лужи чистые вещи, а женщина сгребать ладошками жижу в кувшин. В это время раздался второй взрыв, правда, послабей. Только тогда перепуганная толпа обратила внимание на то, что оглушительный звук издаёт один из русских. Тот виновато разводил руками: «Извините, ребята, ничего не могу поделать — с детства так чихаю». Но люди не разделили его благодушия и были настроены весьма и весьма агрессивно. На наше счастье, в это время появился Костя. Он махнул рукой с пачкой бумаг и скомандовал: «Поехали!»

Чтобы избежать последствий праведного гнева, мы рванули что было мочи в указанном направлении. Остаётся добавить, что даром издавать при чихании громopodobные звуки Господь наградил... меня. Ребята к ним уже привыкли, но даже они нет-нет то ложку выронят, то прольют её содержимое на соседа. Что уж говорить про тех, кто не знаком с этой особенностью моего организма.

Интересно, что реакция на мой оглушительный чих у всех народов разная. Мне понравилось, как среагировала на «гром среди ясного неба» группа японских туристов, с которой я в составе команды выдающегося путешественника России Николая Рундквиста ехал к ледникам Калафате, что на самом юге Патагонии. Сначала в салоне автобуса на несколько секунд воцарилась гробовая тишина, а затем раздались... дружные аплодисменты и восхищённые возгласы. Кто бы мог подумать, что молчаливые, замкнутые японцы способны находить комичное там, где другие впадают в панику!

Сегодня, безусловно, сыграло роль место: закрытое металлическими листами пространство резонировало, а заметавшееся между стен эхо усилило моё «апчхи», создав полную имитацию раскатистого взрыва. Получив от командора нагоняй за неудачный выбор времени для сотрясения округи, я в ответ мстительно чихнул в третий раз (это уж закон — всегда три раза!), и мы, посмеявшись, с удвоенной силой закрутили педали, наматывая на колёса первые километры никарагуанской земли.

НИКАРАГУА

Никарагуа — площадь 129,5 тыс. кв. км,
население — 7 млн человек,
столица — Манагуа.

8

Чем отличается Никарагуа от других стран Центральной Америки? Сразу бросается в глаза более высокий уровень развития аграрного сектора. Плодородные равнины распаханы, засеяны. Гор мало, в основном пологие гряды холмов. На огороженных бесчисленных пастбищах пасутся тучные стада породистых коров и конские табуны. В южной части страны тянутся на десятки километров банановые плантации (и молодые, и плодоносящие).

На высоких, открытых всем ветрам, возвышенностях выстроились рядами белокрылые ветряки, вырабатывающие для страны почти дармовую электроэнергию. И вырабатывают, похоже, немало: рядом стоят мощные трансформаторные подстанции.

Городки уютные, чистые. На улицах удивило необычное сочетание видов транспорта: между громадными «тойотами» ползают тяжело гружённые одноосные арбы. Если за предыдущие три месяца мы видели всего одну «ниву» (кажется, в Канаде), то тут за полдня проехали три «нивы», две «семёрки», один уазик, новенький курганский автобус (очень даже симпатичный) и, конечно, труженик КамАЗ.

Индейцы здесь преобладают. Их легко отличить от потомков испанцев по более грубому, резким чертам лица и крепкому телосложению. Одеты все по-европейски. Пока только в Гватемале встречали целые районы, где индейцы ходят в национальных костюмах.

Что ещё бросилось в глаза в Никарагуа? Вдоль дорог много навесов, под которыми в гамаках с отрешённой задумчивостью раскачиваются мужчины (женщинам не до того — они в это время стирают, готовят еду, нянчат малышей...). Как нам объяснили, именно в Никарагуа делают лучшие гамаки, а в Сальвадоре — самые крепкие мачете. Ну вот и всё на сегодня. Ребята давно спят, а я при свете налобного фонарика всё тьюкаю одним пальцем по клавиатуре ноутбука, временами отмахиваясь от ярких светлячков, мечущихся вокруг меня.

Так что буэнос ночес, сеньоры и сеньориты! Вернее, буэнос тардес — в России-то уже день!

138

В ГОСТЯХ У МАСАЯ

С утра, как только восходящее солнце стёрло с небосвода затейливые письмена созвездий, поехали к вулкану с необычным, переносящим из Никарагуа в Африку, названием — Масая.

Поначалу наш караван, состоящий из пяти велосипедов и одной машины, то и дело обгонял бодро цокающих по асфальту кобыл, запряжённых в двуколки, но вскоре из-за образовавшейся на заднем правом колесе «Сафари» громадной грыжи мы сбавили скорость: машину трясло, как на вибростенде. И теперь уже лошадки обходили нас. В конце концов Илья вырулил на обочину. Поставив запаску, он уехал искать шиномонтажную мастерскую, чтобы купить хотя бы старенькую покрывку.

Из-за этой непредвиденной задержки до лесистой подошвы вулкана добрались только к полудню. Успокаивало то, что конус невысокий и технически простой, — до вечера точно обернёмся.

Поднимались не торопясь, мягким, размеренным, так называемым, гималайским шагом. По опыту предыдущих восхождений убедились: чем медленнее идёшь, тем быстрее будешь у цели.

Ближе к кратеру щебень и оранжевые ноздреватые шарики стали «жирными», будто пропитаны маслом. Появились первые вулканические бомбы — оплавленные, довольно правильной эллипсоидной формы камни. Чем выше, тем больше. А вон и комочки серы зажелтели.

139

Открывавшаяся нашим взорам панорама с каждым шагом ширилась: во все стороны разбегались невысокие, похожие на зарубцевавшиеся раны хребты. Наконец, видим гребень кратера, весь жёлтый от серы. Явственно ощущаем её резкий запах. Из кратера столбом поднимаются мглистые клубы, в которых кружат... грифы. Непонятно, что их в этой ядовитой мути привлекает!

Делаем последний шаг — и под нами очередная бездна. В лицо пахнуло жаром. На дне сквозь дым угадываются то ли язычки пламени, то ли расплавленная магма. Земля подрагивает. Из почти отвесных стен жерла со свистом бьют сквозь щели струи дыма. Их напор переменчив: вялая, чуть живая дымная струйка вдруг превращается в напористую очередь из плотных клубков пепла.

Картина довольно точно соответствует описанию преисподней, данному Данте в «Божественной комедии». Чётко просматриваются те же девять ярусов для грешников: у кромки — обитатели мало грешивших, пониже, там, где страдалище дышит безжалостным, очищающим жаром, греховодники помастятее, а где-то в самом нутре корчатся в расплавленной магме в страшных муках ниже всех падшие.

Сама собой приходит мысль: может, ад вовсе и не выдумка церкви. Вряд ли случайно почти во всех религиозных учениях это понятие не только присутствует, но и описание совпадает в деталях.

КОСТА-РИКА

Коста-Рика — площадь 51,1 тыс. кв. км,
население — 4,3 млн человек,
столица — Сан-Хосе.

9

Вытянутая узкой закорючкой с севера на юг Коста-Рика, пожалуй, самая ухоженная и красивая страна Центральной Америки. Благодаря удачному расположению между двумя океанами, с избытком обеспечивающих страну влагой, а также плодородию земли, щедро сдобренной высокоминерализованным пеплом вулканов, её горы и долины покрыты буйной растительностью, среди которой немало реликтовых видов. Не случайно фильм «Парк юрского периода» снимался именно здесь.

Но понаслаждаться экзотически пышной красотой этого края нам удалось лишь первые три дня — на четвёртый начался давно ожидавшийся сезон тропических дождей, и мы до глубины самых внутренних органов прочувствовали, что кроется за этим будоражащим воображение россиянина понятием. Солнечный, брызжащий радостью и покоем, зелёный рай в одночасье превратился в пропитанную водой хмарь.

Ливни здесь настолько бурные и щедрые, что через 3–5 секунд на тебе не остаётся ни одной сухой нитки. Не ливень, а водопад! Слава богу, что тёплый. Невольно удивляешься: как такая огромная масса воды могла полдня парить над землёй? Потом, когда насквозь мокрый летишь на скорости 50 км/ч на велосипеде с горы, дрожишь от холода, а на подъёмах, наоборот, чувствуешь себя так, словно в турецкой бане. Вдобавок ко всему ущелья наштапигованы влажными лохмотьями вновь вызревающих туч. Так что теперь постоянно дышим водной аэрозолью. Единственный промежуток времени, когда можно отдохнуть от сырости и хоть немного обсохнуть, — утро.

Подъём на самый высокий перевал Центральной Кордильеры (3300 м) чуть не доконал нас: после изнуряющего восхождения по крутому склону мы оказались на высоте, где было весьма прохладно, всего 8 градусов. К тому же пошёл холодный дождь. К вечеру мы до такой степени заоченели, что руки не слушались: палатки целый час ставили. Зато на следующий день за три часа спуска сбросили 2700 метров. Летели вниз на такой скорости, что на серпантине двое ребят не вписались в поворот и, врезавшись в бетонный бордюр, улетели в кусты. К счастью, отделались лишь синяками и царапинами, да на колёсах выбило с десятков спиц.

Все дни, что едем по Коста-Рике, я страдаю, пожалуй, больше всех. Дело в том, что до этого я, меняясь по очереди с Ильёй, перио-

142/143

дически ехал на машине, а в Коста-Рике Костя окончательно пересадил меня на велосипед. Саму езду, несмотря на то что последний раз катался в девятом классе — 45 лет назад, освоил довольно быстро. Пришлось только научиться вовремя и грамотно переключать скорости (их 24 комбинации) и привыкнуть к необходимости тормозить одновременно колодками обоих колёс. Если тормозить только передними, то кульбит, особенно на скорости, гарантирован. (В моём детстве тормоз был только на заднем колесе, а скорость вообще одна.)

Все эти тонкости я освоил за пару часов. А вот к узкому и жёсткому сиденью никак не мог привыкнуть. Уже после третьей ходки нижняя часть «продолжения спины» начинала болеть так, что хотелось завывать в полный голос. Боль временами достигала такой силы, что казалось, вот-вот начнутся родовые схватки. (Как я теперь понимаю женщин!)

Первые дни даже ходить нормально не мог — ступал, раскорячив ноги. Потом ничего — пообвык. Ребята же давно адаптировались. Лёхе вообще неведомы подобные страдания — он велоспортом лет пятнадцать занимается, и у него там уже все нервы поотмирали.

На подъёмах я прилично отстаю, зато на спусках нагоняю — в итоге баланс обеспечивается. В общем, я доволен собой: пока иду неплохо. А когда мчишься с крутой горы и на бешеной скорости

обгоняешь фуры, то и вовсе представляешь себя лихим джигитом. В такие моменты от переполняющего сердца восторга начинаю кричать, как обезумевший ишак.

Из-за непрекращающихся ливней реки с каждым днём набухают. Прозрачные струи превратились в мощные, кирпичного цвета потоки, несущиеся с огромной скоростью и готовые в любой момент выплеснуться из берегов. Камни по дну уже не постукивают, а гремят и скрежещут из-за угрозы наводнения. Ночевать у реки стало смертельно опасно.

Коста-Рика мне напоминает Швейцарию. Ухоженная, чистая, благополучная. Неудивительно — больше ста лет без войн! А в Гватемале и Никарагуа война завершилась недавно — на исходе 20 века. Тут даже по собакам заметно, что страна не бедствует. До этого, начиная с Мексики, на них трудно было без слёз смотреть — до того худые (рёбра ивовыми прутьями выпирают), вялые. В Коста-Рике же все упитанные, бодренькие и хвостами весело помахивают.

Впечатляет и то, как костариканцы берегут свою и без того богатую флору и фауну. Недаром говорят: Коста-Рика — страна заповедников и национальных парков. Под них отведено 25% территории! (В мире немало стран, где этот показатель ещё выше: 30 и даже 40%. У нас, я думаю, он не более 3%, правда, вся Восточная Сибирь практически и так заповедник.)

В непроходимой тропической сельве обитают обезьяны-ревуны, пумы, ягуары, муравьеды, еноты, оцелоты, ленивцы, дикобразы, игуаны, белки. Ну, а от птичьего гама по утрам просто звон стоит. Тут и разномастные стаи попугаев, туканов, и крохотные колибри, и много других, незнакомых нам пернатых. Среди цветов лениво порхает морфа, самая большая бабочка. Индейцы считают, что эти бабочки — лесные

боги, охраняющие вверенную территорию. Вечерами разом, как будто по чьей-то команде, начинают оглушительно звенеть цикады.

Ночью воздух наполняется мириадами ярко мигающих огоньков-фонариков — светлячков. Их тут так много, что кажется, будто на чёрном бархате тропической ночи мечутся в броуновском движении тысячи созвездий. Возникает иллюзия, будто сам лежишь среди звёзд! Но когда такой огонёк вдруг сядет на тебя, то при свете налобного фонарика видишь, что это обычный, зеленоватого цвета жучок.

Приятным сюрпризом было отсутствие кровососов. Вечером изредка кусают комары, а днём муравьи — и всё. Правда, чешутся эти места потом долго.

Растительность тут такая буйная, что листья папоротника — в три-четыре метра длиной, трава в рост человека, а «лопухи» по два метра в диаметре! Может, поэтому так много муравьёв-листогрызов?

Нетронутая природа настолько красива, разнообразна и богата, что от иностранных туристов отбоя нет. Не удивительно, что туристическая индустрия обеспечивает 85% поступлений в бюджет государства. Основные доходы идут с побережья, но и в горах можно увидеть велосипедистов, мотоциклистов. Немало иностранцев приезжает и в полуторамиллионную столицу — Сан-Хосе. Среди них мы встречали представителей самых разных стран, но в большинстве всё же американская молодёжь. Их сразу видно: джинсы носят настолько низко, что трусы наполовину наружу. Ребята с виду крепкие, спортивные, но когда здороваются, ощущение, будто не мужская ладонь у тебя в руке, а пучок верёвочек. Поскольку я привык жать от души, они, бедняги, аж приседали.

Сан-Хосе не произвёл на меня впечатления, хотя чистенький, благоустроенный, уютный. Не утомляет — нет бестолковой суеты. В то же время хватает и бродяг, и попрошаек.

Заглянул в художественный салон. На стенах множество пейзажей, нарисованных прямо на перьях тропических птиц, вставленных в рамки под стекло. Оригинально смотрится. Такого дизайнерского решения я ещё не встречал. С удовольствием купил бы, да лишний груз не могу себе позволить.

Картины маслом послабее, чем у наших художников, хотя один холст с обнажённой женщиной, читающей книгу в постели, впечатлил. Мастер сумел необычайно целомудренно, романтично и вместе с тем волнительно показать красоту женского тела — самого восхитительного творения Создателя. Изумила и резьба по дереву! Пластика и изящество форм потрясающие! Есть шедевры хлебе, чем у танзанийских куесников.

В Коста-Рике порадовало то, что здесь можно купить не пластиковый, вязнувший в зубах, а съедобный, с хрустящей корочкой хлеб. Правда, только белый и такой невесомый, что семидесятисантиметровая «сигара» весит всего 150 граммов. Ну и ладно — зато вкусный! Вообще, ещё раз хочу добрым словом помянуть наши

российские продукты. Мы их обычно ругаем, но, как говорится, всё познаётся в сравнении.

Вулканов в Коста-Рике изобилие. Нашу команду интересовали только два, самые знаковые и интересные. Первый, красавец Аrenal, — молодой и весьма деятельный стратовулкан (конус идеальной формы возвышается над окрестностями на 1720 метров!). В старину индейцы обожествляли его и, чтобы смягчить крутой нрав, приносили многочисленные жертвы. Но в середине 16 века он надолго задремал, и люди, привлечённые плодородием почвы, стали селиться прямо у подножья, а о жертвоприношениях забыли. Проснувшись в 1968 году, он похоронил эти деревни под огнедышащей лавой. С тех пор небольшие извержения происходят практически ежемесячно.

Возле Аренала расположено одноимённое искусственное озеро площадью 80 квадратных километров, являющееся крупнейшим водохранилищем в стране. Оно пользуется огромной популярностью у любителей виндсёрфинга всего мира.

Второй вулкан — Поас (2574 м) — тоже активен. Стоит он в окружении густых, обомшелых от постоянных дождей лесов. Поднявшись на него по оборудованной тропе, мы попытались перейти для съёмки начавшегося извержения на противоположный край кратера, но сумели протиснуться сквозь густо перевитые лианами и корявыми стволами дебри всего лишь на два метра!

146/147

Поас — рекордсмен среди американских вулканов по диаметру кратера — полтора километра! В его широком, залитом лавой кратере свинцово поблёскивает горячее кислотное озеро. По соседству с ним из жерла беспрестанно исторгаются шишковатые клубы пара. Они достигают таких размеров, что можно подумать, будто именно здесь находится главная фабрика по «производству» облаков.

Выше основного имеется ещё два спящих кратера. Они поменьше, их склоны уже поросли лесом. На дне самого высокого приютилось изумрудное озеро Ботос. Оно столь красиво, что одним своим видом навевает покой и радость.

Дороги в Коста-Рике в прекрасном состоянии (ещё бы, асфальта не жалеют — укладывают сразу тридцать сантиметров). Одно плохо — узковаты. Из-за обильных и частых дождей полноводных рек и ручьёв с избытком. Соответственно, и мостов много, но они такой ширины, что проехать может только одна машина. Поэтому перед каждым стоит знак, указывающий, у кого преимущество. Деревья, подступающие к дороге с двух сторон, смыкают раскидистые кроны до того плотно, что едешь порой в зелёном тоннеле.

Жажду во время отдыха утоляем обычно соком увесистых, будто чугунные ядра, кокосов. Наловчились сбивать их длинной жердью или метко брошенным камнем. Прочную, желтоватого цвета «бро-ню» вскрываем сальвадорским мачете. Тут важно одним точным ударом отсечь верхнюю часть плода так, чтобы образовалось отверстие

в полость, заполненную чуть беловатым, всегда прохладным соком, и при этом не отрубить себе палец.

После того как сок выпит, соскребаем ложкой со стенок белую студенистую, весьма питательную массу и с наслаждением поглощаем её. (Сбивать лучше незрелые кокосы — у созревших мякоть жёсткая.) В качестве высококалорийной добавки балуем себя гроздь бананов, растущих поблизости.

Водители к велосипедистам относятся уважительно, но фуры, когда «встречка» занята, проносятся настолько близко, что есть риск улететь от удара воздушной волны в кювет. Правда, на некоторых участках для велосипедистов выделены специальные полосы. По ним ездят спортсмены, велотуристы и местные жители. Последние, во время ливня и в жару, — под громадными, как у Робинзона Крузо, зонтами.

В столице имеется отдельная полоса и для автобусов — они по ней носятся намного быстрее, чем остальной транспорт. Наконец увидел любимую «Паджеро-4». До этого на протяжении двадцати тысяч километров ни одной не встречал.

Обочины чистые, почти возле каждого дома стоят сетчатые «корзины», куда складываются мешки с мусором. За пределами селений вдоль дорог повсюду навесы и павильоны, в которых костариканцы продают сувениры, домашнюю утварь, фрукты, овощи.

Отдельно хочется помянуть добрым словом местную полицию. Она поразила своей доброжелательностью. Здесь полицейские настроены на взаимодействие, а не на репрессии. И водители в ответ платят тем же.

На асфальте часто можно увидеть надпись: «ESKUELO» (ШКОЛА), а рядом на обочине знак «Осторожно — дети». Но удивительно не это, у нас они тоже есть. Удивительно то, что эти надписи встречаются через каждые два-три километра. Количество школ просто ошеломляет! Их строят в каждом селении, где есть 8–10 домов. Вот она, реальная забота о будущем страны: есть школа — есть деревня, нет школы — деревня умирает.

Место для ночлега найти стало значительно легче. Особенно в южной, менее заселённой части страны. А то ведь, бывало, едешь, едешь, и всё частные владения за колючей проволокой. В Коста-Рике их тоже хватает, но между ними всегда имеются свободные прогалы. Тут даже сами ограды посимпатичнее.

Некоторые землевладельцы что придумали: вместо столбиков сажают деревья (это здесь запросто — воткнул ветку, а через год на её месте дерево растёт!) и уже по ним натягивают проволоку. Помимо экологичности, такой способ возведения ограды имеет и экономический смысл — столбики покупать не надо.

Короче, в Коста-Рике есть возможность остановиться там, где нравится, без риска получить пулю в лоб. Насчёт пули — это не преувеличение. Однажды

В этой маленькой стране всё устроено разумно и грамотно, но одного я не понял: для чего уличные фонари горят круглосуточно? Это ж такой бессмысленный перерасход электроэнергии! Не благоразумней ли установить фотоэлементы? Тогда фонари выключались бы с восходом солнца и включались с наступлением темноты. Что любопытно, эта необъяснимая расточительность наблюдается во всех странах Центрально-Американского региона.

в Мексике мы до самой темноты не могли найти место, где пристроить палатки. Деваться некуда — поставили на краю приватной территории. Не прошло и получаса, как подошли ребята с карабинами и, передрнув затворы, направили стволы на нас. Пришлось сворачиваться.

Да, чуть не забыл, в Коста-Рике тоже много ветряных электростанций, стоящих на открытых, доступных всем ветрам возвышенностях. Помимо пользы, они своими стрельчатыми, белоснежными крыльями ещё и пейзаж оживляют.

Сельское хозяйство здесь, по моим наблюдениям, не так развито, как в Никарагуа, хотя для животноводства условия идеальные: кормовая база богатейшая, крутой год тепло. Даже фермы строить не надо — достаточно простых навесов. Встречаются лишь мелкие хозяйства, но мяса в достатке. По крайней мере в магазинах оно свободно лежит по цене от трёх до шести долларов за килограмм. Выращиванием зерновых, похоже, вообще не занимаются. Попадались только небольшие поля с ананасами и сады со всевозможными фруктовыми деревьями.

Северная часть Коста-Рики заселена плотно. Много шикарных вилл, вокруг них на лугах пасутся породистые скакуны с аккуратно подстриженными гривами. Южная — намного реже. Непроступные горы и непроходимые леса затрудняют её освоение. Встречаются лишь хуторки и небольшие усадьбы у дорог. Удивляет то, что многие дома расположены практически вплотную к проезжей части. При этом двери всегда широко распахнуты и внутренность жилища хорошо просматривается.

Народ в Коста-Рике спокойный, открытый. Возможно, это связано с благоприятным климатом и щедрыми дарами природы. Встречались даже натуральные донкихоты. Так, возле вулкана Аrenal на острых камнях пробило облысевшую крышу, а следом и запаску — на ней лопнул корд, и тонкая стальная проволока в нескольких местах проткнула камеру. Что делать?

Проезжавший на квадроцикле пожилой костариканец, узнав о нашей беде, развернулся и повёз Илью в ближайший городок. Объехав три автомастерские, они всё же нашли покрышки подходящего размера. Доставив Илью к нам, он категорически отказался от денежного вознаграждения.

Когда судьба сталкивает с такими отзывчивыми людьми, невольно спрашиваешь себя: «Как бы ты поступил?» Сразу вспомнился случай, произошедший со мной в Башкирии.

В начале декабря 2003 года, вечером, при возвращении из Оренбурга в Уфу, я наехал на кирпич, упавший, по всей видимости, с самосвала. Машину на оледенелой дороге закрутило и сбросило с четырёхметрового откоса. Встречный уазик тут же остановился. Трое ребят, ехавших на свадьбу, забыв обо всём, помогли мне выбраться из машины. Потом три часа (!) на морозе, в темноте, в новых костюмах занимались тем, что вытаскивали мой основательно помятый автомобиль на дорогу. А когда вытащили, отбуксировали его уазиком в село. Я в порыве благодарности протянул им все имевшиеся деньги, так они, и это меня потрясло до спазмов в горле, отказались. Говорят: «Случись с нами беда, ты разве не помог бы?»

Столько времени на морозе и пронизывающем ветру возились с моей машиной, вместо того чтобы веселиться на свадьбе, и всё бескорыстно — просто из сочувствия попавшему в беду человеку! Как это здорово! А я уж думал, что в России людей, способных на Поступок, извели. Так приятно было убедиться, что ошибался. Всё же генотип нашего народа указами не изменишь. Дай бог всем этим замечательным парням здоровья и благополучия! Написал и подумал: «Какие в нашем сознании произошли чудовищные сдвиги: нормальный человеческий поступок стал вызывать изумление».

Ведь от людей сейчас не помощи ждёшь, а радуешься тому, что не избили или не ограбили. Всё перевернулось с ног на голову. Творятся уму непостижимые вещи: те, кто обманул миллионы, в Думе сидят; воры в законе того и гляди статус национальных героев получают. А СОВЕСТЬ — основополагающее качество в человеке — предана забвению, и, думаю, делается это умышленно. Ведь, если провести аналогию с компьютерными сетями, совесть, своего рода программа Касперского, защищает нас от греховных поступков, не даёт торжествовать злу. Но я верю, грядут перемены к лучшему.

Чуть не забыл: в странах Центральной Америки на всех каналах радио и телевидения музыка, песни только национальные. По крайней мере я ни разу не слышал иностранных. Молодёжь растёт на родных, жизнерадостных мотивах и ритмах. Возможно, это уже перегиб, но то, что приоритет у национальных культур должен быть, — бесспорно.

ЗДРАВСТВУЙ, ПАНАМА!

Панама — площадь 78,2 тыс. кв. км,
население — 3 млн человек,
столица — Панама.

10

Пятое июня. Узкий перешеек, остроносой мотыгой вонзившийся в громаду Южно-Американского континента, оканчивается Панамой — последним мини-государством Центральной Америки. (Ударение в слове Панама делают не на вторую гласную, как принято у нас, а на третью — Панамá.) По уровню жизни эта страна значительно превосходит все другие государства региона, включая даже весьма благополучный туристический рай — Коста-Рику. Секрет прост: через неё проходит приносящий казне колоссальные доходы Панамский канал* и имеется оффшорная зона, привлекающая в страну крупный капитал. Без этих железобетонных подпорок быть бы Панаме заурядной банановой республикой.

Доходами от канала многие десятилетия пользовались американцы. Но после того как патриотически настроенные офицеры совершили в Панаме военный переворот, пришедший к власти генерал Торрихос добился от США подписания договора о возвращении канала и примыкающих к нему земель с 1 января 2000 года под юрисдикцию его страны. В результате этого судьбоносного решения Панама за довольно короткий период неузнаваемо преобразилась. Города украсили шедевры современной архитектуры, великолепные бульвары с фонтанами и зонами отдыха. Для малоимущих построены и продолжают строиться десятки благоустроенных посёлков (дома передаются в пользование с рассрочкой оплаты в тридцать лет, при этом первый взнос делает само государство). Пенсионерам на многие услуги предоставляется пятидесятипроцентная скидка, а связанные с ней потери частных компаний компенсируются из бюджета.

То, что страна на подъёме, стало понятно уже на КПП. Здания паспортного и таможенного контроля просторные, светлые. В помещениях кондиционеры, со вкусом подобранная мебель. Даже дезинфекция машин автоматизирована: заезжаешь в камеру, и через пять секунд процедура завершена. Глядя на всё это, понимаешь, насколько велика роль руководителя в экономическом благосостоянии страны. Верно на Руси говорят: «Каков поп, таков и приход».

Встретила нас Панама безоблачным небом и ярким солнцем. После недели проливных дождей, пропитавших затхлой сыростью всё снаряжение и одежду, это было особенно приятно. Правда,

* Панамский канал — многошлюзовый двухниточный канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. Его протяжённость — 81,6 км, перепад высот — 26 метров.

152

погода баловала недолго. Уже на следующий день с Атлантики налетел тайфун, и всё опять погрузилось в густой туман, сдобренный косыми прядями дождя.

Вулканами эта страна не избалована. В нашем маршрутном задании значится только один — Бару. Он же является самой высокой точкой Панамы (3475 м).

Чтобы успеть подняться на кратер до полудня, когда небосвод ещё свободен от туч, мы заночевали прямо у ворот одноимённого национального парка. Купив у охраны разрешение на восхождение, вышли на Бару задолго до рассвета. Первые километры протекторы ботинок «буксовали» по размытой потоками воды тропе, выдирая из неё окатыши. Потом долго поднимались по крутому склону, покрытому струпьями угловатых плит. Взойдя на скалистый утёс, запечатлели на видео, как из-за горизонта проклёвывается и, на глазах наливаясь светом, выплывает пунцовая капля. Во все стороны сразу брызнули живительные лучи. В какое-то неуловимое мгновение светило оторвалось от обугленных зубцов и, на ходу раскаляясь добела, поплыло, пробуждая залитые туманом долины ото сна. Мы старались не отстать от него и через минут двадцать стояли на самой высокой точке кратера.

Горы здесь хоть и пониже, чем в Коста-Рике, однако время так причудливо изрубцевало их шрамами и каньонами, что они стали походить на многоярусные крепостные стены с остроконечными

сторожевыми башнями. За ближними, зеленоватыми хребтами синели отроги повыше, а за ними ещё выше, но уже светлее и голубее. А совсем уж вдаль они казались полупрозрачными, как будто прикрытыми вуалью. Вся эта картина напоминала гималайскую серию пейзажей Николая Рериха. Сознание того, что по обе стороны от нас простирается безбрежность двух океанов (на западе — Тихий, на востоке — Атлантический), только усиливало это чувство.

Спустившись в лагерь, прежде чем направиться к столице, провели ревизию велосипедов: подтянули ослабевшие гайки, почистили и смазали зубной щёткой цепи, проверили давление в шинах.

Дорога вилась посреди банановых плантаций. Встречные машины мигают. На всякий случай сбрасываем скорость до 50 км/ч. И вовремя: за поворотом полицейский на мотоцикле с радаром дежурит. Водительская солидарность не знает границ!

Наше авто, словно предчувствуя завершение своей миссии, начинает сыпаться. Сначала навечно застрял в замке ключ зажигания. Потом стал заедать рычаг коробки передач, следом стёрлись до металла тормозные колодки — стоит нажать на педаль тормоза, так барабанные перепонки пронзает противный визг. А сегодня уже и дверные замки самопроизвольно закрылись. Хорошо, что ключ от двери у Ильи в кармане был. Чудит машина! Того и гляди без водителя ездить начнёт!

Духота изматывает. Перед привалами, а они через каждые сорок минут, посматриваем по сторонам в надежде увидеть среди плантаций банановых пальм ручей. И лишь только засекаем воду, останавливаемся и ложимся в неё прямо в одежде. Как-то после купания сидим в ожидании обеда на мокрых валунах, наслаждаемся прохладой. Вдруг Лёха подпрыгивает с криком: «Камень шевелится!» Оказывается, он сел на черепахе. Первая мысль: «Замечательный ужин!» Но, сфотографировавшись с речной тортилкой, подобрили — отпустили.

Крутить педали особенно тяжело после полудня: температура приближается к 40 градусам и воцаряется просто невыносимая духота. Пот течёт так, словно нас поливают водой. Временами налетает водяным смерчем гроза и на некоторое время охлаждает, но вскоре духота становится ещё нестерпимей.

Дорога до столицы Панамы оказалась довольно спокойной, без резких подъёмов и спусков. Перед городом автострада взлетела на холм, и с него как-то сразу открылся вид на громадный ажурный мост, перекинутый через залив, в который и выходит Панамский канал. Слева выгнули шеи гусаки портовых кранов, а справа, возле голубоватого острова, на рейде стоят, ожидая очереди, океанские суда. Вода в самом канале грязно-серая, но ближе к выхо-

153

“

Удивительно, сколько гор уже перевидал, а душа и сердце не устают восхищаться их неповторимой, каждый раз новой, красотой. Перевожу взгляд на заросших товарищей. Они тоже потрясены. Илья широко улыбается и скидывает руки вверх. Мы на вершине! Мы счастливы!

ду в Тихий океан приобретает сочно-бирюзовый цвет. Прямо под нами, под мостом, проплыл ослепительно белый семипалубный лайнер.

Внезапно открывшаяся с моста в проёме между двумя лесистыми холмами плотная группа белоснежных небоскрёбов Панама-Сити произвела сильнейшее впечатление: наши глаза уже отвыкли от такого множества высоченных бетонных башен.

Въехав в город, мы снова ахнули: нас окружали фешенебельные особняки, зелень, цветы, идеальная чистота. При этом историческая зона не тронута, более того — тщательно отреставрирована. Как сказал бы Киса Воробьянинов: «Да уж!» И что больше всего восхищает: всё это выросло за какие-то 10 с небольшим лет! Как только в казне появились за счёт национализации канала дополнительные доходы, так правительство сразу пустило их в дело: на строительство дорог, жилья, благоустройство. Всё это вызвало колоссальный рост числа новых рабочих мест. Доходы граждан возросли, люди стали покупать больше товаров, и, как следствие, начали развиваться отрасли, производящие их. Страна стремительно пошла в гору! Никаких резервных фондов и никаких экономических кризисов! Начхали панамцы на них!

Как вы понимаете, в таком городе в палатке не поночует. Пришлось селиться в отеле, в шестиместном номере с душем, кухней, бассейном во дворе, компьютером и Интернетом. За всё это 80 долларов, то есть 400 рублей с человека. В центре, среди небоскрёбов, это очень даже неплохо. Но объективности ради должен отметить, что все первые этажи в решётках, дворы за колючей проволокой. Видимо, криминал и тут силён.

Днём разбрелись по городу: кто продукты подкупить, кто в посольство, кто на встречу с журналистами. Я пошёл искать веломагазин, чтобы приобрести необходимые запчасти, — Костя назначил меня главным ремонтником. Иду и попутно щёлкаю на цифровик понравившиеся городские сюжеты. Вдруг наперерез мне из здания выходит полицейский и вежливо просит сначала показать паспорт, а потом то, что я сфотографировал. Я повиновался. Просмотрев последние кадры, сержант связался с кем-то по рации, а меня попросил задержаться. Минуты через три подъехал офицер и тоже предложил показать снимки. Убедившись, что белобородый измождённый дедушка в красных шортах, неопределённой национальности не моджахед и не иностранный шпион, откозырял и пожелал весёлого времяпрепровождения.

Интересно, что их так насторожило в моём облике? Кругом полно щёлкающих фотоаппаратами туристов — и ничего, а тут целое расследование устроили. Может, моя татарская борода смутила?

Чем ещё удивила Панама? Весьма странно было видеть в таком чистом и суперсовременном городе спутанные пучки многопарных линий связи, подвешенные на столбы среди сверкающих башен небоскрёбов и роскошных особняков. Какая-то противоестественная, нелогичная картина получается. У нас в Башкирии все кабели уже лет тридцать как в подземной канализации. Ещё больше удивило то, что водители игно-

156/157

рируют знак «Пешеходный переход» — носят как ужаленные. На одном из таких светофоров мне надоело ждать, когда у них проснётся сострадание к скопившейся толпе пешеходов, и я, выразительно угажая кулаком, решительно шагнул на проезжую часть. Подействовало, остановились, правда, нехотя... За мной радостно хлынули остальные.

В целом же народ здесь очень спокойный, я бы даже сказал — флегматичный (видимо, нет повода волноваться). В отличие от других стран Центральной Америки, в Панаме много афроамериканцев. Но живут они обособленно, в негритянских кварталах. Мы их проезжали: грязные улицы, обшарпанные дома...

На следующий день к нам по поручению чрезвычайного и полномочного посла России в Панаме Алексея Александровича Ермакова приехал консул Георгий Павлович Полин — высокий, спортивного телосложения молодой и обаятельный дипломат. Он повёз нас в гости к отцу Александру, настоятелю недавно открывшейся в Панама-Сити православной церкви.

Узнав о масштабах и целях нашей экспедиции, батюшка, тоже молодой человек, с улыбкой, располагающей с пер-

вого взгляда, прочитал, стоя перед ликом Христа, охранную молитву за здоровье путешественников, а затем пригласил в дом на чаепитие.

Вскоре подъехали несколько соотечественников, хорошо знающих дороги и вулканы в Колумбии и Эквадоре, в которых нам предстояло серьёзно поработать. В их числе седовласый старший советник посла Валерий Алексеевич Артасов и талантливый, деятельный бизнесмен, регулярно оказывающий церкви щедрую финансовую помощь, Алексей Воротников. Из общения с ними мы почерпнули много полезной и важной для себя информации. Тронутые столь радушным приёмом, прощаясь, оставили для нужд прихода наш автомобиль. Батюшка, даже зная о необходимости ремонта, радовался неожиданному приобретению как ребёнок.

Уезжали из устроенного неустанными трудами отца Александра и матушки Анны духовного центра в приподнятом настроении и с ощущением прикосновения к тёплому свету Отечества. Для меня было приятным сюрпризом то, что и батюшка, и матушка читали мои недавно изданные книги о людях, сильных духом, — старообрядцах (романы «Скитники» и «Золото Алдана»). Узнав, что я автор этих произведений, они сердечно благодарили за внимание к Расколу и староверству, одному из самых трагических периодов в истории России, круто изменившему вектор её развития.

И ещё одна новость, правда, грустная, — нашу команду по семейным обстоятельствам покидает Андрей Колодкин. Жаль, за эти месяцы мы стали одной семьёй!

ЭКВАДОР — ЭКВАТОР

Эквадор — площадь 283,560 тыс. кв. км,
население — 15 млн человек,
столица — Кито.

11

Время летит, словно быстрая птица: уже пятый месяц, как наша команда в пути. Неделю назад пересекли экватор и пылим по дорогам Эквадора уже в Южном полушарии. Любопытно, что контур этой страны, напоминающий сердце, рассечённое двумя внушительными рубцами Западной и Восточной Кордильеры, довольно точно повторяет профиль Южно-Американского континента.

Казалось бы, люди хорошо изучили свою планету, тем не менее Южная Америка по-прежнему остаётся средоточием исторических тайн, загадочных явлений. Это огромный котёл, в котором «варилась» иная история человечества. Возможно, с участием инопланетян или каких-то земных, но неведомых нам существ. Так, в Колумбии, Перу, Коста-Рике то и дело находят золотые «летающие кораблики», сделанные в доколумбову эпоху. Отличаясь в деталях, все они имеют горизонтальные крылья и вертикальный киль. Возможно, прообразом им служили реальные летательные аппараты пришельцев с иных планет.

Само название Эквадор (на испанском оно означает «экватор») у меня ещё со школы ассоциировалось с чем-то таинственным.

Это представление ещё более усилилось, когда узнал, что инки, спасая свои сокровища от алчущих конкистадоров, увезли их по тайным тропам как раз сюда, на территорию современного Эквадора, и основали среди огнедышащих вулканов царство Эльдорадо.

Скорее всего, это красивая легенда, но кто знает... Вдруг кому-то и посчастливится наткнуться на следы, подтверждающие достоверность этого мифа. Ведь сколько десятилетий циркулировали слухи о том, что в Чили, на острове Робинзона Крузо, хранятся несметные сокровища, но мало кто воспринимал их всерьёз, пока один авантюрист, продав свою фабрику, не снарядил оснащённую самой современной поисковой техникой экспедицию и в 2006 году на глубине пятнадцати метров обнаружил клад из шестисот бочонков золота. Эксперты оценили его стоимость в шесть миллиардов долларов США!

Знакомство с Эквадором начнём с его столицы, города Кито, в котором мы провели два полных дня. Он вытянулся на несколько десятков километров по дну широкой впадины меж двух хребтов на высоте 2800 метров над уровнем моря. Впадина уже не вмещает его, и город расползается длинными языками по крутым

межгорным распадкам. Самые крайние постройки достают теперь до облаков. Дно котловины весьма холмистое. Если Москва стоит на семи холмах, то Кито, пожалуй, на всех семидесяти! С высоты птичьего полёта мегаполис напоминает многолапого крокодила, спина которого покрыта бугристым панцирем.

Здесь климат не соответствует названию страны: бодрящие 14 градусов никак не вязались с традиционным представлением об экваторе. (Если учесть, что каждый километр над уровнем моря даёт понижение температуры на шесть-семь градусов Цельсия, то в Кито при нулевой отметке было бы 34° C). Кстати, его линия проходит всего в семнадцати километрах от города и отмечена массивной тридцатиметровой стелой, на которой водружён макет земного шара, опоясанного золотой цепью. Внутри стелы находится музей истории Эквадора, а от западной и восточной стен в обе стороны отходят полосы, символизирующие экватор. Так что здесь можно одной ногой стоять в Северном, а другой в Южном полушарии и наблюдать (правда, почему-то не всегда) интересное явление: вода, сбегая в воронку, в разных полушариях закручивается в разные стороны (в Южном — по часовой стрелке, в Северном — против). А на самом экваторе сливается без завихрений. Пользуясь этим свойством воды, можно определять линию прохождения экватора с точностью в несколько метров.

Небоскрёбов, таких как в Панаме, в Кито нет. Но зато сохранилось огромное количество построек колониального периода. Сове-

менные дома в основном из стекла и бетона, кубовидные, невысокие — двух- и трёхэтажные, с широкими открытыми террасами. (Может, поэтому Кито и занимает такую большую территорию.) Улицы крутые, напоминающие город моей юности — Владивосток, или, как мы его ласково величали, Владик.

Двухэтажный президентский дворец на площади Независимости довольно скромный и по размерам, и по отделке. Вход в него охраняют солдаты в форме гвардейцев 18 века с красными пиками. Слева от него здание правительства. Тут же на площади отдыхают горожане с детьми: беззаботно прогуливаются, едят мороженое, кормят голубей, а президент страны и министры добросовестно работают в пятидесяти метрах от своего народа. По периметру площади расположены ещё кафедральный собор, магазины, рестораны, музеи. Необычайно красочно выглядит эта площадь вечером при свете прожекторов и фонарей.

Впечатлила католическая базилика с изящными, ажурными шпилями, выполненными в неоготическом стиле. Особенно понравились многочисленные витражи. Каждый — это картина библейского содержания, выполненная из кусочков разноцветного стекла.

Но всё же наиболее яркая достопримечательность Кито — гигантская статуя Девы Марии. Она установлена на вершине одного из холмов на постаменте, представляющем собой копию земного шара. Говорят, что это единственная статуя, на которой Мадонна изображена с крыльями. Она держит на цепи змею, извивающуюся у её ног.

Много монастырей. Все они в образцовом состоянии. На дверях келий таблички с именами проживающих в них монахов. При этом, как мне показалось, самих мирян не отнесёшь к числу прилежных прихожан — костёлы во время службы полупустые.

Ещё город богат скверами, парками. В них эквадорцы играют в волейбол, танцуют, слушают игру гитаристов, аккордеонистов, поют или просто лежат на траве. Чувствуется, что горожане любят свою столицу: вокруг домов и на балконах цветы, на улицах идеальная чистота. В каждом районе имеется свой небольшой рынок.

Но, как и во всех иных странах Центральной и Южной Америки, лиходеи и здесь не дремлют. Посему местному населению приходится прибегать к традиционным средствам защиты: опоясывать дома кольцами колючей проволоки или замуровывать в бетонную ограду острозубые осколки стеклянных бутылок.

На второй день нашего пребывания в Кито произошли два события, красноречиво иллюстрирующие криминальную обстановку в южноамериканских государствах.

Первое произошло со мной.

Купив новый аккумулятор к фотоаппарату, я решил прогуляться по малолюдным старинным кварталам, чтобы запечатлеть хорошо сохранившиеся уголки средневековья. Не знаю почему, но как-то сразу обратил внимание на невысокого крепыша лет тридцати. Он стоял в тени дерева и читал книгу. От него исходила непонятная угроза. Обернувшись минут через пять, вижу: точно,

следует за мной. Я нырнул внутрь квартала и, попетляв немного в его лабиринтах, вышел на соседнюю улицу. Оглядываюсь: парень по-прежнему на хвосте. Понятно! Выжидает удобного момента. Для чего? Скорей всего, для ограбления. Полиции не видно. Прохожих тоже один-два. Как быть? Сделав ещё несколько безуспешных попыток оторваться, я начал злиться сам на себя: «Чего это я бегаю от него, как заяц от волка?» Разворачиваюсь и решительно шагаю ему навстречу. Подойдя вплотную, в ярости сунул ему под нос дулю и, обложив самым выразительным набором русских словосочетаний, повернул обратно... После этого я его больше не видел.

А вот Костя с Николаем влипли, причём по-крупному. Когда они ехали по центру на велосипедах, на них сверху вылили жидкое дерьмо (!). От расплзающихся по телу комочков в нос ударила тошнотворная вонь. Ребята в шоке! Сердобольные прохожие тут же стали подавать кто бумагу, кто тряпки. Кое-как обтёршись, бедолаги огляделись и... поняли назначение этой иезуитской атаки: висевший на ручке велосипеда дорогой фотоаппарат исчез.

В Латинской Америке такого рода сюрпризы возможны в любой момент! Расслабляться нельзя ни на минуту. Не зря в этих странах так много полиции. Она превосходно экипирована и оснащена. Правда, борется не только с преступностью, но и к туристам цепляется.

Два сержанта ни с того ни с сего «наехали» и на меня.

— Тут нельзя фотографировать! Уберите фотоаппарат!

164

А снимал я в этот момент обычный средневековый особняк. Видимо, приняв меня за янки, решили таким образом выразить свою неприязнь.

Обойдя историческую часть города с пешеходными улицами, я был восхищён великолепным состоянием построек 17–19 веков. Больше всего понравилось то, что нет ни одного новодела. Всё сохранено в первозданном виде. Более того, старые дома постоянно реставрируются и ремонтируются.

Судя по количеству «нив» и «лад» на дорогах Эквадора, отношения с нашей страной самые тесные. Это подтверждают и знаки советской символики на стенах домов и заборах. Российских машин по сравнению с «ниссанами» и «тойотами», разумеется, небольшой процент, но увидеть знакомые силуэты на чужбине всегда приятно («Нивы» действительно уникальны по проходимости, им бы ещё добавить комфорта и надёжности.) Штатовских же машин практически нет.

Несмотря на обилие разнообразных исторических, природных и этнографических достопримечательностей в стране, туризм здесь не развит. Даже в старой колониальной части Кито иностранцы — редкость. Отели полупустые, хотя цены вполне доступные. Так, номер на пятерых в хостеле нам обошёлся всего в 36 долларов.

Последние годы у власти стоят левые партии во главе с президентом-социалистом Рафаэлем Корреа, известным своим антиамер-

риканизмом. Страна живёт по разработанной им и его соратниками концепции «Социализм XXI века». Дай бог им успехов!

Население, а это в основном малорослые индейцы и метисы (испанцы + индейцы), похоже, не бедствует, что подтверждается средней продолжительностью жизни: у мужчин — 72 года, у женщин — 78. Чернокожие встречаются, но реже, чем в Панаме. Радует, что население не чурается носить национальную одежду, правда, это по преимуществу люди среднего и старшего возраста (непременная шляпка и большой яркий одноцветный платок на плечах у женщин и пончо со шляпой и шарфиком на шее у мужчин). Девушки же — в джинсах или брюках в обтяжку, а если в юбках, то в кожаных сапогах с голенищем выше колен. Женщины в этой стране, пожалуй, самые красивые по сравнению с теми, что мы видели с начала экспедиции: фигуристые, с миловидными лицами и выразительными глазами. Каждая вторая — просто красавица. Курящих не встречали. Может быть, повторюсь, но ещё раз хочу подчеркнуть, что в Центральной и в Южной Америке курение не приветствуется.

Громадный Кито может гордиться и тем, как грамотно и успешно решена транспортная проблема. Пробок здесь нет, хотя машин море. Для скоростных метробусов выделены две специальные полосы, отделённые от дорог общего назначения высоким бордюром. Чтобы не препятствовать движению остального транспорта, эти полосы на перекрёстках уходят под землю. Посадка в метробусы (они похожи на комфортабельные троллейбусы) осуществляется с высоких крытых площадок-павильонов. Практически это метро, только наземное.

Чтобы остановить обычный автобус, достаточно махнуть рукой. Водитель тут же притормаживает, и пассажир с помощью стюарда заскакивает в постоянно открытую переднюю дверь. На остановках народ стоит в очереди, и она строго соблюдается. Это так приятно, когда знаешь, что никого не придётся одёргивать.

Автотранспортная сеть в стране развита превосходно. Регулярные пассажирские маршруты организованы во все селения. В самом Кито построен просторный, великолепно оборудованный автовокзал.

Эквадорцы очень отзывчивы. Такой пример: при отправке тёплых вещей из Панамы в город Ушуайя, расположенный на Огненной Земле, я, чтобы максимально облегчить рюкзак, вместе с пуховиком, тёплыми сапогами, шапкой, рукавицами отправил и свой пуховый спальный мешок. Уже первая ночь в Эквадоре показала ошибочность этого решения: здесь хоть и экватор, но совсем не жарко. Чтобы исправить положение, поехал в центр. Выйдя из автобуса, по-

165

интересовался у молодого человека, как найти спортивный магазин. Так юноша, видя, что я не понимаю по-испански, довёл меня прямо до входа!!!

Семьи в Эквадоре, как правило, большие. Родители детей обожают. Малыши спокойные, улыбчивые. Плачущим не видел ни одного.

Ассортимент продуктов в магазинах значительно богаче, чем в Северной и Центральной Америке. Выбор круп, мяса, сыров огромный (рис стоит 12 рублей за 1 кг, мясо — 40–60). Но больше всего нас устраивало то, что здешний хлеб по вкусу не уступает нашему.

В Эквадоре мы должны подняться на два вулкана. Крепко спящий, но зато самый высокий Чимборасо (6310 м) и действующий — Котопахи (5897 м).

Чимборасо хоть и не такой рослый, как гималайские восьмитысячники, зато его вершина удалена от центра земли дальше, чем у Эвереста (8842 м). Этот парадокс объясняется тем, что наша планета по форме не шар, а сплюснутый у полюсов особой формы эллипсоид-геоид и имеет наибольший радиус у экватора.

К Котопахи мы отправились на велосипедах, с двухпудовыми рюкзаками на багажниках. Дорога постоянно шла в гору. Это само по себе не сахар, а с тяжеленными рюкзаками так и вовсе не фонтан. Вдобавок ко всему после полудня начался дождь. На высоте 3000 метров он вдвойне неприятен. Во время отдыха между ходка-

ми подкрепляемся бананами. Их продают в деревушках связками, весом по 6–7 килограммов, всего за 2,5 доллара.

Пока поднимались по асфальту, не так уставали, но когда на смену пришло гравийное полотно, изрезанное глубокими промоинами, настал, как говорит один мой друг, конец всему! Приходилось то и дело слезать и толкать впереди себя велосипед с рюкзаком. А вскоре дорога и вовсе превратилась в полосу препятствий: одни бугры и колдобины. Тем не менее пытаемся ехать. Переднее колесо из-за возросшего уклона то и дело отрывается от земли. Местные жители провожают наш караван удивлёнными взглядами. Собаки же, отрабатывая свой кусок мяса, атакуют, грозно лязгая зубами.

С местом для ночёвки снова проблемы: вдоль дороги по стволам деревьев натянута ряды колючей проволоки. За ней частные наделы самых разных размеров. В конце концов от безысходности, на свой страх и риск, перелезаем через ограду и ставим палатки на краю пастбища. Смотрим на альтиметр — высота 3500 метров.

Утром, забравшись на очередной отрог, увидели снежный купол Котопахи. Отсюда красноватая дорога стала ровней. Леса вокруг давно вырублены, и горные склоны до высоты 3800–3900 метров покрыты лишь травой. Выше — одни голые камни. Там выживают только лишайники.

В трёх километрах от подножия Котопахи вольготно раскинулся постоянный двор с харчевней. Рядом небольшой монастырь святого Августина. Стены построек и высокая ограда по старинке обмазаны глиной, а окна современные, пластиковые. От хозяина харчевни узнали, что именно здесь проходила знаменитая тропа Повелителя Инков.

Время было обеденное, и мы решили продегустировать блюда эквадорской кухни: суп локро из картофеля и сыра и жаркое из козлёнка с острым соусом ахи, но, увидев цены, передумали.

Пока заползали по размашистому серпантину непосредственно на конус вулкана (двухсотметровый траверс давал подъём всего на 10–15 метров), нас окружили тучи, поднялся шквалистый ветер и одновременно с раскатами грома сыпанул град, да такой крупный, что мы не знали, куда спрятаться от болезненных ударов ледяных шариков. Покров за несколько минут землю сплошным слоем, он перешёл в дождь. И мы, почёсывая горящие от ушибов тела, снова поползли сквозь водную завесу вверх — где-то там должен быть приют. Дело близилось к вечеру. Стало понятно, что до приюта сегодня не добратесь, и Костя объявил ночёвку.

Утро порадовало ясной погодой и лёгким морозцем. По грунтовке через пару ходок достигаем относительно ровной площадки. Дорога из-за крутизны склона заканчивается, и дальше к приюту ведёт лишь узкая, змеевидная тропинка. Взяли на себя рюкзаки, поднимаемся, толкая велосипеды. Я на последнем издыхании, но иду, останавливаясь, правда, через каждые 25 шагов. Ребят уже не видно.

Ура! Наконец и я дополз до места! Высота 4820 метров! В приюте полно альпинистов. Шумно и холодно. Не долго думая, разбиваем лагерь на лавовом поле. От него до ледниковой шапки каких-то

двадцать метров. Подводим итог: за двое суток поднялись на велосипедах с грузом с 2800 до 4820 метров. Неплохо!

Здесь уже минусовая температура. Дует сильный порывистый ветер, окрестности затянуты тучами. На наше счастье, к вечеру прояснилось. Кругом, куда ни глянь, — дали, дали без конца. Голо и дико кругом. На север и восток дыбятся друг за другом зубчатые цепи. Безжизненная, неприступная горная страна. На западе у горизонта облака, круто взбитые, упругие, с красными боками. Быстро смеркалось. На небосводе вызревали первые звездочки, но остроконечные пики тлели неугасающими кострами до тех пор, пока сгустившаяся тьма не потушила кровавые сгустки заката. Сразу дохнуло холодом. Помрачневшие склоны смотрели угрюмо, недружелюбно. В тишине всё отчетливей раздавался монотонный крик какой-то птицы...

Пока готовился ужин, сходили познакомиться с местными проводниками. В два часа ночи они поведут альпинистов из Австрии, наверху много трещин и ледопадов. Договорились выходить вместе с ними.

Мне не спалось. В голове, вместе с чувствительно пульсирующей из-за нехватки кислорода кровью, металась беспокойная мысль: смогу ли подняться? Только было задремал, как прозвучала команда нашего предводителя: «Индейцы, подъем!»

Мимо наших палаток, звеня железом, уже мерно вышагивали австрийцы. Надев ботинки и кошки (без них идти по оледенелому

снегу опасно), двинулись за ними. Шли гуськом, ступая след в след. Подмораживало. На камнях солью выступила изморозь. Над вулканом чёрное, как прокопченный потолок в бане, небо, залитое бесчётными звёздами. На горизонте тем временем обозначилась узкой щёлкой заря.

Изредка поднимая голову, с удовлетворением отмечаем, что фонарики приближаются. Отдыхать садимся недалеко от стенки, с которой свисают огромные сосульки, — она хорошо защищает от пронизывающего ветра. Через десять минут встаём и продолжаем подъём. Вот уже поравнялись с хвостом цепочки. С удивлением отмечаем, что австрийцы идут в связках на расстоянии всего два метра друг от друга: в критической ситуации такая короткая верёвка даже опасна.

Передохнув, идём на обгон. Первым обошёл цепочку Лёха, следом Костя, за ним остальные. Вершина уже близка. На альтиметре — 5785 метров! Осталось 112! Подъём осложняли глубокие трещины и узкие карнизы, проходящие вдоль стены, украшенной многометровыми ледопадами.

Когда я взобрался на присыпанный снегом, глубокий, в ледовых потёках кратер, ребята уже завершили измерения и приступили к фотосессии с флагами.

Вытираю выдавленные морозным ветром слёзы и пожимаю руку командора (он, чтобы облегчить восхождение, всю дорогу нёс мой рюкзак).

С высоты 5897 метров открылась ещё более впечатляющая, чем из лагеря, картина: бесконечные гряды хребтов, заполнявшие пространство от горизонта до горизонта, замысловатая вязь ущелий и долин, зажатых между ними, головоломные извивы рек, лохмотья облаков. На юге над тучами грозно возвышался мрачноватый конус Чимборасо. Отсюда хорошо просматривалась и впадина, приютившая столицу Эквадора. Над нами бездонный, тёмно-синий колокол со слепящим билом посередине.

Холодный ветер пронизывал до костей. Чтобы не замёрзнуть, быстро поворачиваем обратно. Навстречу выползают австрийцы. Кое у кого на лицах заметны проявления горняшки. Нас, слава богу, она уже не мучает: организм привык к большим высотам. Один из них пьяным голосом произносит: «Ола! (Привет!)» Желаем ему удачи и аккуратно, чтобы не зацепить, обходим. С особой осторожностью перебираемся через глубокие трещины. Когда поднимались при свете налобных фонариков, они выглядели не так пугающе.

С базового лагеря спускались вниз на своих железных «лошадках» с такой скоростью, что ветер в ушах свистел. На усеянной камнями дороге велосипед трясло так, что руль, казалось, вот-вот выбьёт из рук. Когда скорость приближалась к границе, за которой теряется управляемость, притормаживали, а через минуту опять неслись как очумелые. Поскольку тормозить приходилось часто и на совесть, колодки вскоре задымили. Пришлось остановиться. И вовремя! Оказалось, что половина гаек едва держалась на последнем витке. Ещё пару минут, и наши «жеребцы» рассыпались бы прямо под нами.

ЭПИЛОГ

По ряду уважительных причин, среди которых самая весомая — вручение Всероссийской литературной премии имени Вячеслава Шишкова, я вынужден был после Эквадора прервать своё участие в экспедиции «Огненный пояс Земли».

Когда я покинул команду, было уже пройдено 21550 километров из запланированных 65000 километров.

После моего отъезда ребята поднялись в Эквадоре ещё и на гигантский Чимборасо (6267 м). Затем, оседлав железных «коней», пересекли безжизненные пустыни и совершили восхождение на перуанский вулкан Мисти (5822 м). Подняться на вершину с ходу не удалось. Вынуждены были всю ночь мёрзнуть без тёплого снаряжения в 100 метрах от кратера и завершать его описание обмороженными пальцами на следующий день.

Проехав по берегу высокогорного (3800 м) судогодного озера Титикака до крупнейшего солончака Уюни, перевалили Анды и оказались в самой сухой на земном шаре чилийской пустыне Атакама. В южной части Чили поднялись на два вулкана: самый активный в Андах стратовулкан Вильяррика (2847 м) и труднодоступный, технически сложный Планчон-Петероа.

Достигнув крайней точки Южно-Американского материка — Огненной Земли, вылетели из городка Ушуайя в Новую Зеландию. На велосипедах пересекли оба её острова: Южный и Северный. В Австралии поднялись на высшую точку этого континента — гору Косцюшко (2228 м). Затем, достигнув города Кэрнс, собрали присланный из России парусный надувной катамаран и отплыли в Папуа — Новую Гвинею.

Папуасы встречали их, как и во времена известного морехода Кука, весьма недружелюбно.

В одном из селений ребятам даже пришлось отбиваться от пиратского нападения. В отдельных племенах до сих пор существует каннибализм. Так, в ходе парламентских выборов были убиты и съедены шесть не понравившихся кандидатов в депутаты.

Единственный вулкан, на который удалось взойти в этой стране, — вулкан-остров Манама, и то только благодаря тому, что необитаем.

Границу Индонезии пересекли 23 августа 2012 года, но в этой стране из-за бюрократических препятствий на вулканы подняться не получилось. В Филиппинах совершили восхождение на вулкан

172

Ало. Обогнув остров Тайвань, пережив несколько штормов (был сезон тайфунов), пересекли Восточно-Китайское море и вышли к островам Японии. В общей сложности на катамаране от Австралии до Японии команда россиян прошла 16 000 километров.

Затем на велосипедах за три месяца объехали острова Кюсю, Сикоку, Хонсю. В декабре 2012 года поднялись на чрезвычайно активный стратовулкан Сатурадзима и спящий Фудзияма.

В начале февраля 2013 года ребята перелетели из Токио на остров Сахалин. Закупив зимнее снаряжение, на лыжах прошли Курильские острова Кунашир, Итуруп, Уруп с восхождением на вулканы Тятя, Кудрявый, Трезубец.

Финишировала экспедиция 4 июля 2013 года в Усть-Камчатске после восхождения на проснувшийся вулкан Толбачик (3682 м).

Всего за 810 дней было пройдено 65 тысяч километров (пройти запланированные 70 тысяч не удалось, поскольку Комитет не дал разрешения на посещение Антарктиды) и описано около 40 вулканов. Из шести стартовавших на Аляске 19 февраля 2011 года весь маршрут от мыса

173

Принца Уэльского до Камчатки одолели трое: Константин Мержоев, Николай Коваленко и Илья Семёнов. (Алексей Казаченко вынужден был в Филиппинах вылететь в Россию по семейным обстоятельствам.)

В пути случалось разное, но опыт и личные качества Кости позволили пройти маршрут и без крупных ЧП.

Собранная на маршруте информация после её обработки вулканологами и геоморфологами позволит объективно оценить состояние вулканов тихоокеанского побережья. (Из 540 известных на земле действующих вулканов более половины расположены как раз по периметру Тихого океана.)

Но даже сейчас можно утверждать, что активность вулканов возрастает. Особенно настораживают темпы заполнения магмой гигантского купола Йеллоустонского мегавулкана. И хотя его созревание до критического уровня — процесс длительный и может занять не одно тысячелетие, не исключена возможность более раннего пробуждения.

Отснятый материал послужит основой для трёхсерийного телефильма.

УДК 910.4
ББК 26.89
3-59

3-59   **От Аляски до Эквадора.** Уфа: Инеш, 2015. — 176 с. — с ил.
ISBN 978-5-903622-64-1
Знак информационной продукции 12+

УДК 910.4
ББК 26.89

Зиганшин Камиль Фарухшинович

ОТ АЛЯСКИ ДО ЭКВАДОРА

Редактор *Алексей Фенин*

Ответственный за выпуск *Гульнара Белозёрова*

Фото *Камиль Зиганшин*

Макет, препресс *Тимофей Лобацкий*

Корректор *Ольга Савичева*

Отзывы и замечания направлять — e-mail: ziganshin_kamil@mail.ru

Подписано в печать 17.01.16. Формат бумаги 70х100/16. Усл. печ. л. 14,3. Тираж   экз.
Заказ   .

ООО «Издательство «Инеш». 450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.
Отпечатано с готовых файлов.

ISBN 978-5-903622-64-1

© К.Ф. Зиганшин, 2016
© «Инеш», 2016